

Российский
центр научной
информации

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

Российский
центр научной
информации

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 3 (118) июль – сентябрь 2024 года

Основан в 1995 году

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский центр научной информации»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 3 (118) July – September 2024

Founded in 1995

The Founder

**Federal State Budgetary Institution
Russian Centre for Science information**

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение Председателя ИППО С.В. Степашина к читателям журнала	9
---	---

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Беляев Л.А. Российско-Палестинская Иерихонская археологическая экспедиция и Музейно-парковый комплекс РФ в Иерихоне: перспективы развития.....	11
Голофаст Л.А. Керамика Иерихона V–XV веков: опыт составления каталога-определителя.....	25

АНТИЧНОСТЬ, ВИЗАНТИЯ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СРЕДНИЕ ВЕКА

Бибиков М.В. Ранневизантийские описания Палестины.....	44
--	----

РОССИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК

Алексеев А.И. Россия и Палестина в последний век Российской империи (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки).....	51
Петрунина О.Е., Герд Л.А. Россия и Антиохийская церковь: опыт взаимодействия в XVIII–XX веках.....	62
Бутова Р.Б. Русская Палестина. Недвижимость архимандрита Антонина (Капустина).....	72

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вах К.А. Эрнст Густав Шульц — учёный, дипломат и исследователь Святой Земли	86
Цысь В.В., Цысь О.П. Палестинские чтения как форма культурно-просветительской работы епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского Общества с середины 1890-х по 1917 год.....	101

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Житенёв С.Ю.

История развития паломничества русских православных богомольцев
в Святую Землю в XIX – начале XX века..... 112

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Смирнова И.Ю.

«Дело о ремонте Купола храма Гроба Господня»: дипломатический проект России XIX века..... 123

Федорченко А.В., Крылов А.В.

Влияние Иерусалима на культуру России..... 139

CONTENTS

Message from IOPS Chairman S.V. Stepashin to the readers of the magazine	9
---	---

ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY

Belyaev L.A. The Russian-Palestinian Jericho Archaeological Expedition and the Russian Museum and Park Complex in Jericho: Development Prospects	11
Golofast L.A. Ceramics of Jericho from the 5 th to the 15 th Centuries: the Experience of Compiling an Identification Catalog.....	25

ANTIQUITY, BYZANTIUM, THE MIDDLE EAST IN THE MIDDLE AGES

Bibikov M.V. Early Byzantine Descriptions of Palestine.....	44
---	----

RUSSIA AND THE ORTHODOX EAST

Alekseev A.I. Russia and Palestine in the Last Century of the Russian Empire (Based on the Materials of the Manuscripts Department of the National Library of Russia).....	51
Petrunina O.E., Gerd L.A. Russia and the Antiochian Church: the Experience of Interaction in the XVIII–XX Centuries.....	62
Butova R.B. Russian Palestine. Real Estate of Archimandrite Antonin (Kapustin).....	72

HISTORY OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY

Vakh K.A. Ernst Gustav Schulz — Scholar-Diplomat and Explorer of the Holy Land	86
Tsys V.V., Tsys O.P. Palestinian Readings as a Form of Cultural and Educational Work of Diocesan Departments of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Middle of the 1890s–1917.....	101

PILGRIMAGE

Zhitenev S. Yu.

History of the Development of Russian Orthodox Pilgrimage to the Holy Land
in the 19th – Early 20th Centuries 112

INTERNATIONAL RELATIONS

Smirnova I. Yu.

The Case of the Repair of the Dome of the Church of the Holy Sepulchre:
a Diplomatic Project of Russia in the 19th Century 123

Fedorchenko A. V., Krylov A. V.

The Influence of Jerusalem on the Russian Culture..... 139

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ «ИМПЕРАТОРСКОЕ
ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО С.В. СТЕПАШИНА К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА

Дорогие друзья!

Пятнадцать лет назад (20 июля 2009 г.) Российский гуманитарный научный фонд и Международная общественная организация «Императорское Православное Палестинское Общество» (МОО «ИППО») подписали соглашение, согласно которому в рамках аналитической ведомственной целевой программы РГНФ «Россия в многополярном мире: образ страны» был проведён ставший впоследствии ежегодным конкурс научно-исследовательских проектов по теме «Палестина и Россия: исторические и культурные контакты и связи». Целью конкурса являлась поддержка наиболее значимых научных исследований, посвящённых изучению различных аспектов многовековых взаимоотношений России и Палестины.

Научная деятельность МОО «ИППО» всегда была ориентирована на задачи академической науки. Поэтому совместный конкурс РГНФ—ИППО стал логичным этапом развития отечественной фундаментальной науки в области востоковедения и православного палестиноведения, а также изучения исторических и культурных связей России и Ближнего Востока. В рамках конкурса научных проектов ИППО—РГНФ в 2010–2015 гг. были осуществлены свыше 40 научных исследований, изданы более 20 монографий, проведена Международная научная конференция «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность в Святой Земле. К 130-летию со дня основания».

Заключение соглашения между РФФИ и МОО «ИППО» (6 апреля 2018 г.) привело к изменению формата исследований, позволившему охватить более широкий комплекс тем по историческим, политическим, культурным контактам и связям России и Ближнего Востока. Совместный конкурс был призван оптимизировать научную деятельность и придать новый импульс развитию российского востоковедения. Соглашение предусматривало проведение многолетнего совместного конкурса ИППО–РФФИ по тематическому направлению, которое называлось «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи».

В рамках конкурса была успешно проведена Всероссийская научная конференция «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания Азиатского департа-

мента МИД Российской империи». Конференция состоялась 3–4 октября 2019 г. в Санкт-Петербурге под руководством Научной секции МОО «ИППО». Особый резонанс среди участников форума вызвал доклад академика РАН М.Б. Пиотровского «Зимний дворец как центр дипломатической деятельности Российской империи на Ближнем Востоке». В 2019–2021 гг. в рамках конкурса научных проектов ИППО–РФФИ были осуществлены более 40 научных исследований, издана «Энциклопедия ИППО: 1882–2022 гг.».

В предлагаемом номере журнала представлены наиболее значимые и резонансные достижения проектов фундаментальных научных исследований конкурса «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», проведённого в 2019–2021 гг. совместно РФФИ и МОО «ИППО».

Председатель ИППО

С.В. Степашин

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Индекс УДК 902/904
Код ГРНТИ 03.41.91
DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-11-24

Л.А. БЕЛЯЕВ*

Российско-Палестинская Иерихонская археологическая экспедиция и Музейно-парковый комплекс РФ в Иерихоне: перспективы развития

В статье даётся общий обзор процесса формирования Иерихонской экспедиции Института археологии РАН и её деятельности начиная с 2010-х гг. Показано развитие задач этой небольшой группы учёных, собранной для осуществления полевой работы при строительстве на участке Музейно-паркового комплекса РФ в Иерихоне. Демонстрируются издательская и аналитическая деятельность, взаимодействие с системой РФФИ, основные достижения. Показаны расширение задач, которые охватывают сейчас работу по изучению русского присутствия и – особенно – участие в жизни Иерусалима середины – второй половины XIX в.; изучение материалов византийского и исламского периодов в Иерихоне; проработка ранних музейных коллекций представителей России на Святой Земле и широкий круг общих вопросов. Акцентируются влияние, которое Экспедиция оказала на развитие интереса к восточно-средиземноморской тематике для исследования Северного Причерноморья, а также включение в число практических задач Экспедиции историографического обзора древностей «русских участков».

Ключевые слова: Святая Земля, византийская археология, исламская археология, русские путешественники, русские участки, историография, паломничество, археология XIX–XX вв.

С момента, когда для работ на участке Музейно-паркового комплекса (МПК) Российской Федерации в Иерихоне была создана Российско-Палестинская Иерихонская археологи-

ческая экспедиция ИА РАН (далее – Экспедиция), возобновившая, спустя почти 150 лет, работы на бывшем Иоасафовском участке, полученном Православным Палестинским обществом в 1880-х гг., про-

* **Беляев Леонид Андреевич** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель отдела Института археологии РАН, руководитель проекта «Керамика и её производство в Палестине I – начала II тыс. н.э. По материалам исследований в Иерихоне» (19-09-41021) и других проектов.
E-mail: labeliaev@bk.ru

** Статья подготовлена в рамках темы «Древности «русских участков» на Святой Земле: история исследований и современная археология» (№ НИОКТР 122071100011-4).

шло более десятилетия (работы ведутся с 2010 г.). Экспедиция появилась как структура, призванная сопровождать строительные работы, которые затронули культурные слои древнего поселения Эр-Риха.

Однако наряду с научно-охранными исследованиями почти сразу были инициированы подготовка материалов для устройства на участке археологической экспозиции (каталогизация и реставрация собранных находок, оформление прав на их использование как части культурного наследия Палестины), формирование предварительной концепции, разработка дизайн-проекта, а затем и реализация его на месте. Эти работы нельзя назвать профильными для археологической экспедиции, но они стали логическим продолжением проведённых фундаментальных научных исследований, и Экспедиция с ними справилась.

Более того, Экспедиция изначально видела свои задачи как предельно широкие, включённые в деятельность по подготовке в России научной группы, которая сможет самостоятельно работать на памятниках Святой Земли, адекватно изучать в лабораторных условиях получаемый материал и анализировать полученную информацию на уровне, сравнимом с современным мировым. Идея такой группы – очень старая. Она восходит ко второй половине XIX – началу XX в., когда в ходе Первой мировой войны была осознана необходимость иметь в Иерусалиме собственный археологический институт, подобный устроенному в Стамбуле. Это должно было обеспечить России научное присутствие наряду с давно устроившими такие институты в Иерусалиме Англией, Германией, Францией и США. В советский период идею прочно забыли, но мысль начала подспудно оживать в 1990-х гг. «Иерихонский проект» оказался первым практическим шагом в этом направлении.

Конечно, речь с самого начала шла не только о знании как наборе фактов, но и об антропологии науки и культурной среды в Палестине, а также и о политике. Необходимо было научиться выходить за рам-

ки собственно археологии. Для нас оказались важными не только сведения о памятниках древности позапрошлого века на Святой Земле. Ценны и новые сведения по истории того международного сообщества, которое начало складываться ещё в рамках библейских исследований, на базе общего интереса к отражённому в мифологии прошлому региона [1–3 и др.]. В будущем из этого неформального коллектива вырастет целая сеть в большей или меньшей степени связанных с государствами и конфессиями институций, и сегодня благополучно существующих в Иерусалиме. Среди них, однако, нет российской группы. В то время как на первом этапе, особенно в третьей четверти XIX в., эта группа начала складываться, её роль была достаточно заметна, причём не только в развитии национальной науки, но и в мировой – в тот момент почти исключительно западной – археологии и библеистике.

Таким образом, чтобы уверенно пойти вперёд, потребовалось вернуться к наследию дореволюционной русской науки, в сущности заброшенному почти на столетие. Интерес наших предшественников в значительной мере был сосредоточен на освоении тех памятников, что были расположены на «русских участках», т.е. земельных владениях, приобретённых Россией при посредстве Русской Духовной миссии с помощью связанных с ней местных жителей (поскольку в Османской империи владеть землёй иностранным подданным запрещалось). В составе научного наследия оказалось совсем немного работ профессиональных археологов. Зато общий объём архивных и опубликованных, но прочно забытых источников можно оценить как чрезвычайно значительный. К тому же функции исследователей в XIX в. брали на себя путешественники, деятели Церкви, дипломаты и вообще все, кто по тем или иным поводам оказывался в Сиро-Палестинском регионе.

Наконец, Экспедиции потребовалось заполнить те пробелы в академической археологии Иерихонского оазиса, которые сохранялись несмотря на постоянный и, можно

сказать, всемирный интерес к прошлому земли трёх авраамических религий. Такие лакуны обнаружались для эпохи Византии и, в особенности, для периода развития здесь исламской культуры. Так, на средства гранта РФФИ (19-09-41021 «Керамика и её производство в Палестине I – начала II тыс. н.э. По материалам исследований в Иерихоне, ИА РАН 2017–2019») была глубоко изучена полученная при раскопках в Иерихоне коллекция и опубликован каталог-определитель фрагментов византийского и исламского периода, созданный на самом современном научном уровне [4].

Изучение этой последней коллекции, в значительной части ещё сохраняющейся в современной Палестине, вызывает понятный интерес. Но его трудно развивать в силу того, что собственной научной школы палестинцы пока не имеют, а институты Израиля до XXI в. этой темой занимались неохотно, и, хотя определённое оживление наметилось, сделано пока сравнительно немного. Для Экспедиции оказалось достаточно логичным работать именно с этими двумя периодами: во-первых, к ним относятся слои, здания и производственные инсталляции на Участке МПК; во-вторых, археология Византии и исламская археология в России хорошо развиты и имеют по-настоящему богатый опыт.

Первый этап работ Экспедиция закончила открытием археологической экспозиции и выпуском монографии по результатам работ 2010–2013 гг. Издание содержало итоговый отчёт о первых годах раскопок, целый ряд каталогов и других исследований (осуществлено на средства гранта РГНФ № 16-01-16096д) [5].

Далее работы продолжались при финансовой поддержке РФФИ («Русская археология в Святой Земле: история исследований, современное состояние и дальнейшее развитие», ИА РАН, 2019–2021; 18-09-40075). Это было логично, ведь задачи Экспедиции за первые годы расширились и полностью вошли в сферу фундаментальной науки, особенно в части встраивания её в общую мировую систему изучения Святой Земли,

которая существует в рамках рационального научного прогресса, по крайней мере с начала XIX в., а как часть системы религиозного знания о прошлом, архаических формах исторической географии и топографии, хронологии, изучения Библии и связанного с нею круга источников – на несколько столетий дольше.

В ходе выполнения проекта публиковалось много работ, в числе которых две отчётные статьи: одна из них посвящена новому направлению в археологии Святой Земли, памятникам русского присутствия [6], вторая – итогам полевой работы 2019–2021 гг. в Иерихоне [7]. Это даёт возможность не останавливаться здесь подробно на изложении конкретных результатов раскопок и наблюдений (далее см.: [8–10] и др.).

Постепенно из «экспедиции одного раскопа», каким начиналась Иерихонская экспедиция, выросла скромная по числу участников, но достаточно сложная и многогранная исследовательская система, включающая не только изучение по-струимских древностей Иерихонского оазиса, не только работы по истории изучения «русских участков» и даже не только историографию Святой Земли в отечественной науке XIX–XX вв.

В круг интересов Экспедиции вошла относительно новая, родившаяся фактически в ходе наших собственных работ сфера археологии русского присутствия в Новое время (прежде всего в Иерусалиме, см. первые статьи в этой серии: [11–13] и более поздние) (ил. 1). Туда же были включены экспертная работа по разбору «русских коллекций» в Палестине, публикация архивов русской науки XIX–XX вв., анализ её антропологии как пространства формировавшейся контактной международной научной зоны. Наконец, продвижение в сферу интересов Израиля тех исследований в России, которые могут оказаться полезными для коллег.

Последнее обусловлено тем, что работы в далёком, казалось бы, от России Иерихоне удивительным образом способствовали ак-

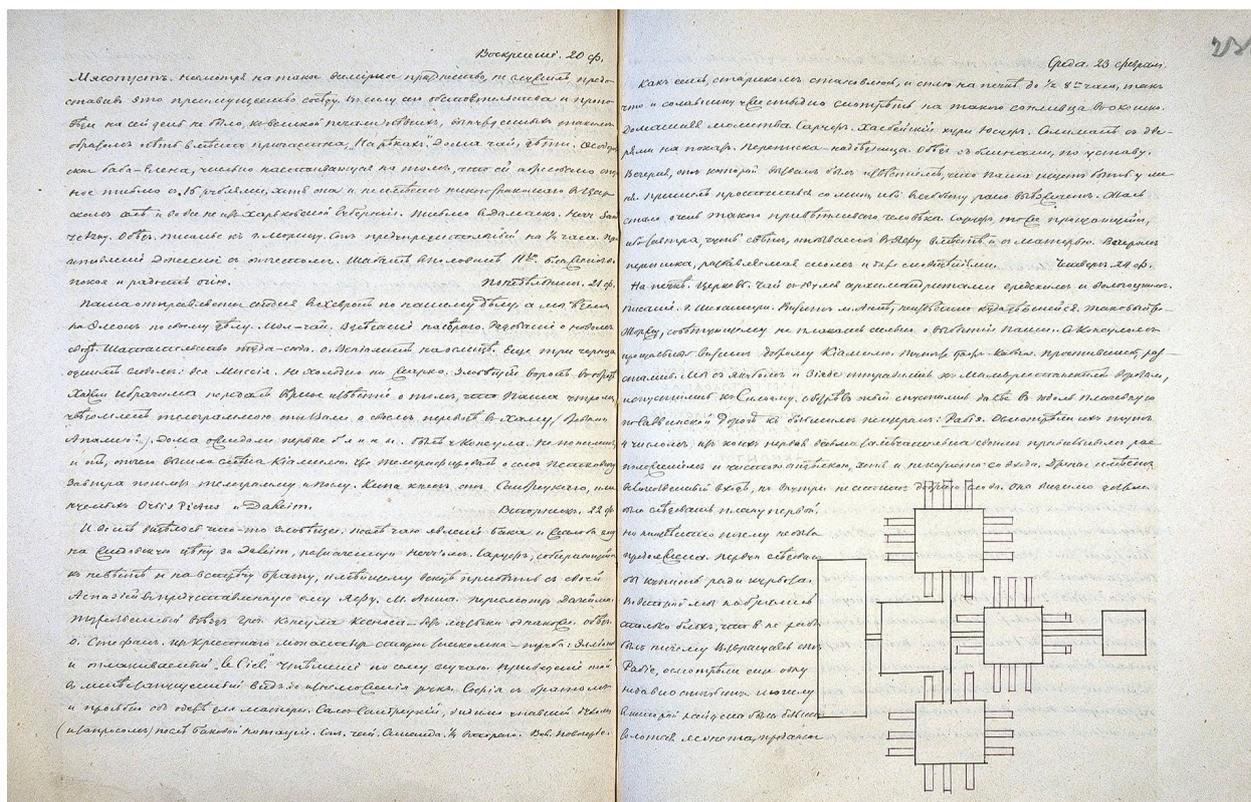
Ил. 1. Памятные таблички православных паломников в Иерусалиме, XVIII–XIX вв.

(Архангельский монастырь в Старом городе, съёмка 2018 г.):

а — коллаж на основе фотографий Экспедиции; б — граффити паломника с условным изображением Гроба Господня; в — таблички на парапете галереи с кириллическими надписями XIX в.

тивизации изучения возможных торговых контактов и всякого рода связей, которые основаны на морских путешествиях в Средние века. Это объяснимо — ведь сотрудники Экспедиции, базовые компетенции которых лежали в сфере классической культуры и, отчасти, византийских древностей Причерноморья, получили возможность на практике

изучить и материалы Сиро-Палестинского региона. А это самым естественным образом позволило им, во-первых, замечать сходные и, возможно, родственные группы древностей, а во-вторых — проявлять интерес не только к исламскому и византийскому материалу, но и к иудаике (особенно в работах Л.А. Голофаст). Распространившись, этот

Ил. 2. Страницы из дневника архимандрита Антонина (Капустина) с обмерным планом Большой (Гранатовой) пещеры в Румание (скальная гробница римского времени, Восточный Иерусалим). 1875 г. Один из первых примеров исследовательских работ на «русских участках». 1872–1875 гг. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 26. Л. 230–231

интерес привлёк к авраамической тематике и тех коллег, кто, не работая в Палестине, столкнулся с иудейскими древностями античного и раннесредневекового времени на юге России. Думаю, что в блестящих находках последних лет при масштабных работах в Крыму, особенно на обоих берегах Боспора [14], и, прежде всего, в недавнем открытии синагоги в Фанагории отражён и тот интерес к древностям Святой Земли, который возник благодаря работе нашей Экспедиции.

Но дело не только в раскрытии возможных связей Святой Земли и Северного Причерноморья. Для коллег в Израиле интересными оказываются такие, казалось бы, чисто российские темы, как археология монастырей, — во всяком случае тех монастырей, которые отражают в своём устройстве мотивы евангельской топографии и реальной организации пространства объектов Иерусалима. Это позволяет

включать доклады Экспедиции в базовые мероприятия по истории великого города, такие как летняя конференция университета Ицхака Бен-Цви в 2023 г., а ранее — сессия, посвящённая русскому присутствию в археологии Святой Земли.

Работы в Иерихоне получили продолжение в исследованиях Иерусалима. Это было неизбежно уже потому, что древности столицы Иудеи невозможно обойти, изучая палестинские памятники, это подлинный нервный узел как паломнических путешествий, так и научной работы в Святой Земле. Здесь были куплены ценнейшие в историческом отношении участки земли в районе храма Воскресения, на Елеоне, в деревне Силуан и другие (см. в том числе об их современном состоянии: [15–17]) (ил. 2).

Здесь последовательно сложились несколько коллекций древностей отца Антонина (Капустина), последняя из которых

Ил. 3. Сотрудники Экспедиции Л.А. Голофаст и А.Н. Ворошилов за работой по каталогизации коллекции на Масличной горе. 2018 г.

сохраняется в монастыре на Масличной горе [18–20]. Экспедиция, заключив договор со священноначалием, взялась за каталогизацию «музея отца Антонина» на новом уровне (ил. 3). Хотя процесс был, как и вообще работы в Святой Земле, прерван сначала эпидемией, а затем событиями в Газе, мы успели сделать несколько важных открытий, в числе которых реатрибуция ранее неверно идентифицированных предметов [21–23] (рис. 4, 5).

Возникли и новые исследовательские инструменты. Прежде всего это серия изданий, которые специально посвящены публикации древностей Сиро-Палестинского региона в самом широком смысле этого понятия: от археологических каталогов и отчётов до дневников путешественников и комментированных трудов учёных XIX в., таких как двухтомник «Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г.» [24, 25], вышеупомянутый каталог-определитель

керамики, наконец, исчерпывающая история исследований на месте Александровского подворья [26] (кстати, также изданная по гранту РФФИ № 21-19-00044 «Русские раскопки у Храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация») (ил. 6). Подготовка таких изданий, разумеется, способствует дальнейшему развитию Экспедиции как научной группы, активизирует работу в архивах, музеях и – при благоприятных условиях – на самих объектах в Палестине (ил. 7).

Кроме того, деятельность Экспедиции оказалась полезной на том не вполне обычном для науки поприще, каким является деятельность Русской Духовной миссии в Иерусалиме, часть практической работы которой составляют сохранение и развитие некоторых приобретённых в XIX в. на Святой Земле русских участков. Экспедиция не раз сотрудничала с Миссией, оказывала (и получала от неё) посильную помощь, а также стимулировала появление важнейшего для работы научного труда

по богословию, основанного на сведениях архива Миссии, в котором отложился комплекс владельческих документов по русским участкам (материалы архива легли в основу кандидатской диссертации о. Никона (Головки), подготовленной под руководством автора статьи; изначально работой руководил Н.Н. Лисовой) [27].

Экспедиция сотрудничала и с «Православной энциклопедией», одним из наиболее фундаментальных исследовательских проектов XXI в. Глубокая вовлечённость в изучение древностей Святой Земли позволила вывести на современный научный уровень содержание всего блока наиболее исторически и культурно значимых разделов: «Распятие» [28], «Крест» [29], «Фавор» [30], «Храм Иерусалимский» [31] и других. В краткосрочной перспективе Экспедиция планирует издание труда по средневековой иконографии Гроба Господня как области встречи западных восточных христианских традиций в восприятии евангельской топографии, её включения в литургику и художественную среду «паломнического искусства» (см. текст доклада [32], там же – основная литература).

Сегодня рано утверждать, что Экспедиции удалось сформировать российскую научную группу для самостоятельных и постоянных работ в Сиро-Палестинском регионе. Наш молодой проект пока слишком зависим от таких мощных препятствий, как политические неурядицы последних лет в насыщенном энергией пространстве Ближнего Востока, от всякого рода случайностей мирового развития (таких как пандемия 2019 г.), да и от самой системы формирования научных программ в России, краткосрочный характер которых в самой основе губителен для науки. Эти помехи внесли изменения в работы Экспедиции, которые в определённом смысле претерпели благотворную трансформацию, привели к расширению задач (что удалось, в значительной степени, благодаря поддержке со стороны РФФИ).

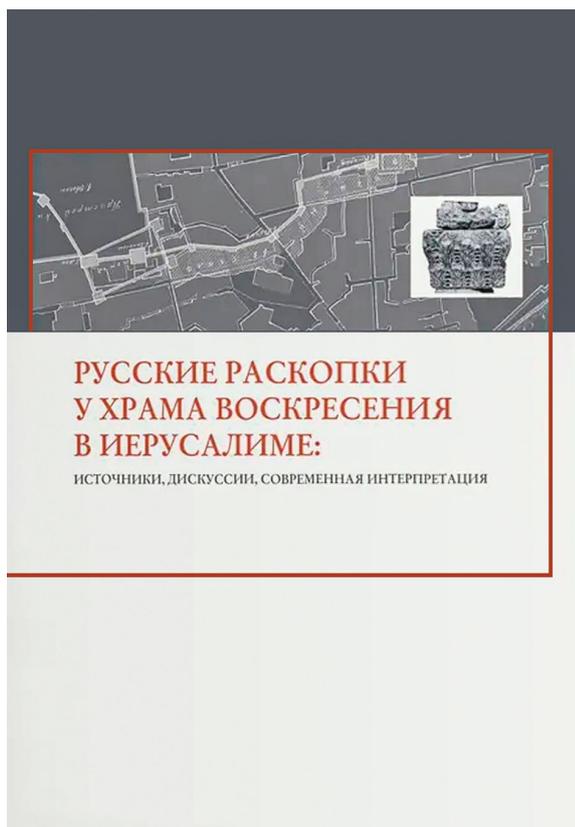
Прошедшие с 2010 г. годы показали, что построить российскую научную «группу

Ил. 4. Фрагмент рельефного керамического сосуда с буколической сценой из «Музея архимандрита Антонина». Фото 2018 г. Считавшийся позднеантичным сосуд определён как подделка XIX в. Фото О.М. Ворошиловой [22]

Ил. 5. Карточка каталога Государственного Эрмитажа с атрибуцией артефакта как фрагмента каменного рельефа. Фрагмент определён как часть свинцового иерусалимского саркофага [23]

Ил. 6. Типовая обложка издательской серии «Россия и древности Восточного Средиземноморья: источники, историография, памятники»

Святой Земли» возможно. Даже в пределах начатых проектов у неё обширные перспективы. Задуманы и готовятся новые тома серии «Россия и древности Восточного Средиземноморья: источники, историография, памятники». Планируются продолжение обработки коллекции «Музея отца Антонина» и параллельное исследование памятников русского присутствия в Иерусалиме (граффити, погребения и др.); для того и другого потребуются ежегодные выезды Экспедиции на место, в Иерусалим. В Иерихоне, правда, придётся ждать разрешения противостояния Израиля с палестинскими движениями, после чего следует провести хотя бы пилотное обследование на участке Русской Духовной миссии. Мы имели возможность подробно познакомиться с ним *de visu*, но полевые работы не проводились уже более столетия [33]. Не менее важно, конечно, завершить работы на раскопе МПК РФ, без

чего наши представления о нём остаются гипотетическими. Завершить здесь полевые исследования необходимо уже потому, что для экспозиции раскопа под открытым небом спроектирован и построен великолепный музейный шатёр, внутри которого очень удобно вести раскопки, а рядом с ним находится археологическая лаборатория с небольшим хранилищем для находок (ил. 8). Рядом с этим комплексом располагается одно из драматических свидетельств освоения участка его первыми жителями, тщательно оберегаемое русское кладбище 1880-х гг. (ил. 9).

Нужно заметить, что Экспедиция даже на время пандемий и войн не прерывала связей с Иерихонским участком. Это время использовано, в частности, для того, чтобы привлечь к проекту коллег из других институтов и университетов. Они помогли с углублённой атрибуцией материалов, прежде всего нумизматической коллекции в части позднеримских и, особенно, малоизученных мелких номиналов медных монет исламской эпохи [34, 35], и в ряде других областей, таких как эпиграфика и музейная атрибуция. К проекту были привлечены и крупные учёные, работавшие по другим грантам РФФИ, но с готовностью сосредоточившие усилия на разработке темы древностей Иерусалима в трудах российских учёных XIX в. (см.: [36]).

Особо важным оказался совместный проект Экспедиции и факультета истории искусства РГГУ, где группа студентов и преподавателей решила составить остро необходимый проект новой, постоянной экспозиции МПК РФ в Иерихоне. Для его осуществления создана и уже начала работать научно-исследовательская программа «Музейно-парковый комплекс Российской Федерации в Иерихоне: музейные практики, искусствоведение». Её первым результатом стала совершенно новая по подходу концепция трансформации экспозиции МПК РФ в первый музей истории города Иерусалима (концепция готовится к публикации). Может показаться странным, но в условном «древнейшем городе

Ил. 8. Шатёр над раскопом Российско-Палестинской экспедиции в МПК РФ (Иерихон)

Ил. 9. Историческое кладбище первых владельцев Иоасафовского участка (участок МПК РФ) в Иерихоне, 1880-е гг. Одно из ярких свидетельств русского присутствия на Святой Земле

современного Иерихона и окружающих поселений Палестины.

Взятые вместе, эти направления работ Экспедиции обещают уверенное развитие

зародившегося научного коллектива, в котором работают и признанные специалисты, и очень молодые учёные (некоторые ещё не закончили магистратуру).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А., Вах К.А. Антонин (Капустин) и Н.П. Кондаков // Иерусалимский православный семинар. Вып. 10. М.: Индрик, 2020. С. 110–125.
2. Беляев Л.А., Вах К.А. Люди и раскопки: архимандрит Антонин (Капустин) на Русском месте в Иерусалиме // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Ко-

- маровой / Под ред. Э.-Б. Гучиновой и В.А. Шнирельмана. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2022. С. 207–242.
3. Вах К.А. Деревянная модель храма Гроба Господня в России и Конрад Шик // Российская археология (РА). 2023. № 2. С. 83–91.
 4. Голофаст Л.А. Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V–XV вв.): Справочник-определитель / Под ред. Л.А. Беляева; ИА РАН. М.: Индрик, 2020. – (Россия и древности Восточного Средиземноморья: источники, историография, памятники).
 5. Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие: Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Под ред. Н.А. Макарова. М.: Индрик, 2016.
 6. Беляев Л.А. Русская археология Палестины // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 51–64.
 7. Беляев Л.А. Работы Иерихонской археологической экспедиции: 2019–2021 годы // Там же. 2021. № 3. С. 137–153.
 8. Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Максимова А.А. К 10-летию Иерихонской экспедиции ИА РАН: работы 2019–2020 гг. // РА. 2021. № 3. С. 116–129.
 9. Беляев Л.А., Голофаст Л.А. Металлические предметы из раскопок на Иоасафовском участке (Иерихон) на фотографии 1880–1890-х годов // РА. 2023. № 3. С. 49–56.
 10. Ворошилов А.Н., Ворошилов О.М. Археологические свидетельства металлургии железа в византийском и раннеисламском Иерихоне // РА. 2023. № 2. С. 92–107.
 11. Беляев Л.А., Вах К.А. Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 94–99.
 12. Чехановец Я., Вах К.А. Византийский монастырь и Консульский дом в Иерусалиме (по материалам раскопок 2018 г.) // Российская археология. 2019. № 3. С. 147–157.
 13. Реэм А., Чехановец Я. Русский помянник из Акелдамы // Вестник Свято-Тихоновского православного университета, 2019. № 2 (Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 34). С. 157–170.
 14. Бейлин Д.В., Рукавишникова И.В., Куликов А.В. О локализации иудейского позднеантичного некрополя близ Павловского мыса в Керчи // РА. 2023. № 2. С. 131–148.
 15. Чехановец Я. «Силоамский монолит» и «Верхотура»: археология русских участков в граде Давидовом // Российская археология. 2013. № 4. С. 143–152.
 16. Чехановец Я. Археологические памятники участка РДМ в Хевроне // ИПС. 2012. Т. 3. С. 23–39.
 17. Вах К.А., Никон (Головка), игумен. Руммание: забытый памятник I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на Русском участке в Иерусалиме // Православный Палестинский сборник. 2023. Т. 212. С. 84–107.
 18. Гурулева В.В. «В Палестине скоро будет русский музей» (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXX. СПб., 2007. С. 384–395.
 19. Чехановец Я., Беляев Л.А. Палестинский Музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения // Византийский временник. Т. 103. 2020. С. 228–255.
 20. Tchekhanovets Y., Belyaev L. The Russian Collection of Antiquities in Jerusalem: A First Reconstruction // Liber Annuus. 2022. № 72. Pp. 587–620
 21. Голофаст Л.А. Бронзовые votivные предметы «рука с крестом»: экземпляр из коллекции архимандрита Антонина (Капустина) // РА. 2023. № 2. С. 108–120.
 22. Ворошилова О.М., Журавлёв Д.В. Рельефный сосуд из коллекции архимандрита Антонина (Капустина) в Иерусалиме // КСИА. 2023. Т. 273. С. 382–394.
 23. Беляев Л.А. Рельефная пластинка с фигурами богини Победы из коллекции Платона Устинова и свинцовые саркофаги Иерусалима III–V веков // КСИА. 2023. Т. 273. С. 360–371.
 24. Путевой дневник Н.П. Кондакова по Сирии и Палестине / Подгот. к публ. и коммент. М.Н. Бутырского; Науч. ред. Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2021. (Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 1).

25. Сирия и Палестина в фотографиях И.Ф. Барщевского (из коллекции Российской национальной библиотеки) / Авт.-сост. Е.В. Бархатова и К.А. Вах; Под ред. Л.А. Беляева. М.: Индрик, 2021. (Материалы к истории научной экспедиции Императорского Православного Палестинского Общества в Сирию и Палестину в 1891 г. Ч. 2).
26. Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М.: Индрик; ИА РАН, 2022.
27. Никон (Головко), игумен. Владения Русской духовной миссии Московского Патриархата в Святой земле: Церковная значимость, история, современный статус: Дисс. канд. богословия. М., 2023. — [http://www.doctorantura.ru/images/dissovet/2022/Golovko /%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%20%D0%BE.%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BD%202023-01-30.pdf](http://www.doctorantura.ru/images/dissovet/2022/Golovko/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%20%D0%BE.%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BD%202023-01-30.pdf).
28. Беляев Л.А., Квлевидзе Н.В. Распятие // Православная энциклопедия. Т. 59. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. С. 237–333.
29. Беляев Л.А., М[ахонько] М.А. Крест: археология, типология, иконография // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. Т. 38. С. 547–558.
30. Беляев Л.А. Фавор // Православная энциклопедия. М., 2023. Т. 70. С. 581–588.
31. Беляев Л.А. Храм Иерусалимский // Православная энциклопедия. М., 2024 (*в печати*).
32. Беляев Л.А. Гроб Господень в XII–XIII веках: археология иконографии // Православный Палестинский сборник. 2023. Т. 212. С. 69–83.
33. Аникеева О.А., Беляев Л.А. «Розовый» камень на участке Русской Духовной Миссии в Иерихоне: история изучения и петрография // РА. 2022. № 2. С. 91–103.
34. Беляев Л.А., Абрамзон М.Г., Ворошилов А.Н., Гончаров Е.Ю. Монеты из раскопок Иерихона в 2017, 2019–2020 гг. // РА. 2022. № 2. С. 104–119.
35. Abramzon M.G., Belyaev L.A., Goncharov E.Yu., Voroshilov A.N. The Coins from Jericho // East and West. 2024 (*in print*).
36. Баранова С.И., о. Иоанн Кудласевич, Севастьянова С.К., Смирнова И.Ю., Фёдорова И.В., Черненилова Л.М. От Иерусалима до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Кавелина) / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Новый Иерусалим, 2021.

The Russian-Palestinian Jericho Archaeological Expedition and the Russian Museum and Park Complex in Jericho: Development Prospects

Leonid Andreevich Belyaev — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (PhD), Head of the Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Project “Ceramics and Its Manufacture in Palestine in the 1st and early 2nd Millennium AD. Based on Jericho Research Materials” (19–09–41021) and other projects.
E-mail: labeliaev@bk.ru

The article offers a general overview of the process of formation of the Jericho Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and its activities since the 2010s. It shows the development of the tasks of this small group of scientists, gathered to carry out field work during the construction at the site of the Museum and Park Complex of the Russian Federation in Jericho. Publishing and analytical activities, interaction with the RFBR system later renamed to the Russian Scientific Information Centre (RSIC) and main achievements are presented. The expansion of its tasks to include work on the Russian presence and, in particular, participation in the life of Jerusalem in the middle of the second half of the 19th century, the study of Byzantine and Islamic materials in Jericho, the study of the early museum collections of Russian representatives in the Holy Land, and a wide range of general topics is highlighted. The emphasis is placed on the influence of the expedition on the development of interest

in eastern Mediterranean themes for the study of the Northern Black Sea region, as well as the inclusion among the practical tasks of the expedition of a historiographical survey of the antiquities of the “Russian sites”.

Keywords: Holy Land, Byzantine archaeology, Islamic archaeology, Russian travelers, Russian sites, historiography, pilgrimage, archaeology of the 19th and 20th centuries

REFERENCES

1. Belyaev L.A., Vakh K.A. Antonin (Kapustin) i N.P. Kondakov // Ierusalimskii pravoslavnyi seminar. Vyp. 10. M.: Indrik, 2020. S. 110–125 (in Russian).
2. Belyaev L.A., Vakh K.A. Lyudi i raskopki: arkhimandrit Antonin (Kapustin) na Russkom meste v Ierusalime // Za sinei ptitsej (antropologiya akademicheskoi zhizni). Pamyati G.A. Komarovo / Pod red. E.-B. Guchinovi i V.A. Shnirel'mana. M.: In-t etnologii i antropologii RAN, 2022. S. 207–242 (in Russian).
3. Vakh K.A. Derevyannaya model' khrama Groba Gospodnya v Rossii i Konrad Shik // Rossiiskaya arkheologiya (RA). 2023. № 2. S. 83–91 (in Russian).
4. Golofast L.A. Keramika Ierikhona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.): Spravochnik-opredelitel' / Pod red. L.A. Belyaeva; IA RAN. M.: Indrik, 2020. – (Rossiya i drevnosti Vostochnogo Sredizemnomor'ya: istochniki, istoriografiya, pamyatniki) (in Russian).
5. Belyaev L.A. Vizantiiskii Ierikhon: raskopki spustya stoletie: Materialy Rossiisko-Palestinskoj arkheologicheskoi ekspeditsii 2010–2013 gg. / Pod red. N.A. Makarova. M.: Indrik, 2016 (in Russian).
6. Belyaev L.A. Russkaya arkheologiya Palestiny // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. № 2. S. 51–64 (in Russian).
7. Belyaev L.A. Raboty Ierikhonskoj arkheologicheskoi ekspeditsii: 2019–2021 gody // Tam zhe. 2021. № 3. S. 137–153 (in Russian).
8. Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Maksimova A.A. K 10-letiyu Ierikhonskoj ekspeditsii IA RAN: raboty 2019–2020 gg. // RA. 2021. № 3. S. 116–129 (in Russian).
9. Belyaev L.A., Golofast L.A. Metallicheskie predmety iz raskopok na Ioasafovskom uchastke (Ierikhon) na fotografii 1880–1890-kh godov // RA. 2023. № 3. S. 49–56 (in Russian).
10. Voroshilov A.N., Voroshilov O.M. Arkheologicheskie svidetel'stva metallurgii zheleza v vizantiiskom i ranneislamskom Ierikhone // RA. 2023. № 2. S. 92–107 (in Russian).
11. Belyaev L.A., Vakh K.A. Pamyatnye nadpisi slavyanskikh palomnikov XVIII–XIX vv. v Arkhangel'skom monastyre v Ierusalime (predvaritel'naya publikatsiya) // Slavyanovedenie. 2019. № 1. S. 94–99 (in Russian).
12. Chekhanovets Ya., Vakh K.A. Vizantiiskii monastyr' i Konsul'skii dom v Ierusalime (po materialam raskopok 2018 g.) // Rossiiskaya arkheologiya. 2019. № 3. S. 147–157 (in Russian).
13. Reem A., Chekhanovets Ya. Russkii pomyannik iz Akeldamy // Vestnik Svyato-Tikhonovskogo pravoslavnogo universiteta, 2019. № 2 (Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva. Vyp. 34). S. 157–170 (in Russian).
14. Beilin D.V., Rukavishnikova I.V., Kulikov A.V. O lokalizatsii iudeiskogo pozdneantichnogo nekropolya bliz Pavlovskogo mysa v Kerchi // RA. 2023. № 2. S. 131–148 (in Russian).
15. Chekhanovets Ya. «Siloamskii monolit» i «Verkhotura»: arkheologiya russkikh uchastkov v grade Davidovom // Rossiiskaya arkheologiya. 2013. № 4. C. 143–152 (in Russian).
16. Chekhanovets Ya. Arkheologicheskie pamyatniki uchastka RDM v Khevrone // IPS. 2012. T. 3. S. 23–39 (in Russian).

17. Vakh K.A., Nikon (Golovko), igumen. Rummanie: zabytyi pamyatnik I tys. do n.e. – I tys. n.e. na Russkom uchastke v Ierusalime // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. 2023. T. 212. S. 84–107 (in Russian).
18. Guruleva V.V. «V Palestine skoro budet russkii muzei» (Muzei arkhimandrita Antonina v Ierusalime) // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Vyp. XXX. SPb., 2007. C. 384–395 (in Russian).
19. Chekhanovets Ya., Belyaev L.A. Palestinskii Muzei Antonina Kapustina: sostoyanie issledovaniya i perspektivy izucheniya // Vizantiiskii vremennik. T. 103. 2020. S. 228–255 (in Russian).
20. Tchekhanovets Ya., Belyaev L. The Russian Collection of Antiquities in Jerusalem: A First Reconstruction // Liber Annus. 2022. № 72. Pp. 587–620.
21. Golofast L.A. Bronzovye votivnye predmety «ruka s krestom»: ekzemplary iz kollektzii arkhimandrita Antonina (Kapustina) // RA. 2023. № 2. S. 108–120 (in Russian).
22. Voroshilova O.M., Zhuravlyov D.V. Rel'efnyi sosud iz kollektzii arkhimandrita Antonina (Kapustina) v Ierusalime // KSIA. 2023. T. 273. S. 382–394 (in Russian).
23. Belyaev L.A. Rel'efnaya plastinka s figurami bogini Pobedy iz kollektzii Platona Ustinova i svintsovye sarkofagi Ierusalima III–V vekov // KSIA. 2023. T. 273. S. 360–371 (in Russian).
24. Putevoi dnevnik N.P. Kondakova po Sirii i Palestine / Podgot. k publ. i komment. M.N. Butyrskogo; Nauch. red. L.A. Belyaev. M.: Indrik, 2021. (Materialy k istorii nauchnoi ekspeditsii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Siriyu i Palestinu v 1891 g. Ch. 1) (in Russian).
25. Siriya i Palestina v fotografiyakh I.F. Barshchevskogo (iz kollektzii Rossiiskoi natsional'noi biblioteki) / Avt.-sost. E.V. Barkhatova i K.A. Vakh; Pod red. L.A. Belyaeva. M.: Indrik, 2021. (Materialy k istorii nauchnoi ekspeditsii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Siriyu i Palestinu v 1891 g. Ch. 2) (in Russian).
26. Belyaev L.A., Vakh K.A., Chekhanovets Ya. Russkie raskopki u khrama Voskreseniya v Ierusalime: istochniki, diskussii, sovremennaya interpretatsiya. M.: Indrik; IA RAN, 2022 (in Russian).
27. Nikon (Golovko), igumen. Vladeniya Russkoi dukhovnoi missii Moskovskogo Patriarkhata v Svyatoi zemle: Tserkovnaya znachimost', istoriya, sovremennyyi status: Diss. kand. bogosloviya. M., 2023. – <http://www.doctorantura.ru/images/dissovet/2022/Golovko/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%20%D0%BE.%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BD%202023-01-30.pdf> (in Russian).
28. Belyaev L.A., Kvlevidze N.V. Raspyatie // Pravoslavnyaya entsiklopediya. T. 59. M.: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2020. S. 237–333 (in Russian).
29. Belyaev L.A., M[akhon'ko] M.A. Krest: arkheologiya, tipologiya, ikonografiya // Pravoslavnyaya entsiklopediya. M.: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2015. T. 38. S. 547–558 (in Russian).
30. Belyaev L.A. Favor // Pravoslavnyaya entsiklopediya. M., 2023. T. 70. S. 581–588 (in Russian).
31. Belyaev L.A. Khram Ierusalimskii // Pravoslavnyaya entsiklopediya. M., 2024 (v pechati) (in Russian).
32. Belyaev L.A. Grob Gospoden' v XII–XIII vekakh: arkheologiya ikonografii // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. 2023. T. 212. S. 69–83 (in Russian).
33. Anikeeva O.A., Belyaev L.A. «Rozovyi» kamen' na uchastke Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierikhone: istoriya izucheniya i petrografiya // RA. 2022. № 2. S. 91–103 (in Russian).
34. Belyaev L.A., Abramzon M.G., Voroshilov A.N., Goncharov E.Yu. Monety iz raskopok Ierikhona v 2017, 2019–2020 gg. // RA. 2022. № 2. S. 104–119 (in Russian).
35. Abramzon M.G., Belyaev L.A., Goncharov E.Yu., Voroshilov A.N. The Coins from Jericho // East and West. 2024 (in print).
36. Baranova S.I., o. Ioann Kudlasevich, Sevast'yanova S.K., Smirnova I.Yu., Fyodorova I.V., Chernilova L.M. Ot Ierusalima do Novogo Ierusalima. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya arkhimandrita Leonida (Kavelina) / Otv. red. L.A. Belyaev. M.: Novyi Ierusalim, 2021 (in Russian).

Индекс УДК 902/904

Код ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-25-43

Л.А. ГОЛОФАСТ*

Керамика Иерихона V–XV веков: опыт составления каталога-определителя

В статье рассматривается комплекс керамики из раскопок на участке Музейно-паркового комплекса РФ в Иерихоне. Его изучение позволило выделить три периода его использования: поздневизантийский, омейядский и мамлюкский. Освоение участка, скорее всего, следует относить ко второй половине/концу IV – первой половине V в. Именно этим временем датируется самая ранняя выявленная на участке керамика. Время застройки участка соответствует общей ситуации в Иерихоне, который в IV–V вв. переместился в зону современного города. Скорее всего, на участке сразу возникает паломническо-монастырский комплекс. Предположительно во второй половине VI в. за пределами монастырской ограды возникает гончарная мастерская, построенная на прежде пустовавшей территории: раскопки, доведённые в 2017 г. на квадрате 7 до материка, показали отсутствие здесь более ранних культурных слоёв. В 659 г. мастерская была разрушена в результате сильного землетрясения, но вскоре была восстановлена и функционировала до середины VIII в. Выпускала обширный ассортимент сосудов хозяйственного назначения, столовой посуды и имитации красного лака. Прекращение функционирования мастерской связано, видимо, с катастрофическим землетрясением 749 г., после которого территория Русского участка была заброшена на несколько столетий. Новый этап использования участка относится к мамлюкскому времени, от которого сохранились фундаменты и остатки кладок из камня, печи/тандыры, хозяйственные ямы. Однако Иерихон того времени не был полноценным городом. Его место занимают небольшие деревушки, отдельные усадьбы и наделы.

Ключевые слова: Иерихон, поздневизантийский/омейядский период, мамлюкский период, керамика, гончарная мастерская

В ходе археологического изучения участка Музейно-Паркового комплекса РФ в Иерихоне, где с 2010 г. проводятся раскопки совместной

Российско-Палестинской экспедицией ИА РАН и Министерства охраны памятников древности и туризма Палестинской национальной автономии (ПНА) под ру-

* **Голофаст Лариса Алексеевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН, исполнитель проекта «Керамика и её производство в Палестине I – начала II тыс. н.э. По материалам исследований в Иерихоне» (19-09-41021) (руководитель проекта Л.А. Беляев).

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

ководством члена-корреспондента РАН Л.А. Беляева и доктора Хамдан Таха, были открыты монастырско-паломнический комплекс, большая гончарная мастерская [1, 5, 3], а также собран значительный объём керамики [4, 14]. Это поставило перед экспедицией задачу типологического исследования большой массы фрагментов и целых форм местного производства, которые изучены в Сиро-Палестинском регионе пока в меньшей степени, чем керамика классического и более ранних периодов: материалы византийского, омейядского и особенно мамлюкского периодов сравнительно поздно привлекли внимание археологов, а керамика этого времени в Иерихонском оазисе ранее почти не была исследована.

В качестве инструмента для анализа было решено выбрать каталог-определитель, который позволяет осуществлять атрибуцию собираемых фрагментов даже археологам, которые ранее не сталкивались с керамикой сиро-палестинского региона [4]. Этот подход позволил сделать важные историко-культурные и хронологические наблюдения. Изложим их вкратце, добавив материалы, полученные после выхода в свет указанного каталога.

На основе изучения керамики, выявленной в ходе раскопок на Иоасафовском участке, были выделены три периода его использования: поздневизантийский (согласно принятой периодизации истории Палестины он охватывает время с конца V в. до арабского завоевания), омейядский и мамлюкский.

Керамика поздневизантийского и омейядского периодов. Керамика поздневизантийского и омейядского периодов обычно рассматривается вместе, поскольку ряд форм, появившись в византийское время, продолжает бытовать в омейядский период, а некоторые приобретают ещё большую популярность. Такой континуитет в использовании одних и тех же форм свидетельствует об отсутствии резких изменений в быту и структуре питания жителей города после завоевания Палестины арабами.

Описание керамического комплекса обычно начинают с тарных сосудов, в которых перевозили и хранили различные продовольственные товары. В иерихонском комплексе они представлены амфорами типов LR1, 4 и 5/6 по общепринятой классификации амфор Дж. Райли [21]. Первые (ил. 1, 1–4) были самым распространённым типом в византийском мире [21, р. 212–216, fig. 91, 338] и производились во многих центрах Средиземноморья: печи, в которых их обжигали, открыты на Кипре, Родосе, в районе Антиохии, вдоль киликийского побережья и в других местах [4, р. 208]. Датируют их концом IV – серединой VII в. [21, р. 212–216].

Амфоры типа Газа, или LRA 4, производились в Негеве/Газе. В Палестине их находки концентрируются на юге и вдоль побережья. Так, в Кесарии Приморской этот тип составлял 24% амфор из слоёв византийского времени [19, р. 49]. На севере Израиля и в отдалённых от моря районах, в частности в Иерихоне, они встречаются крайне редко [14, р. 375]. Использовались главным образом для транспортировки вина Газы. Сосуды аналогичной формы были известны ещё с Классического периода, но распространение получают только в III/IV–VII вв. [19, р. 199; 22, р. 197] и продолжают бытовать в раннеарабский период [9, р. 307; 7, р. 32; 8, р. 89] с пиком бытования в VI–VIII вв. [19, р. 49]. В иерихонском комплексе они представлены главным образом фрагментами амфор типа 4B2 по Пьери (ил. 1, 5–10), датирующихся второй половиной VI–VII в. [20, р. 106].

В керамическом комплексе Иерихона доминирует характерный палестинский тип, амфоры типа LRA-5/6. Одни исследователи прослеживают развитие формы со II в. до н.э., другие – со II в. н.э. Бытуют они до VIII в. и позже [22, р. 198]. В византийский и омейядский периоды их производили в нескольких центрах из разной глины. В иерихонском комплексе они представлены сосудами, которые можно разделить на три группы: из тёмной хорошо обожжённой глины (так называемые

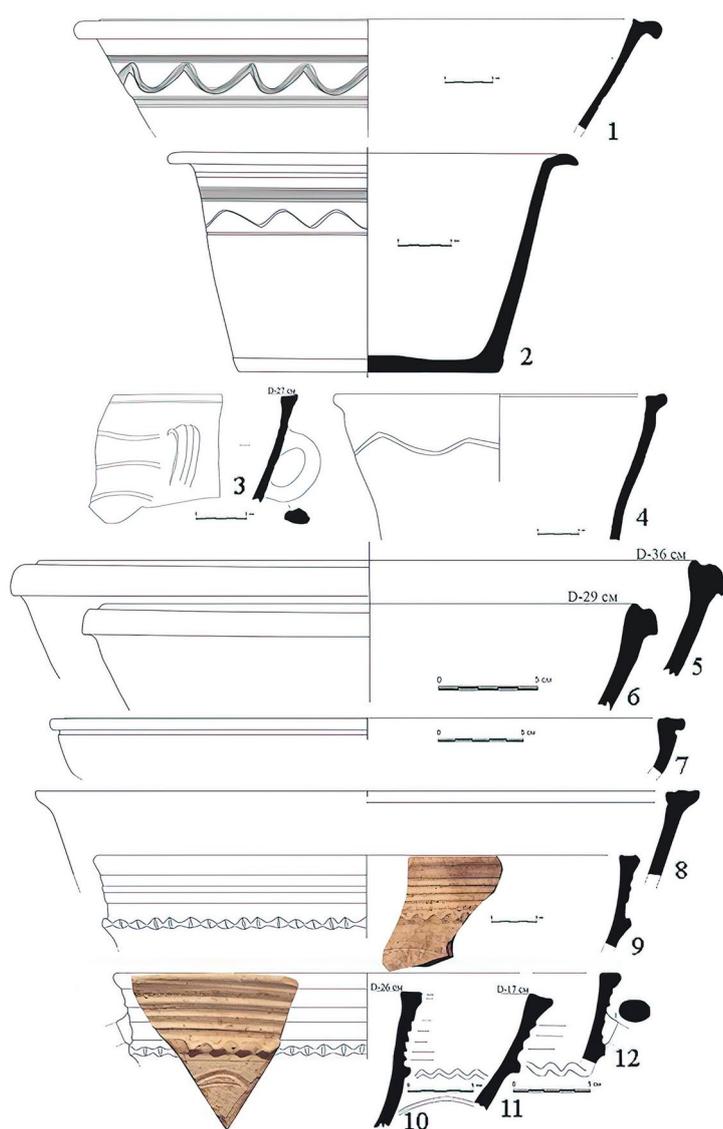

Ил. 1. 1–4 — амфоры типа LRA 1; 5–8, 10 — амфоры типа LRA 4 из раскопок Иерихона; 10 — амфора типа LRA 4 из раскопок в Yavne; 12–18 — «Северопалестинские» амфоры из раскопок в Иерихоне; 19 — амфора из раскопок монастыря св. Мартирия

чёрные амфоры), светлоглиняные и красноглиняные с безусловным преобладанием первых двух.

«Северопалестинские» амфоры (тип 812, по Арнону [7, р. 32]) характеризуются очень тонкими стенками и хорошо отмученной глиной, которая в результате обжига при высоких температурах в восстановительной среде приобретала серый цвет (ил. 1, 11–19). Тулово этого типа амфор украшали росписью ангобом в форме различных гео-

метрических мотивов. Предположительно они производились в районе Бет-Шана, были распространены на севере Палестины и Трансиордании до Мёртвого моря [6, р. 62], использовались для транспортировки и хранения бет-шанских вин, оливкового масла и воды. Датируются омейядским периодом вплоть до конца IX – середины X в., хотя редкие их фрагменты встречаются и в слоях византийского времени [19, р. 53; 8, р. 102].

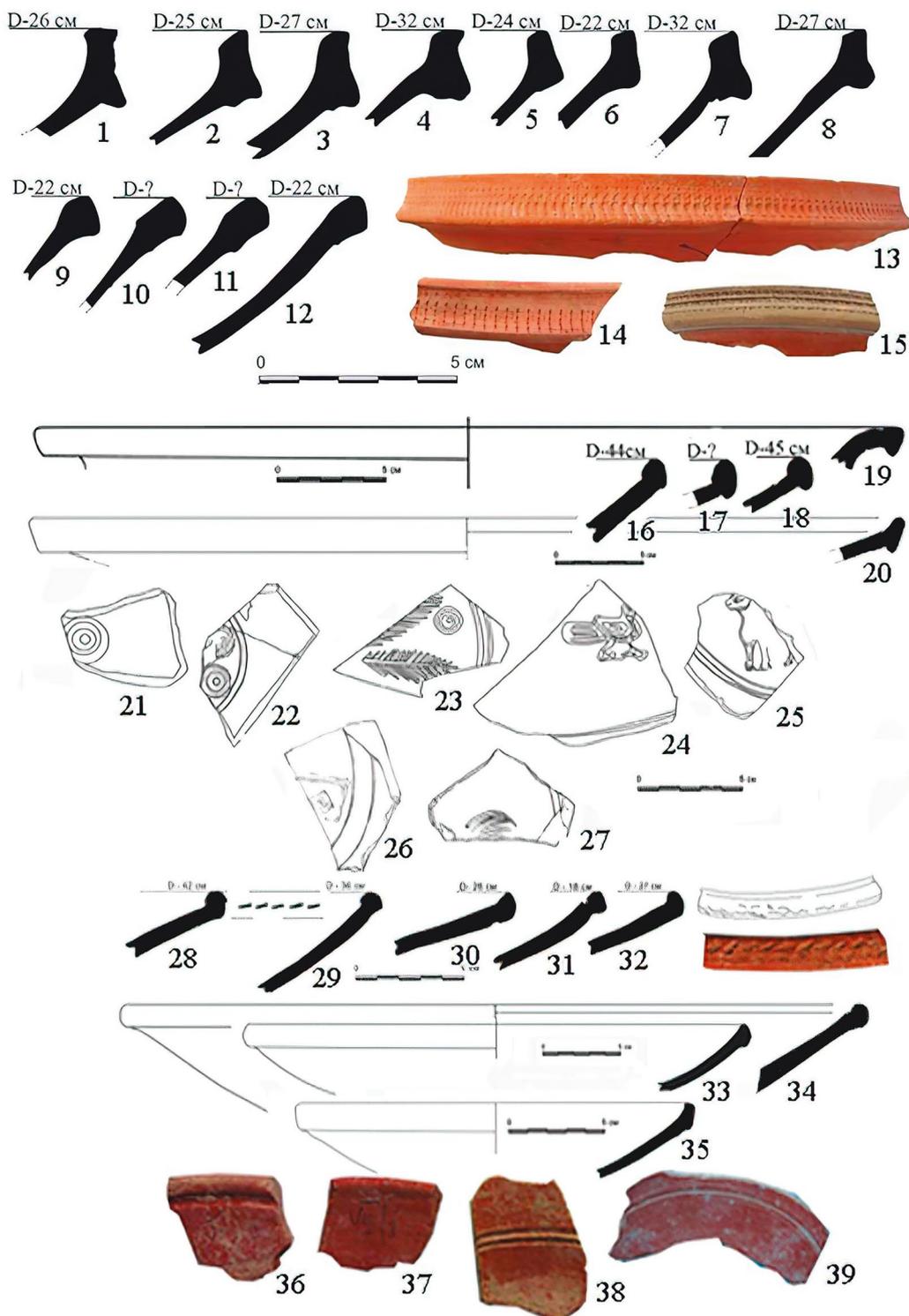
Ил. 2. 1–2 — большие хозяйственные сосуды с арочным бортиком формы II, по Дж. Магнесс; 3–4 — большие хозяйственные сосуды с арочным бортиком формы III, по Дж. Магнесс; 5–6 — большие хозяйственные сосуды с клювовидным бортиком; 7–8 — большие хозяйственные сосуды с двумя желобками на бортике; 9–12 — большие хозяйственные сосуды с желобчатой верхней частью тулова, отделённой от нижней поясом пальцевых вдавлений

Значительно меньшим количеством представлены южно-палестинские амфоры V–VIII вв. (тип Арнон-811 [7, р. 32], выполненные из глины, цвет которой варьирует от оранжевого до оранжево-коричневого. Производились эти амфоры в Южной Палестине и были широко распространены в Палестине, Трансиордании, Сирии, Египте, Средиземноморье и При-

черноморье. Использовались для транспортировки и хранения различных продуктов (сушёные фиги, рыбный соус и пшеница) и жидкостей (вино, вода, масло).

В Иерихоне обнаружено значительное количество толсто-стенных бежевоглиняных мешковидных амфор (форма 6А, по Дж. Магнесс [16, р. 227]), возможно, производившихся в самом городе или его окрестностях. Датируются концом VI–VIII в. с пиком бытования в раннеисламский период (749–969 н.э.). Они были очень популярны в Трансиордании, Египте, Палестине, но очень редко встречаются на памятниках средиземноморского побережья. Считается, что эти амфоры предназначались главным образом для хранения воды.

Однако самую многочисленную группу в иерихонском керамическом комплексе византийского и омейядского периодов составляют большие хозяйственные сосуды, так называемые кратиры нескольких типов, среди которых встречаются как сосуды, распространённые по всей Палестине, так и не имеющие аналогий на других памятниках региона. К доминирующему типу относятся кратиры с арочным бортиком, среди которых выделяют три формы [16, р. 157–158]. Формы 1 и 2 имеют арочный бортик с ребром или «ступенькой» вдоль внутреннего края. Отличаются отсутствием (форма 1) и наличием (форма 2) орнамента (полосы гребчатого орнамента на тулове и бортике) (ил. 2, 1–2). Форма 3, превалирующая в иерихонском керамическом комплексе, характеризуется коротким округлым, заострённым или квадратным в сечении бортиком с ребром вдоль внутреннего края и орнаментацией в форме горизонтальных прямых или

Ил. 3. 1–8 — посуда формы 3 группы «Фокейской краснолаковой»; 9–12, 13–15 — посуда формы 10 группы «Фокейской краснолаковой»; 16–20 — посуда группы «Африканской краснолаковой»; 21–27 — штампы на посуде группы «Африканской краснолаковой»; 28–39 — имитации краснолаковой керамики

волнистых линий (ил. 2, 3–4). Выделяются две группы кратиров: красноглиняные (формы 1 и 2) и бежевоглиняные (формы 2 и 3). Производили такие сосуды предпо-

жительно в нескольких мастерских, в том числе в Иерусалиме и Иерихоне, где, вероятно, размещалось производство бежевоглиняных тарных сосудов с арочным бор-

Ил. 4. 1–4 — чаши с рядами насечек, нанесённых зубчатым штампом (Rouletted Bowls); 5–9 — посуда группы «Столовой византийской посуды» (Fine Byzantine Ware)

тиком форм 2 и 3 [4, с. 46]. Ареал в III–V вв. ограничивается Иерусалимом, в VI–VIII вв. охватывает всю Палестину и Трансиорданию. Форму 1, как правило, относят к III / началу IV–VI вв., а формы 2 и 3 — к VI–концу VII / началу VIII в.

Скорее всего, в Иерихоне в поздневизантийский и омейядский периоды производили и бежевоглиняные кратеры с клювовидным венчиком (ил. 2, 5–6), с горизонтальным бортиком с двумя желобками на верхней поверхности (ил. 2, 7–8), а также кратеры с плоским или вогнутым краем. Если первые бытовали на всей территории Палестины и Трансиордании, то два других за пределами Иерихона встречаются крайне редко [4, с. 48–51].

Редкими фрагментами в иерихонском комплексе представлены большие бежевоглиняные хозяйственные сосуды с небольшим овальным или подтреугольным в сечении венчиком с плоской верхней

поверхностью (ил. 2, 9–12). Характерной их чертой является верхняя, желобчатая, часть тулова, отделённая от нижней поясом пальцевых вдавлений, под которым располагаются пояса гребенчатого орнамента или одиночные врезные горизонтальные либо волнистые линии. Ареал их ограничивается Палестиной и Трансиорданием, а датируются они VIII–IX вв. и позже [16, р. 210].

Чисто византийской группой керамики в рассматриваемом комплексе является краснолаковая посуда, типологию которой разработал Дж. Хейс в фундаментальной работе «Late Roman Pottery» [15]. В Иерихоне она представлена двумя группами: африканской и фокейской, названными так по регионам их производства. Первая изготавливалась в разных центрах, расположенных на территории современного Туниса. В иерихонском комплексе представлены сосуда формы 67 ок. 360–420 гг., 104

А, В и С, датирующиеся соответственно ок. 530–580, 570–600 и позже и 550–625 гг., формы 105–580/600–660 гг. (ил. 3, 16–20) [15, р. 116, 166, 169], а также фрагменты доньев со штампованными изображениями концентрических окружностей и концентрических окружностей с вращающейся бахромой, пальмовых ветвей и пальмовых ветвей в сочетании с концентрическими окружностями, изображениями быка и птиц, большого креста, украшенного камнями, и женской головы (ил. 3, 21–27).

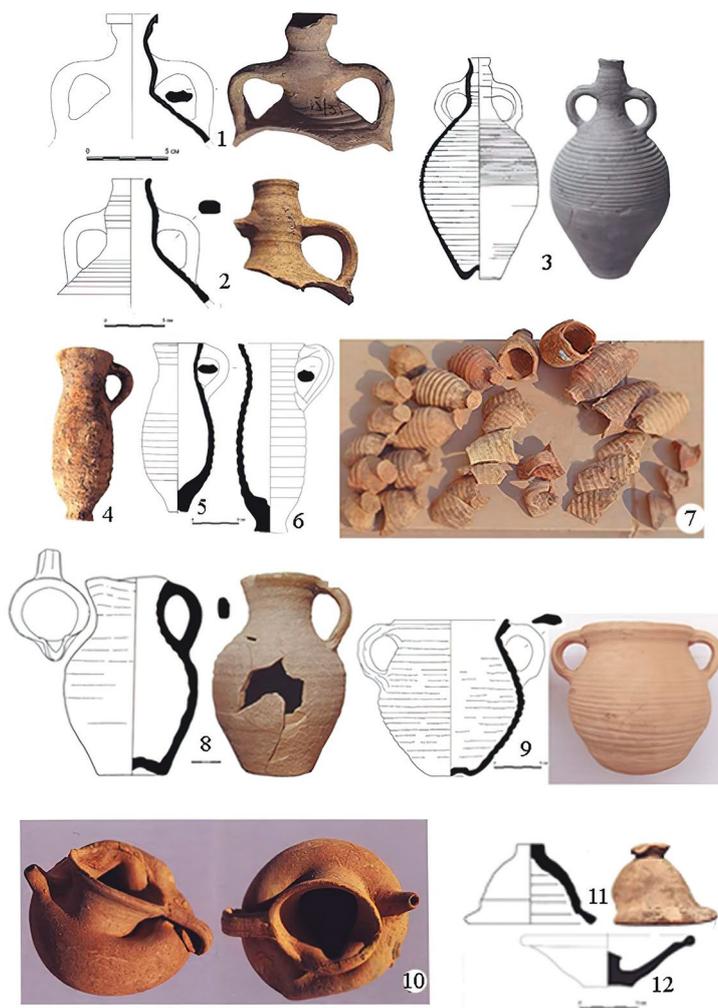
Сосуды группы «Фокейской краснолаковой», производившиеся в огромных количествах в Фокее, Чандарли и Эфесе на западном побережье современной Турции [15, р. 323] и широко распространённые по всему византийскому миру, в Иерихоне представлены разными типами формы 3 V–VI вв. (ил. 3, 1–8, 13–15) и формой 10 типов А и В, датирующихся соответственно концом VI – началом VII в.

и началом – серединой VII в. (ил. 3, 9–12) [15, р. 337–338, 346].

Популярность краснолаковой посуды у местного населения способствовала производству её имитаций местной гончарной мастерской: среди её отходов выявлено огромное количество бракованной посуды с красным ангобом и слегка залощённой поверхностью, повторяющей формы импортного красного лака (ил. 3, 28–39) (4, с. 77–79).

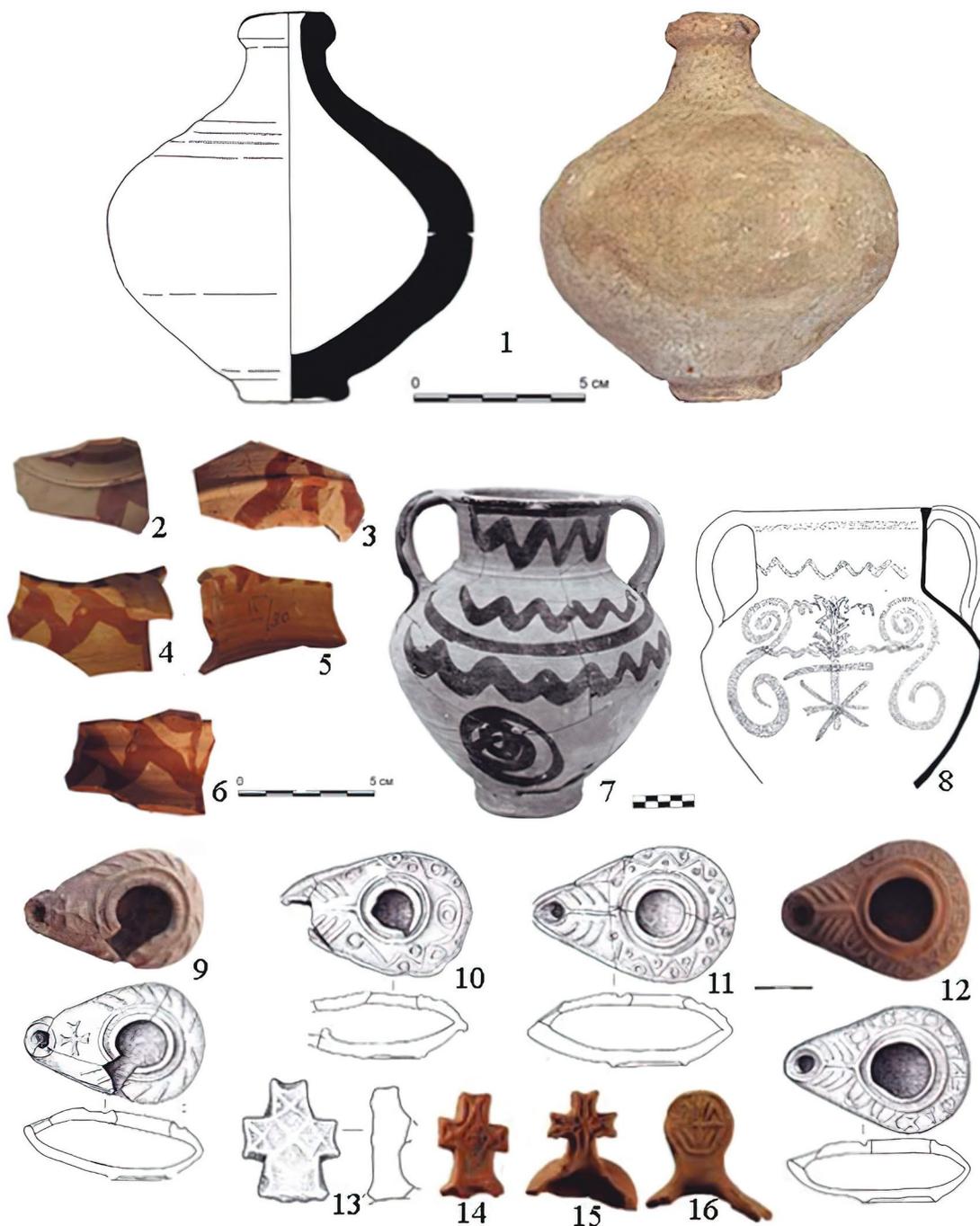
Только византийским временем датируются чаши с рядами насечек, нанесённых зубчатым штампом, на внешней стороне бортика, так называемые Rouletted Bowls [16, р. 185–188] (ил. 4, 1–4). Производились такие сосуды в нескольких центрах, в том числе в Иерусалиме и Хорбат Цефее. Датируются концом III – началом IV–V в. (форма 1) и VI (форма 2) [16, р. 186–188].

В довольно большом количестве представлена посуда группы «Столовой византийской» (Fine Byzantine Ware (FBW) (ил. 4, 5–9). Однако время бытования такой посуды выходит далеко за пределы византийского периода: появившись в середине VI в., FBW бытовала до середины X в. Производилась такая посуда в Негеве или в районе Иерусалима [16, р. 193]; не исключается наличие и других производственных центров. Группа включает большое разнообразие форм тонкостенных сосудов, включая чашечки, чаши, кувшины, кувшинчики и т.д., сделанных из хорошо отмученной и хорошо обожжённой глины, часто с серым закалом. Относительно небольшие по размерам сосуды этой группы зачастую украшены залощёнными полосками, одной или двумя врезными волнистыми линиями, косыми насечками. В первой половине VIII в. врезной орнамент заменила роспись, а производство закрытых форм было прекращено [16, р. 193].

Ил. 5. 1–2 — кувшинчики из раскопок в Иерихоне; 3 — кувшинчик из раскопок монастыря св. Мартирия; 4–7 — амфориски; 8 — ойнохоя; 9 — горшок; 10 — бракованный куман из раскопок гончарной мастерской; 11–12 — крышки

Ассортимент простой гончарной керамики включает большое разнообразие форм, значительная часть которых имела вогнутые донья с полусферическим выступом в центре. Судя по находке множества бракованных сосудов этой группы, большая их часть производилась в Иерихоне. Среди них наиболее многочисленны тонкостенные кувшинчики с высоким, слегка раздутым горлом и рифлёным туловом (ил. 5, 1) и амфориски с яйцевидным желобчатым туловом, широким воронковидным горлом, уплощённой ручкой и маленькой цилиндрической, небрежно сформованной ножкой (ил. 5, 2–7). И кувшинчики, и ам-

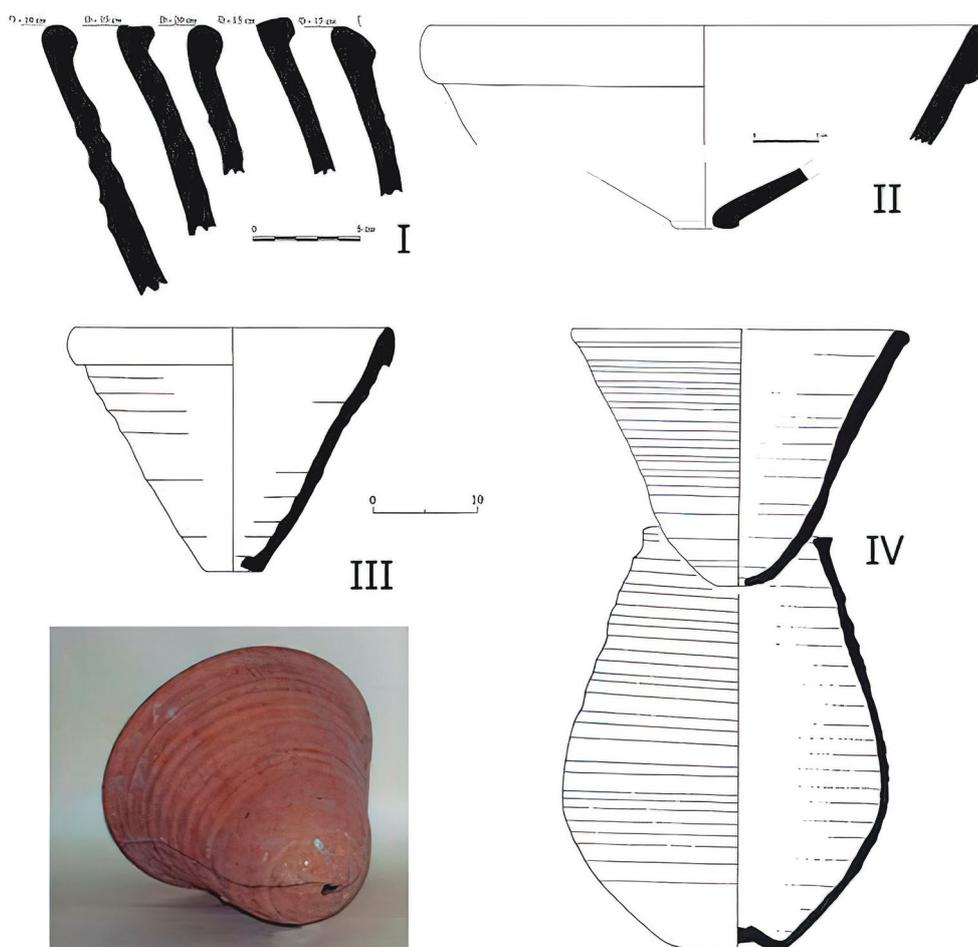
Ил. 6. 1 — сфероконический сосуд; 2–6 — сосуды с росписью красным из раскопок в Иерихоне; 7–8 — сосуды с росписью красным из раскопок в Пелле; 9–16 — светильники

фориски, скорее всего, использовались для перевозки и хранения Святой воды, масла, дорогих мазей, бальзама, благовоний и т.д. Датируются они омейядским периодом.

Помимо горшков и кувшинов самых разнообразных форм (ил. 5, 8–9) в Иерихоне производили кувшины с носиками, так называемые куманы, которые исполь-

зовались для омовений и были очень популярны во всём исламском мире. Один из таких куманов в смятом состоянии был найден при раскопках гончарной мастерской, что подтверждает их местное производство (ил. 5, 10).

Довольно большую группу в иерихонском комплексе составляли выпускавшие-

Ил. 7. Сосуды для производства сахара: I, II — фрагменты сосудов из раскопок в Иерихоне; III — конические сахарные горшки; IV — реконструкция одного из этапов производства сахара

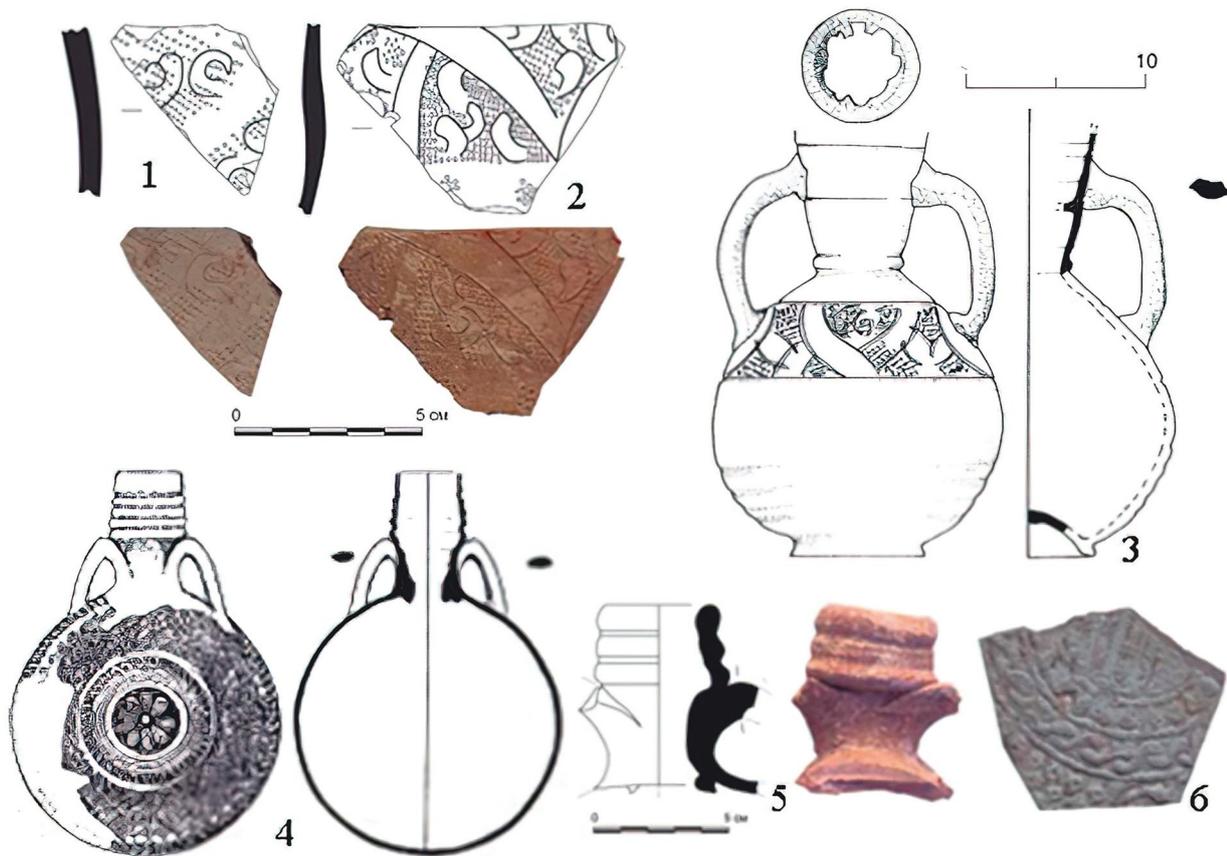
ся в местной мастерской крышки колоколовидной формы и в форме конической чаши с выступом-ручкой (ил. 5, 11–12).

Для исламского мира были характерны сфероконические (ил. 6, 1) сосуды с узким входным отверстием, предотвращающим выплёскивание содержимого. Сосуды омейядского времени отличаются небольшим выступом на дне и отсутствием орнамента, для более поздних характерны плоское дно и богато украшенная сложным рельефным орнаментом поверхность. Такие сосуды были многофункциональны: их использовали в качестве ёмкостей для ртути, пива и благовоний, ручных гранат, которые заполняли легковоспламеняющимся веществом, а распространены они были с омейядского периода до XIII в. включительно [13, р. 72].

Важными для датировки слоёв омейядского времени являются производившиеся в Джераше сосуды (чашки, чаши, кувшины, банкообразные сосуды) из светлой глины со свободно нанесёнными красным, пурпурным или коричневым простыми геометрическими и растительными мотивами [25, р. 152] (ил. 6, 2–8). Датируются они омейядским периодом с заходом в аббасидское время.

Ввиду ограниченного объёма в статье не рассматривается кухонная посуда, которая, к тому же, в силу своей консервативности изменялась довольно медленно и мало пригодна для хронологических штудий.

Остановимся на находках светильников с изображением подсвечника, чрезвычайно популярных в Палестине. Светильники имели биконическую форму, язы-

Ил. 8. 1-2, 5-6 — керамика со штампованным орнаментом из раскопок Иерихона; 3 — кувшин из раскопок в Иерусалиме; 4 — фляга из раскопок в Бет-Шане

кообразную ручку и большое отверстие для наливания масла (ил. 6, 10–11). Косые рельефные линии по обе стороны носика определяют либо как пальмовую ветвь, либо как менору; иногда вместо подсвечника на носике помещалось изображение креста (ил. 6, 9). Часто встречаются светильники с греческими надписями (самая распространённая: «ΦΩΣ ΧΡΙΣΤΟΥ ΦΕΝΙ ΠΑΣΙΝΙ», т.е. «свет Христов просвещает всех») (ил. 6, 12). Встречаются светильники с поднимающейся над резервуаром ручкой в форме креста, овала или полуовала с рельефным орнаментом на верхней поверхности (ил. 6, 13–16). Предполагается наличие нескольких центров по их производству, в том числе Иерусалим и Хирбат ель-Ньяна [24, р. 67, fig. 8]; возможно, их производили и странствующие мастера. Бытовали такие светильники со второй половины IV до конца VII / начала VIII в. [16, р. 251–255; 24, р. 65].

Керамический комплекс мамлюкского времени включает три большие группы сосудов: сосуды, связанные с сахарным производством, лепная и поливная посуда.

С приходом в Палестину крестоносцев важнейшей сельскохозяйственной культурой региона стал сахарный тростник, а производство сахара из мелкого, рассчитанного на внутреннее потребление превратилось в мощную индустрию, производившую сахар очень высокого качества, который в больших количествах вывозили в Европу. Одним из важнейших центров по производству сахара был Иерихон, где в XII–XV вв. располагалось крупное производство, процветавшее благодаря тому, что во времена крестоносцев долину нижнего течения реки Иордан начали интенсивно использовать для выращивания сахарного тростника.

Крупным центром по производству сахара Иерихонский оазис оставался и после

Ил. 9. Расписная лепная керамика

ухода крестоносцев. Относительно хорошо сохранившийся комплекс, в состав которого входили три сахарные мельницы, открыт у подножия горы Искушения в Иерихоне [4, р. 1157]. Ещё одно производство, по-видимому, располагалось рядом с Русским участком, где в мамлюкских слоях было найдено большое число фрагментов сосудов, использовавшихся при производстве сахара. В широкие конические сосуды с отверстием в выпуклом дне (ил. 7, II, III) выливали фильтрованный кипящий сироп.

Отверстие сначала затыкали, а когда сахар начинал кристаллизоваться, его открывали, и жидкость, которая не кристаллизовалась, стекала в нижний толстостенный сосуд мешковидной формы (ил. 7, I, IV). Кристаллизованный сахар продавали либо прямо в сосудах, либо сосуд разбивали, получая «голову» конусообразной формы.

Несколькими фрагментами представлены светлоглиняные кувшины и флаги со штампованным орнаментом XIII–XIV вв. (ил. 8, 1–6). Производились такие

Ил. 10. 1-30 — поливная керамика; 31-37 — кашинная керамика

сосуды в разных центрах сиро-палестинского региона, в том числе Иерусалиме и Дамаске, и были распространены на территории Сирии, Палестины и Трансиордании [18, р. 171-173].

Одним из важнейших изменений среднеисламского периода считают появление лепной керамики и её распространение по всему Ближнему Востоку [23, р. 129]. Производили её вплоть до недавнего време-

ни. В некоторых деревнях на севере Иордании, например, её делали до начала 1980-х гг. Лепная керамика была, по-видимому, очень дешёва, так как её производство не требовало специального оборудования и особых навыков, и, скорее всего, изготавливалась женщинами для домашнего использования, хотя высококачественная расписная посуда, украшенная тонким и сложным геометрическим орнаментом, несомненно, производилась профессионалами (ил. 9).

Поливная посуда представлена широким спектром как красноглиняных, так и бежевоглиняных сосудов, среди которых самую большую группу составляют простые бежевоглиняные чаши с округлым или коническим туловом с разнообразными венчиками (ил. 10, 1–15). Поверхность таких сосудов обычно покрыта свинцовой одноцветной поливой, в основном зелёной или жёлтой, наложенной на слой светлого ангоба. Внутренняя и внешняя поверхности некоторых сосудов покрыты поливой разных цветов.

Большое разнообразие форм, разное качество поливы и глины предполагают наличие нескольких производственных центров. К настоящему моменту открыты две мастерские, производившие посуду рассматриваемой группы: у южной оконечности Мёртвого моря и в Иерусалиме [18, р. 190].

Особую группу составляют чаши с рельефным орнаментом, покрытые толстым слоем жёлтой, зелёной и в редких случаях пурпурной блестящей поливы, наложенной на толстый слой светлого ангоба (ил. 10, 16–21). Тулово таких сосудов украшали поясами рельефного геометрического и растительного орнамента, а также арабскими надписями. Как показывает петрографический анализ, функционировало несколько мастерских по их производству; одна из них открыта в Иерусалиме. Эта рядная посуда была популярна в Палестине, Сирии и Трансиордании, причём главным образом во внутренних районах, тогда как на побережье Палестины и в сирийских портах встречается редко. Её появление

относят к VIII в. или IX в. [7, р. 35], пик бытования – к XIII–XIV/ началу XV в. [11, р. 92, fig. 16].

Небольшие группы составляют красноглиняные миски с росписью ангобом (ил. 10, 22–26) и гравированным орнаментом, который процарапывался сквозь слой белого ангоба до глины перед покрытием поливой (ил. 10, 27–30).

Представлена в комплексе и кашинная керамика, которая первоначально имитировала визуальные характеристики дорогого китайского фарфора и предназначалась для его замены более дешёвой посудой (ил. 10, 31–37). Основу теста составляет перемолотый в порошок кварцевый песок, иногда с добавлением стеклянного порошка, небольшого количества флюсов (белой глины, извести), водного раствора клея растительного или животного происхождения. Полученную массу сплавляли при температуре 1000–1200 градусов. Готовое изделие расписывали и покрывали прозрачной или цветной глазурью. Производство такой посуды располагалось в Тель Минисе, Ракке, Хаме, Калат Джабаре, Дамаске, Фустате, Конье, возможно, Бет-Шане, городах, расположенных в долине Евфрата. Датируется эта посуда второй половиной XII–XIV в. [17, р. 98–99].

Выводы. Анализ керамического комплекса в целом, а также керамики, найденной в различных локусах и слоях на исследуемом участке, позволил выделить несколько этапов его использования.

1. Освоение участка, скорее всего, следует относить ко второй половине/концу IV – первой половине V в. Именно этим временем датируется самая ранняя выявленная на участке керамика: ножка амфоры типа LRA3 первой половины V в., два фрагмента горл амфор IV–V вв. типа LRA4A [14, р. 376, fig. 15, 15; 20, р. 106]; довольно много фрагментов горл и ручек раннего варианта амфор типа LRA1 [14, fig. 15, 6–8] V – начала VI в. [20, р. 71]; несколько фрагментов блюд формы 67 группы «Африканской краснолаковой», датирующейся ок. 360–420, и фрагменты доньев со штам-

пованными изображениями концентрических окружностей и концентрических окружностей с вращающейся бахромой (стиль А (ii)-(iii), С, мотив 36, по Дж. Хейсу) конца IV – третьей четверти V в., пальмовых ветвей и пальмовых ветвей в сочетании с концентрическими окружностями (стиль Aii по Дж. Хейсу) середины IV – начала V в. и птицы, близкой к мотиву 180 стиля В начала V в. [15, р. 237, 257, fig. 40, 36; 752; fig. 47c]. Время застройки участка соответствует общей ситуации в Иерихоне, который в IV–V вв. переместился из Вади Кельт в зону современного города. Скорее всего, на участке сразу возникает паломническо-монастырский комплекс.

2. Предположительно во второй половине VI в. за пределами монастырской ограды возникает гончарная мастерская. Причём построена она была на прежде пустовавшей территории: раскопки, доведённые в 2017 г. на квадрате 7 до материка, показали отсутствие здесь более ранних культурных слоёв [5, с. 106].

От первого этапа функционирования мастерской сохранился горн в виде придонной части округлой ямы диаметром около 2 м, обложенной по периметру рядами битого кирпича – плинфы [1, с. 161, 162]. Сопровождавший горн слой представлял собой завал из разновеликого булыжника, битого камня, кусков пережжённого керамического шлака и деформированных, слипшихся друг с другом кувшинчиков [5, с. 99–100]. Выявленный в нём керамический комплекс включал значительное количество фрагментов привозной керамики средиземноморского происхождения. Краснолаковая керамика представлена множеством фрагментов фокейской посуды, самый ранний из которых являлся частью миски формы 3С второй половиной V в., остальные 14 – VI в. [15, р. 337, 338]. Обнаружены амфоры типа LRA1 [21, р. 212–216, fig. 91, 338], прежде всего типа IB1 по Пьери VI – середины VII в. [20, р. 75, 76], а также фрагменты горла и ручки амфор раннего варианта V – начала VI в. [20, р. 71].

Присутствуют в комплексе и несколько фрагментов амфор типа Газа (LRA 4), в их числе два фрагмента горл амфор типа 4B2 по Пьери второй половины VI–VII в. [20, р. 106].

Довольно большим количеством представлена посуда группы *Fine Byzantine Ware* (ил. 4, 5–9), в основном кувшинчиками формы 2, датирующейся серединой VI – началом VIII в. [16, р. 239]. Небольшим фрагментом представлены в локусе и так называемые *чаши с прокатанным орнаментом* (Rouletted Bowls) конца III / начала IV–VI в. [16, р. 185–188]. Кроме того, в локусе выявлена кухонная керамика византийского времени [5, с. 104–105].

Характерны полное отсутствие в комплексе больших тарных сосудов с арочным бортиком формы 3 по Дж. Магнесс, обычно представленных в омейядских локусах сотнями фрагментов, и довольно большое количество тарных сосудов с арочным бортиком форм 1 и 2 (ил. 4), бытовавших с конца III / начала IV до начала VIII в. [16, р. 157, 158] и чрезвычайно редко встречающихся в омейядских комплексах [14, р. 360, 362, 363, fig. 2].

Таким образом, совокупность находок позволяет отнести формирование слоя к VI–VII вв. Однако присутствие в комплексе керамики, появившейся во второй половине VI в. (FBW), при единичных фрагментах, характерных для омейядских слоёв «чёрных» и бежевоглиняных мешковидных амфор, позволяет сузить дату комплекса до второй половины VI – первой половины VII в. [5, с. 105].

3. Первая половина/середина VII в. была для Палестины тяжёлым временем: сначала персидское вторжение и оккупация (614–627), затем нашествие арабов, начавшееся в 634 г. Однако эти события не привели к экономическому упадку региона, а появление ислама и арабов – к резкой смене религии. Как показывают раскопки многочисленных памятников Палестины, мусульмане не разрушали и не грабили завоёванные ими города,

которые, как правило, мирно сдавались, не закрывали храмов и монастырей. Значительно большие последствия оставили в регионе землетрясения 633 и 659/60 гг. Особенно разрушительным было землетрясение лета 659 г., эпицентр которого приходился как раз на район Иерихона. Маронитская хроника свидетельствует о разрушении большей части города, всех его церквей, «дома» св. Иоанна Крестителя на р. Иордан и всех монастырей, включая монастырь Аввы Евфимия с многочисленными кельями монахов и отшельников. Французский паломник Аркульф, посетивший город в 670 г., описал Иерихон, по-видимому, ещё не оправившийся после землетрясения, как разрушенный город вокруг источника. В то же время он рассказывает об ухоженных полях зерновых, виноградниках и рощах финиковых пальм, занимавших территорию между Иорданом и Иерихоном и перемежающихся с открытыми пространствами с многочисленными домами. Таким образом, после землетрясения город, похоже, оправился довольно быстро, о чём, в частности, говорит быстрое восстановление разрушенной землетрясением гончарной мастерской.

При возрождении жизни на участке из слоя, связанного с византийским горном, выбрали пригодный для строительства камень, а поверхность выровняли. Над уровнем разрушений сформировался мощный (до 0,5 м) монолитный слой коричневой глины, который перекрывали поздние полы из светлой глины. С этими двумя уровнями связано возрождение керамической мастерской на прежнем месте: в непосредственной близости появляется несколько (открыты пять) горнов, сооружённых из сырцовых кирпичей на глине и кардинально отличающихся по своей конструкции от горна византийского времени [5, с. 105; 3, с. 125]. В мастерской начинают производить большие хозяйственные сосуды с арочным бортиком формы 3 по Дж. Магнесс, которые были особенно популярны у арабов, ам-

фориски, разнообразную столовую посуду, а также налаживают производство имитаций краснолаковой посуды, поставки которой после арабского завоевания либо полностью прекратились, либо сильно сократились.

Судя по интенсивному функционированию гончарной мастерской, выпускавшей обширный ассортимент сосудов хозяйственного назначения, город вёл активную хозяйственную жизнь, в которой значительную роль играло сельское хозяйство. Раннеисламские исторические источники единодушны в описании Иерихона как сельскохозяйственного центра.

Верхнюю дату функционирования гончарной мастерской определяет незначительное количество фрагментов больших хозяйственных сосудов с плоско срезанным краем (*flat-rim basins*), которые относят к VIII–IX вв., и так называемых сосудов группы «*red on cream*», появляющихся только в первой половине VIII в., т.е. формирование связанного с гончарной мастерской керамического комплекса прекратилось до начала или в самом начале правления династии Аббасидов (750–1258), при которых были внедрены новые сельскохозяйственные культуры из Индии, Персии и Месопотамии, что вызвало изменения пищевого рациона, а соответственно – способов приготовления еды и её подачи [5, с. 105]. Это, в свою очередь, отразилось на керамике: во второй половине VIII в. появились новые формы, отсутствующие в рассматриваемом комплексе [14, р. 464; 5, с. 98–99]. Этот вывод подтверждается резким отличием комплекса русского участка от состава керамики, выявленной в Хирбет аль-Мафджаре, расположенном в 5 км от Иерихона, и отнесённой Д. Уиткомбом ко второй половине VIII в. [26].

Прекращение функционирования мастерской скорее всего связано с катастрофическим землетрясением 749 г., о котором упоминают византийские, арабские и иудейские письменные источники и от которого сильно пострадали юг Си-

рии, долина Иордана, территории от Персии до Египта. Были разрушены Иерихон, Иерусалим, Джераш, другие города и поселения, расположенные в долине Иордана, обрушились церкви и монастыри, погибли десятки тысяч человек. Свидетельства письменных источников подтверждаются данными археологии: в Джераше, Пелле, Капернауме, Хиппосе, Скифополисе, Бейт-Шане, Хирбет аль-Мафджаре, монастырях Иудейской пустыни и Иерусалиме выявлены мощные слои разрушения, вызванного внезапным бедствием.

Последствия природной катастрофы осложнили геополитические обстоятельства: династию Омейядов сменила династия Аббасидов, и центр власти переместился из Сирии в Ирак, вызвав социальный кризис, который серьезно повлиял на регион и, в конце концов, уничтожил некогда процветающие города. Все эти обстоятельства не могли не сказаться на Иерихоне. Около середины VIII в. его территория, по-видимому, сократилась. По крайней мере, территория Русского участка была заброшена на несколько столетий, и руины гончарной мастерской постепенно покрылись толстым слоем земли [5, с. 99].

4. Новый этап использования участка относится уже к мамлюкскому времени, от которого сохранились фундаменты и остатки кладок из камня, печи/тандыры, хозяйственные ямы [3, с. 118–119]. Однако Иерихон того времени не был полноценным городом. Его место занимают

небольшие деревушки, отдельные усадьбы и наделы. Путешественники упоминают небольшую деревушку, «сарацинское село», располагавшееся на месте самого города. «Сарацинским селом» называет Иерихон игумен Даниил (начало XII в.). Как о небольшой деревне писал об Иерихоне и паломник Теодорих в 1172 г. Доминиканский монах Броккард (Бурхард) в 1283 г. пишет, что остаток древнего Иерихона – это восемь домов, едва заслуживающих названия деревни [2, с. 41].

О том, что в мамлюкский период Иерихонский оазис вмещал не одну, а несколько небольших деревушек, разбросанных по всей его территории, свидетельствует керамика того времени, найденная в нескольких районах современного Иерихона, в том числе и на Русском участке.

Естественно, в статье рассмотрены не все группы керамики иерихонского комплекса, слишком обширного и разнообразного, чтобы его можно было полностью осветить в одной публикации. Тем не менее публикуемый материал позволяет понять, что представлял собой средневековый Иерихон, определить дату исследуемых слоёв, строительных остатков и комплексов, основные занятия населения, направление торговых связей и их динамику, обусловленную политической ситуацией или экономической конъюнктурой, оценить влияние, которое оказывали на жизнь региона приток нового населения, войны, смена политических режимов и природные катаклизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016.
2. Беляев Л.А. Башня Иерихона: объект средневековой археологии в свете традиционных источников // Иерусалимский православный семинар. 2016. Вып. 6. С. 37–56.
3. Беляев Л.А., Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Максимова А.А. К 10-летию иерихонской экспедиции института археологии РАН: работы 2019–2020 гг. // Российская археология (РА). 2021. № 3. С. 116–129.
4. Голофаст Л.А. Керамика Иерихона V–XV вв.: Справочник-определитель. М.: Индрик, 2020.
5. Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н. О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) // РА. 2018. № 3. С. 97–110.

6. Arnon Y.D. Excavations in Marcus Street, Ramla: Pottery, Oil Lamps and Carved Stone Vessels // Reports and Studies of the Recanati Institute for Maritime Studies Excavations. Haifa, 2007. Pp. 38–99.
7. Arnon Y.D. Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE). Oxford, 2008 (BAR IS 1771).
8. Arnon Y.D. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath // Holum K.G., Stabler J.A., Reinhardt E.G. (eds.) Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor. Oxford, 2008. Pp. 85–103 (BAR IS 1784).
9. Avni G., Dahari U. Christian Burial Caves from the Byzantine Period at Luzit // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries. Essays in Honour of V.C. Corbo, Ofm. (Bottini G.C., Di Segni L. and Alliata E., eds.). Jerusalem, 1990. Pp. 301–314.
10. Bar-Nathan R., Atrash W. Bet Shean II. Baysan. The Theater Pottery Workshop. Jerusalem, 2011 (IAA Reports 48).
11. Boas A. The Medieval Ceramics from Kh. Ka'kul // Atiqot. 2006. № 54. Pp. 75–104.
12. Brosh N. Ceramic Remains // Levine L.I., Netzer E. (eds.) Excavations at Caesarea Maritima. 1975, 1976, 1979 – Final Report. Jerusalem, 1986. Pp. 66–89 (Qedem 21).
13. Ghouchani A., Adle C. A Sphero-Conical Vessel as Fuqqa'a, or a Gourd for «Beer» // Muqarnas. 1992. № 9. Pp. 72–92.
14. Golofast L.A. Pottery Assemblage // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. С. 359–465.
15. Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972.
16. Magness J. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield, 1993.
17. Mason R.B. Shine like the Sun: Lustre painted and associated Pottery from the Medieval Middle East. Toronto, 2004 (Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture Series 12).
18. Milwright M. The Fortress of the Raven. Karak in the Middle Islamic Period (1100–1650). Leiden; Boston, 2008.
19. Oren-Pascal M. Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335) // K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt (eds.) Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor. Oxford, 2008. Pp. 49–58 (BAR IS 1784).
20. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles): Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005.
21. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Pp. 112–236.
22. Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance à l'Islam, VIIe – VIIIe siècles (Canivet P. et Rey-Coquais J.-P. eds.) Paris; Damas, 1992. Pp. 195–218.
23. Stern E.J., Tatcher A. The Early Islamic Crusader, and Mamluk Pottery // Getzov N. et al. Horbat 'Uza. The 1991 excavations. Vol. II: The Late Periods. Jerusalem, 2009. Pp. 118–175 (IAA Reports 42).
24. Sussman V. The Clay Oil Lamps from Khirbat el-Niana // Atiqot. 2007. № 57. Pp. 53–72.
25. Walmsley A.G., Grey A.D. An Interim Report on the Pottery from Gharandal (Arindela), Jordan // Levant. 2001. № 33. Pp. 139–164.
26. Whitcomb D. Khirbet al-Mafjar Reconsidered: The Ceramic Evidence // BASOR. 271. 1998. Pp. 51–67.

Список сокращений

РА – Российская археология.

BAR – British Archaeological Reports.

BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research.

IAA – Israel Antiquities Authority.

IS – International Series.

Ceramics of Jericho from the 5th to the 15th Centuries: the Experience of Compiling an Identification Catalog

Larisa Alekseevna Golofast – Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher of the Department of Classical Archaeology of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Executor of the project “Ceramics and Its Production in Palestine of the 1st and Early 2nd Millennium AD. Based on Jericho Research Materials” (19–09–41021) (project leader L.A. Belyaev).
E-mail: larisa_golofast@mail.ru

The article examines a complex of ceramics from excavations at the site of the Russian Museum and Park Complex in Jericho. The study enabled the identification of three distinct periods of use: the late Byzantine, Umayyad and Mamluk. It seems reasonable to attribute the development of the site to the second half of the 4th century, or the first half of the 5th century. The earliest dated pottery from the site dates to this period. The construction of the site occurred during a period of significant urban development in Jericho, spanning the 4th to 5th centuries. It seems reasonable to posit that a pilgrimage-monastery complex was constructed on the site without delay. It seems likely that in the second half of the 6th century, a pottery workshop was established outside the monastery fence, occupying a previously unoccupied area. Excavations conducted in 2017 in square 7 to the mainland revealed the absence of earlier cultural layers, indicating that the workshop was constructed at this time. In 659 AD, the workshop was devastated by a powerful earthquake. However, it was swiftly rebuilt and continued operations until the middle of the 8th century. The workshop produced an extensive range of household vessels, tableware and imitations of red lacquer. The cessation of the workshop's functioning is likely associated with the catastrophic earthquake of 749, after which the territory of the Russian site was abandoned for several centuries. The subsequent phase of the site's use dates back to the Mamluk period, during which foundations and remains of stone masonry, ovens/tandoors, and utility pits have survived. Nevertheless, Jericho of that time was not a fully-fledged city. Instead, it was comprised of small villages, individual farmsteads and plots of land.

Keywords: Jericho, Late Byzantine/Umayyad period, Mamluk period, ceramics, pottery workshop

REFERENCES

1. Belyaev L.A. Vizantiiskii Ierikhon. Raskopki spustya stoletie. M.: Indrik, 2016 (in Russian).
2. Belyaev L.A. Bashnya Ierikhona: ob"ekt srednevekovoi arkheologii v svete traditsionnykh istochnikov // Ierusalimskii pravoslavnyi seminar. 2016. Vyp. 6. S. 37–56 (in Russian).
3. Belyaev L.A., Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Maksimova A.A. K 10-letiyu ierikhonskoi ekspeditsii instituta arkheologii RAN: raboty 2019–2020 gg. // Rossiiskaya arkheologiya (RA). 2021. № 3. S. 116–129 (in Russian).
4. Golofast L.A. Keramika Ierikhona V–XV vv.: Spravochnik-opredelitel'. M.: Indrik, 2020 (in Russian).
5. Golofast L.A., Voroshilov A.N. O vremeni funktsionirovaniya goncharnoi masterskoi v Ierikhone (po materialam raskopok 2017 g.) // RA. 2018. № 3. S. 97–110 (in Russian).
6. Arnon Y.D. Excavations in Marcus Street, Ramla: Pottery, Oil Lamps and Carved Stone Vessels // Reports and Studies of the Recanati Institute for Maritime Studies Excavations. Haifa, 2007. Pp. 38–99.
7. Arnon Y.D. Caesarea Maritima, the Late Periods (700–1291 CE). Oxford, 2008 (BAR IS 1771).
8. Arnon Y.D. Ceramic Assemblages from the Byzantine/Early Islamic Bath // Holum K.G., Stabler J.A., Reinhardt E.G. (eds.) Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor. Oxford, 2008. Pp. 85–103 (BAR IS 1784).

9. Avni G., Dahari U. Christian Burial Caves from the Byzantine Period at Luzit // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries. Essays in Honour of V.C. Corbo, Ofm. (Bottini G.C., Di Segni L. and Alliata E., eds.). Jerusalem, 1990. Pp. 301–314.
10. Bar-Nathan R., Atrash W. Bet Shean II. Baysan. The Theater Pottery Workshop. Jerusalem, 2011 (IAA Reports 48).
11. Boas A. The Medieval Ceramics from Kh. Ka'kul // Atiqot. 2006. № 54. Pp. 75–104.
12. Brosh N. Ceramic Remains // Levine L.I., Netzer E. (eds.) Excavations at Caesarea Maritima. 1975, 1976, 1979 – Final Report. Jerusalem, 1986. Pp. 66–89 (Qedem 21).
13. Ghouchani A., Adle C. A Sphero-Conical Vessel as Fuqqa'a, or a Gourd for «Beer» // Muqarnas. 1992. № 9. Pp. 72–92.
14. Golofast L.A. Pottery Assemblage // Belyaev L.A. Vizantiiskii Ierikhon. S. 359–465 (in Russian).
15. Hayes J.W. Late Roman Pottery. L., 1972.
16. Magness J. Jerusalem Ceramic Chronology circa 200–800 CE. Sheffield, 1993.
17. Mason R.B. Shine like the Sun: Lustre painted and associated Pottery from the Medieval Middle East. Toronto, 2004 (Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture Series 12).
18. Milwright M. The Fortress of the Raven. Karak in the Middle Islamic Period (1100–1650). Leiden; Boston, 2008.
19. Oren-Pascal M. Amphoras from the Abandonment Layer in the Area LL (L 1242, 1335) // K.G. Holum, J.A. Stabler, E.G. Reinhardt (eds.) Caesarea Reports and Studies. Excavations 1995–2007 within the Old City and the Ancient Harbor. Oxford, 2008. Pp. 49–58 (BAR IS 1784).
20. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles): Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth: Institut Français du Proche-Orient, 2005.
21. Riley J.A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Tripoli, 1979. Pp. 112–236.
22. Sodini J.-P., Villeneuve E. Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance à l'Islam, VIIe – VIIIe siècles (Canivet P. et Rey-Coquais J.-P. eds.) Paris; Damas, 1992. Pp. 195–218.
23. Stern E.J., Tatcher A. The Early Islamic Crusader, and Mamluk Pottery // Getzov N. et al. Horbat 'Uza. The 1991 excavations. Vol. II: The Late Periods. Jerusalem, 2009. Pp. 118–175 (IAA Reports 42).
24. Sussman V. The Clay Oil Lamps from Khirbat el-Niana // Atiqot. 2007. № 57. Pp. 53–72.
25. Walmsley A.G., Grey A.D. An Interim Report on the Pottery from Gharandal (Arindela), Jordan // Levant. 2001. № 33. Pp. 139–164.
26. Whitcomb D. Khirbet al-Mafjar Reconsidered: The Ceramic Evidence // BASOR. 271. 1998. Pp. 51–67.

Spisok sokrashchenii

RA – Rossiiskaya arkheologiya.

BAR – British Archaeological Reports.

BASOR – Bulletin of the American Schools of Oriental Research.

IAA – Israel Antiquities Authority.

IS – International Series.

АНТИЧНОСТЬ, ВИЗАНТИЯ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК В СРЕДНИЕ ВЕКА

Индекс УДК 94 (22)

Код ГРНТИ 03.09.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-44-50

М.В. БИБИКОВ*

Ранневизантийские описания Палестины

В статье даётся обзор ранневизантийских свидетельств об Иерусалиме и других центрах Святой Земли периода до арабских завоеваний Палестины. В обзоре рассматриваются данные о византийском Ближнем Востоке в сравнении с хронологически близкими им материалами латиноязычных и восточных текстов, которым посвящены специальные публикации. Статья написана в рамках работы над темой госзадания ИВИ РАН по Программе фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки Российской Федерации и МОО «ИППО» в 2024 г.

Ключевые слова: Византийская Палестина, греческие и латинские описания и свидетельства, ранневизантийское источниковедение

Научный проект «Сравнительное источниковедение описаний Христианского Востока в русских, греческих и латинских памятниках византийской и поствизантийской эпохи», в рамках которого подготовлен настоящий обзор, предполагает поиск, источниковедческий анализ, в ряде случаев — публикацию и перевод на русский язык

новонайденных и не известных доселе текстов, а главное — фундаментальное сопоставительное исследование греческих, латинских, древнерусских и древнеславянских памятников книжности византийского и поствизантийского периода (IV–XVIII вв.), дополняемое анализом необходимых свидетельств средневековых текстов ближневосточного — сирийско-

* **Бибиков Михаил Вадимович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель проектов «Сравнительное источниковедение описаний Христианского Востока в русских, греческих и латинских памятниках византийской и поствизантийской эпохи» (№ ЕГИСУ НИОКТР 123042000108-1) и «Историко-культурные связи России с Афоном и Средиземноморьем в поствизантийском рукописном наследии» (20-09-41007).
E-mail: mbibikov@mail.ru

го, арабского, кавказского — армянского, грузинского, а также хазарского и проч. происхождения. Данный источниковедческий обзор посвящён ранневизантийским латинским и греческим памятникам, сохранившим описания и свидетельства о Святой Земле, Иерусалиме, Ближнем Востоке в целом, Синае и других местах.

Цели сравнительного источниковедческого анализа разноязычных (греческих, латинских, древнерусских и древнеславянских) и разножанровых текстов (паломнические записки, агиография, хроники, специальные, например воинские, трактаты, памятники риторики, ономастиконы и лексиконы, этно-географическая литература, эпистолография и проч.) определяют важность и актуальность научной задачи проекта [1]. Особый интерес представляют рукописные неопубликованные материалы, обнаруженные в ходе работ в отечественных и зарубежных собраниях, в том числе в архивах и древлехранилищах монастырей и скитов Афона, Иерусалима, Салоник и других центров книжности, и в частности поствизантийские тексты, привлекающие к себе внимание, особенно в последнее время [2].

Стремление верующих христиан поздней античности и раннего средневековья посетить Святые места в Палестине, Египте, Сирии, Ливане и желание многих из них записать свои впечатления от соприкосновения с живой историей Спасителя, Богоматери и Апостолов и сохранить эти записки для других паломников возникли по мере укрепления позиций православия в Поздней Римской империи, в её Восточной половине, особенно после утверждения императором Константином I христианства в качестве основной государственной религии, посещения им совместно с матерью, царицей Еленой, Иерусалима, строительства и восстановления там храмов, монастырей и других культовых мест, связанных со священной историей христианства.

Уже вскоре после Миланского эдикта 313 г. и переноса столицы империи в город Византий, переименованный в Константинополь, появляются первые описания пути из Юж-

ной Европы в Иерусалим и другие места Ближнего Востока. Но строго говоря, так называемый «Бордоский путник» (*Itinerarium a Bordigala Hierusalem usque*) 333 г. [3] — латиноязычный памятник, что было естественно в Римской империи до начала VII в., когда греческий стал официальным языком Византии, а также латинское «Паломничество к Святым местам Этерии», или Эгерии, или даже Сильвии девы (*Peregrinatio Aetheriae / Egeriae / Silviae*) в конце IV в. — между 372 и 394 гг. [4] скорее предшествовали собственно византийской традиции подобных описаний на греческом языке.

«Итинерарий от Бордигалы» представляет собой подробный список городов и мест по пути из Бордо через Арелат (Арль), Медиолан (Милан), Сирмий (Сремская Митровица), Сингидунум (Белград), Наисс (Ниш), Сердику (Софию), Филиппополь (Пловдив) — в Константинополь, а уже оттуда через Халкедон в Вифинию, Никомидию (Измит), Тарс Киликийский, сирийскую Антиохию, Берит (Бейрут), через города и поселки Иудеи, Самарии и др. — до Иерусалима, описание достопамятных мест которого с окрестностями представляет собой главную часть произведения. После этого описываются также Иерихон, р. Иордан, Вифлеем, Лидда, Кесария и весь обратный путь через Бриндизи, Капуя, Рим — в Милан.

А «Перегринация» паломницы конца IV в. начинается от Синая с храмами горы Моисея и Хорив, ведёт через Фаран, Иерихон, Иордан и Мёртвое море — в Иерусалим, а далее — через Антиохию Сирийскую, Эдессу, Тарс, Селевкию Исаврийскую, Каппадокию, Галатию, Вифинию в Халкедон. Подробно описаны церковные службы в храмах Воскресения Христова (ил. 1) и монастыре св. Креста в Иерусалиме, а также в Вифлеемской базилике.

Но как все эти, так и другие латинские описания Святой Земли IV–VI вв. скорее, как сказано, являются началом латинской традиции паломнической литературы, нашедшей своё непосредственное развитие в таких памятниках, как описания Иерони-

Ил. 1. Иерусалим. Храм Воскресения Господня

ма Блаженного около 388 г. [5], Феодосия «О местоположении Святой Земли» (*De situ Terrae Sanctae*) начала VI в. [6], «Путник» Антонина из Плацентии (*Itinerarium Antonini Placentini*), составленный между 565 и 614 гг. [7], «О святых местах» Аркульфа (*Arculpi Relatio de locis sanctis*) около 670 г. [8] и др. Последние из перечисленных памятников были созданы на территории Западной Римской империи, связанной прежде всего с римским престолом, ориентируясь в дальнейшем на западно-европейский ареал.

Собственно византийская паломническая литература ведёт начало от Евсевия Кесарийского, его описаний Святой Земли в том или ином контексте и его исторического повествования о регионе [9]. Евсевий — не паломник, он — епископ Кесарии Понтийской (Севастийской), где служил определённое время, собирая и описывая свидетельства о событиях, происходивших на Святой Земле. Так, в специальном сочинении «Собрание древних мученических актов» [10] рассмотрены судьбы христи-

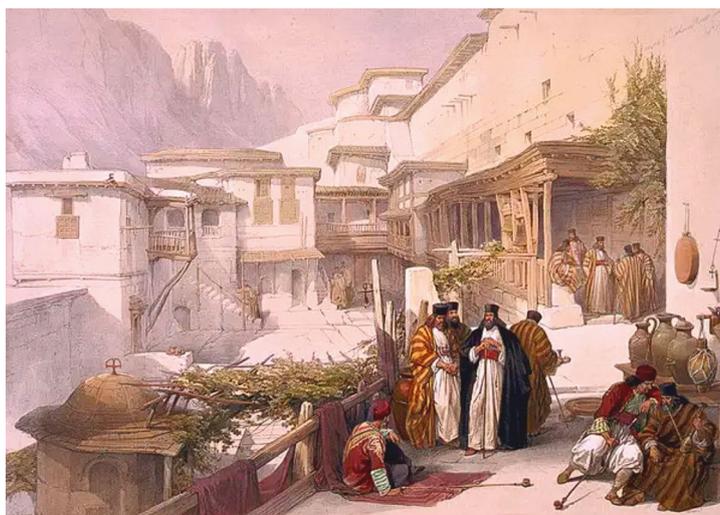
анских мучеников Палестины, о которых автор знал по своей служебной практике, собирая свидетельства и актовые мартирологии в современных ему памятниках и библиотеках. Автор описывает историю главных Церквей своего времени — Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима. Сочинение «О палестинских мучениках» сохранилось в двух редакциях: греческом оригинале и в расширенных переводных вариантах — сирийском, латинском и грузинском. В памятнике описаны события гонений на христиан в 303–311 гг.

Сравнительно ранняя, начатая около 303 г. «Хроника» Евсевия [11, 12] дошла до нас фрагментарно и в переводах на различные языки, что свидетельствует о популярности произведения среди современников и последователей. Первая часть под наименованием «Хронография», представляющая собой краткое изложение истории древних народов Востока и Греции — вплоть до Рима, сохранилась в армянской версии. Вторая, озаглавленная «Каноны времён», сопоставляет в синхронизиро-

ванных столбцах текста основные факты всемирной истории, хронологические заметки и комментарии. Эта часть была продолжена и переработана Иеронимом около 378 г., сохранившись в латинском варианте [13, 14].

Среди сочинений Евсевия зрелого периода следует в первую очередь назвать «Христианскую историю» с добавлением X книги, рассматривающей мировую историю как отражение высшего Промысла и реализацию высшего замысла; повествование доведено до 325 г. — года Первого Вселенского собора в Никее. Другое сочинение — «Ономастикон» — было последней книгой «Толкования еврейских имён» Евсевия [15, 16]. Текст представляет собой своего рода географический словарь упомянутых в Библии мест с комментариями и идентификациями в случаях изменения названий. «Ономастикон» в переводе Иеронима получил известность и в латинском мире.

Другим ранневизантийским текстом, сохранившим свидетельства о Святой Земле, стали «Жития св. Феогния епископа Витлийского» — сочинения V — начала VI в. Павлы Элладского и Кирилла Скифопольского [17]. Феогний родился в Арарафии (Каппадокия) около 425 г. Он монашествовал в Палестине (Иерусалим, Гефсимания, обитель Феодосия Киновиарха, Каламонская лавра и др.) [18]. При византийских императорах Анастасии и Юстиниане I дважды посетил Константинополь. Скончался в 522 г. в возрасте 96 лет; прославлен посмертными чудесами в Майуме Газском, в Кесарии. Под именем Павлы Элладского до нас дошло «Житие Феогния», представляющее собой надгробную речь современника и последователя усопшего. Таким образом, здесь также имеет место круг палестинских святых и авторов-составителей литератур-

Ил. 2. Синай. Монастырь Святой Екатерины

Ил. 3. Палестина. Лавра св. Саввы Освященного

ных памятников, которые были не просто кратковременными посетителями Палестины (ил. 2, 3), но проводили свою жизнь непосредственно в регионе почитаемых Святых мест, служили там и прекрасно ориентировались на месте. В этом — принципиальное отличие собственно ранневизантийских греческих описаний от аналогичных современных им латинских.

Тот же характер носит и ряд других памятников палестинской и сирийской раннесредневековой агиографии, сохранившихся на греческом языке и изданных в своё время В.В. Латышевым [19]. Их датировка менее определённа, но все они связаны с Палестиной и Ближним Восто-

ком вообще как местом прославления их главных героев, а также творчества ранневизантийских агиографов.

Первый текст — это «Житие св. Фотины Самарянки и дружины её» [Там же, I]. Святая происходила из г. Сихаря (Самария), пребывала в месте у колодца Иакова — брата Господня по плоти; имела сыновей — Иосию и Виктора. При императоре Нероне в Риме подверглась суду за своё христианское вероисповедание и была казнена, но затем — прославлена.

Второе житие — преп. Мартиниана, жившего во второй половине IV в. [Там же, II].

Он 25 лет подвизался в «Месте Ковчега» близ Кесарии Палестинской, затем много странствовал и упокоился в Афинах.

Наконец, третий памятник — это «Страдание святых Павла и Иулиании», брата и сестры из г. Птолемаида (Исаврия?), христиански прославившихся при императоре Аврелиане (270–275) [Там же, III].

Итак, все рассмотренные памятники истории и агиографии имеют прямое отношение к интересующему нас ближневосточному региону и служат более глубокому проникновению читателей в историю и богословие Святых мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибиков М.В. К сравнительному источниковедению описаний Христианского Востока в памятниках византийской и поствизантийской эпохи // Православный Палестинский сборник (далее — ППС). М., 2023. Вып. 121. С. 393–403.
2. Бибиков М.В., Родионов О.А., Чеснокова Н.П. Историко-культурные связи России с Афоном и Средиземноморьем в поствизантийском рукописном наследии. М., 2024.
3. Бордоский путник 333 г./ Пред. В.Н. Хитрово // ППС. СПб., 1882. Вып. 2. Т. I. С. III–VI, 1–47, Прил.
4. Паломничество по святым местам конца IV века. Peregrinatio ad loca Sancta saec. IV exeuntis / Изд., пер., комм. И.В. Помяловского // ППС. 1889. Вып. 20; Письма паломницы IV века. М., 1994.
5. Иеронима Блаженного описание // ППС. 1894. Вып. 37. Т. XIII, вып. 1.
6. Феодосий. Описание Святой Земли начала VI в. / Изд. И.В. Помяловского // ППС. 1891. Вып. 28. Т. X, вып. 1.
7. Путник Антонина из Плаценции / Ред. И.В. Помяловского // ППС. 1895. Вып. 39. Т. XIII, вып. 3.
8. Аркульф. Рассказ о святых местах, записанный Адамнаном около 670 г. / Изд., пер. И.В. Помяловского // ППС. 1898. Вып. 49. Т. XVII, вып. 1. С. I–VIII, 1–117.
9. Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской, О названиях местностей, встречающихся в Св. Писании, около 320 г... / Пер. и комм. И.В. Помяловского // ППС. 1894. Вып. 37. Т. XIII, вып. 1. С. I–III, 1–130.
10. Del Ton. Eusebio di Cesarea. Storia ecclesiastica e I martiri della Palestina. Desclée, Roma ecc., 1964.
11. Eusebii Pamphili Caesariensis Episcopi, Chronicon bipartitum, nunc primum ex Armeniaco textu in Latinum conversum, adnotationibus auctum, Graecis fragmentis exornatum opera Jo. Baptistae Aucher. Pars I–II. Venetiis, 1818.
12. Morlet S., Perrone L. (eds.). Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique. Commentaire. I. Paris, 2012.
13. Морескини К., Норелли Э. История литературы раннего христианства на греческом и латинском языках. М., 2021. Т. I. С. 792–793 (К. Заманьи).
14. Beatrice P.F. Eusèbe de Césarée // В. Pouderon (ed.). Histoire de la littérature grecque chrétienne des origines à 451. III. Cerf, Paris, 2017. Pp. 641–725.
15. Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской, О названиях местностей, встречающихся в Св. Писании, около 320 г. Блаженного Иеронима, пресвитера Стридонского О положении и названиях еврейских местностей / Пер. и комм. И.В. Помяловского // ППС. 1894. Вып. 37. Т. XIII, вып. 1. С. I–III, 1–130.

16. Eusebius von Caesarea. Das Onomastikon der biblischen Ortsnamen. Edition der syrischen Fassung mit griechischem Text, englischer und deutscher Übersetzung. Hrsg. V.S. Timm. Berlin, New York, 2005.
17. Павлы Элладского и Кирилла Скифопольского Жития св. Феогния, епископа Витийского / Пред. и изд. А.И. Пападопуло-Керамевса, пер. с греч. Г.С. Дестуниса // ППС. 1891. Вып. 32. Т. XI, Вып. 2. С. I–IV, 1–66.
18. Иоанн Мосх. Луг Духовный. М., 1871. Гл. 159. См.: Usener H. Der heilige Theodosios. Leipzig, 1890.
19. Сборник Палестинской и Сирийской агиологии / Изд. В.В. Латышев // ППС. 1913 (на обложке – 1914). Вып. 60. Т. XX, Вып. 3. С. I–XXIII, 1–122.

Early Byzantine Descriptions of Palestine

Mikhail Vadimovich Bibikov – Doctor of Historical Sciences (PhD), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Head of the projects “Comparative Source Study of Descriptions of the Christian East in Russian, Greek and Latin Monuments of the Byzantine and Post-Byzantine Era” (No. ЕГИСУ НИОКТР 123042000108–1) and “Historical and cultural relations of Russia with Athos and the Mediterranean in the post-Byzantine manuscript heritage” (20–09–41007).

E-mail: mbibikov@mail.ru

The article provides an overview of the early Byzantine testimonies about Jerusalem and other centers of the Holy Land in the period before the Arab conquests of Palestine. The review considers the data about the Byzantine Middle East in comparison with chronologically close to them materials of the Latin and Oriental texts, to which special publications are devoted. The article was written when working on the topic of the state task of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences under the Program of Fundamental Scientific Research in the field of “Russia and the Middle East: Historical, Political and Cultural Contacts and Interrelations” of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and International Non-Profit Organization “Imperial Orthodox Palestine Society” in 2024.

Keywords: Byzantine Palestine, Greek and Latin descriptions and testimonies, early Byzantine source studies

REFERENCES

1. Bibikov M.V. K sravnitel'nomu istochnikovedeniyu opisaniy Khristianskogo Vostoka v pamyatnikakh vizantiiskoi i postvizantiiskoi epokhi // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik (dalee – PPS). М., 2023. Вып. 121. С. 393–403 (in Russian).
2. Bibikov M.V., Rodionov O.A., Chesnokova N.P. Istoriko-kul'turnye svyazi Rossii s Afonom i Sredizemnomor'em v postvizantiiskom rukopisnom nasledii. М., 2024 (in Russian).
3. Bordoskii putnik 333 g./ Pred. V.N. Khitrovo // PPS. SPb., 1882. Вып. 2. Т. I. С. III–VI, 1–47, Pril. (in Russian).
4. Palomnichestvo po svyatykh mestam kontsa IV veka. Peregrinatio ad loca Sancta saec. IV exeuntis / Izd., per., komm. I.V. Pomyalovskogo // PPS. 1889. Вып. 20; Pis'ma palomnitsy IV veka. М., 1994 (in Russian).
5. Ieronima Blazhennogo opisaniye // PPS. 1894. Вып. 37. Т. XIII, вып. 1 (in Russian).

6. Feodosii. Opisanie Svyatoi Zemli nachala VI v. / Izd. I.V. Pomyalovskogo // PPS. 1891. Vyp. 28. T. X, vyp. 1 (in Russian).
7. Putnik Antonina iz Platsentsii / Red. I.V. Pomyalovskogo // PPS. 1895. Vyp. 39. T. XIII, vyp. 3 (in Russian).
8. Arkul'f. Rasskaz o svyatykh mestakh, zapisannyi Adamnanom okolo 670 g. / Izd., per. I.V. Pomyalovskogo // PPS. 1898. Vyp. 49. T. XVII, vyp. 1. S. I–VIII, 1–117 (in Russian).
9. Evseviya Pamfilova, episkopa Kesarii Palestinskoi, O nazvaniyakh mestnostei, vstrechayushchikhsya v Sv. Pisanii, okolo 320 g... / Per. i komm. I.V. Pomyalovskogo // PPS. 1894. Vyp. 37. T. XIII, vyp. 1. S. I–III, 1–130 (in Russian).
10. Del Ton. Eusebio di Cesarea. Storia ecclesiastica e I martiri della Palestina. Desclée, Roma ecc., 1964.
11. Eusebii Pamphili Caesariensis Episcopi, Chronicon bipartitum, nunc primum ex Armeniaco textu in Latinum conversum, adnotationibus auctum, Graecis fragmentis exornatum opera Jo. Baptistae Aucher. Pars I–II. Venetiis, 1818.
12. Morlet S., Perrone L. (eds.). Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique. Commentaire. I. Paris, 2012.
13. Moreskini K., Norelli E. Istoriya literatury rannego khristianstva na grecheskom i latinskom yazykakh. M., 2021. T. I. S. 792–793 (K. Zaman'i) (in Russian).
14. Beatrice P.F. Eusèbe de Césarée // B. Pouderon (ed.). Histoire de la littérature grecque chrétienne des origines à 451. III. Cerf, Paris, 2017. Pp. 641–725.
15. Evseviya Pamfilova, episkopa Kesarii Palestinskoi, O nazvaniyakh mestnostei, vstrechayushchikhsya v Sv. Pisanii, okolo 320 g. Blazhennogo Ieronima, presvitera Stridonskogo O polozhenii i nazvaniyakh evreiskikh mestnostei / Per. i komm. I.V. Pomyalovskogo // PPS. 1894. Vyp. 37. T. XIII, vyp. 1. S. I–III, 1–130 (in Russian).
16. Eusebius von Caesarea. Das Onomastikon der biblischen Ortsnamen. Edition der syrischen Fassung mit griechischem Text, englischer und deutscher Übersetzung. Hrsg. V.S. Timm. Berlin, New York, 2005.
17. Pavly Elladskogo i Kirilla Skifopol'skogo Zhitiya sv. Feogniya, episkopa Vitiliiskogo / Pred. i izd. A.I. Papadopulo-Keramevsa, per. s grech. G.S. Destunisa // PPS. 1891. Vyp. 32. T. XI, Vyp. 2. S. I–IV, 1–66 (in Russian).
18. Ioann Moskh. Lug Dukhovnyi. M., 1871. Gl. 159 (in Russian). Cf.: Usener H. Der heilige Theodosios. Leipzig, 1890.
19. Sbornik Palestinskoi i Siriiskoi agiologii / Izd. V.V. Latyshev // PPS. 1913 (na oblozhke – 1914). Vyp. 60. T. XX, Vyp. 3. S. I–XXIII, 1–122 (in Russian).

РОССИЯ И ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК

Индекс УДК 930.253
Код ГРНТИ 03.23.31
DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-51-61

А.И. АЛЕКСЕЕВ*

Россия и Палестина в последний век Российской империи (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки)

В статье излагаются основные результаты реализации проекта по введению в научный оборот документов из фондов Отдела рукописей РНБ, относящихся к истории русского присутствия в Палестине с начала XVIII до начала XX в. Наибольший интерес исследователей Русской Палестины вызывает комплекс документов, относящихся к организации русского присутствия на Святой Земле. В первую очередь, это письма начальников Русской духовной миссии к А.С. Норову. Эти письма свидетельствуют об острейшем кризисе, в котором находилась Русская духовная миссия в Иерусалиме. Переписка А.С. Норова с выдающимся библеистом Константином Тишендорфом в 1857–1864 гг. затрагивает ряд важнейших тем, среди которых финансирование российским правительством путешествия немецкого учёного на Синай и в Палестину, приобретение Императорской публичной библиотекой коллекции принадлежавших ему рукописей, а главное – неизвестные подробности приобретения знаменитой «Синайской Библии». Одним из результатов работы по выявлению материалов стало обнаружение рукописи, созданной в период Крымской войны и связанной со «Святогробским делом», которое стало одним из поводов вооружённого противостояния мировых держав. Речь идёт о неизвестном рукописном экземпляре перевода сочинения католического аббата Ж.-И. Мишона. При описании материалов, связанных с темой проекта, члены научного коллектива обнаружили список перевода сочинения иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары «История и описание Святой Земли и Святого града Иерусалима», являющегося важнейшим источником по истории Палестины XVIII в. Всего же в результате работы над проектом исследовательский коллектив подготовил 20 публикаций, в которых введено в научный оборот множество ценнейших источников по истории русского присутствия в Святой Земле.

Ключевые слова: Россия и Палестина, Русская Духовная миссия в Иерусалиме, паломничество, письма, мемуары и дневники

* **Алексеев Алексей Иванович** — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки, руководитель проекта «Россия и Палестина: церковно-политический, научный, паломнический векторы притяжения в последний век Российской империи (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки)» (19-09-41009). E-mail: a.alexeev@nlr.ru

Цели проекта «Россия и Палестина: церковно-политический, научный, паломнический векторы притяжения в последний век Российской империи (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки)» состояли в выявлении, описании и изучении материалов Отдела рукописей РНБ по истории церковно-политических, научных и культурных связей России и Палестины с 1820-х до 1920-х гг., научного, литературного и эпистолярного наследия учёных (востоковедов, византистов, историков), писателей, государственных деятелей XIX – начала XX в., в поле зрения которых находилась палестинская тема. Выявленные материалы составили основу аннотированного указателя «Научные и культурные связи России и Палестины: по материалам Отдела рукописей РНБ».

Наибольший интерес исследователей Русской Палестины вызывает комплекс документов, относящихся к организации русского присутствия на Святой Земле. В первую очередь, это письма начальников Русской духовной миссии (РДМ) к Аврааму Сергеевичу Норову, государственному деятелю и паломнику-исследователю. Результаты комплексного анализа архива А.С. Норова были представлены в обзорной статье [2]. Отдельной темой в рамках этой работы стал анализ писем архимандрита Леонида (Кавелина) к А.С. Норову, содержащих уникальные сведения по истории «Русской Палестины». Публикация писем архимандрита Леонида (Кавелина) впервые вводит в научный оборот ценнейший источник для изучения Русской духовной миссии в Иерусалиме. 19 писем архимандрита Леонида за 1860–1869 гг. свидетельствуют о довольно близких доверительных отношениях, связывавших их. Знакомство их состоялось в трудный для Авраама Сергеевича период, когда он тяжело переживал смерть любимой супруги Варвары Егоровны. Дружеские узы были скреплены также общностью научных интересов, первое место среди которых занимала история библейской Палестины. Эти

письма свидетельствуют об острейшем кризисе, в котором находилась Русская духовная миссия в Иерусалиме [3].

В рамках изучения научных контактов в области исследований Святой Земли была подготовлена публикация писем знаменитого немецкого учёного Константина Тишендорфа А.С. Норову [1]. Эти письма (всего 21) написаны в 1857–1864 гг. и затрагивают ряд важнейших тем, среди которых финансирование российским правительством путешествия немецкого учёного на Синай и в Палестину; приобретение Императорской публичной библиотекой коллекции принадлежавших ему рукописей; а главное – неизвестные подробности приобретения знаменитой «Синайской Библии». Тишендорф был одержим замыслом новой экспедиции с целью поиска в монастырях Ближнего Востока древних манускриптов, позволяющих создать научно выверенную текстологическую историю Библии. Большие надежды на финансирование своего путешествия он возлагал на российское правительство. В 1858 г. учёный продал коллекцию вывезенных им с Востока манускриптов Императорской публичной библиотеке. В его планы входило приобретение новых рукописей и передача их в библиотеку. Публикуемые письма Тишендорфа, вместе с письмом министра народного просвещения Е.П. Ковалевского А.С. Норову, позволяют установить личность человека, которому наряду с выдающимся немецким исследователем Константином Тишендорфом учёный мир был обязан открытием «Синайского сокровища», и этот человек – Авраам Сергеевич Норов.

В научной литературе проблему конфликтов между деятелями Палестинского комитета и Консульством в Иерусалиме, с одной стороны, и руководителями Русской духовной миссии – с другой, наиболее глубоко изучил А.А. Дмитриевский. Документы из фондов РНБ, наряду с привлечением документов, введённых в научный оборот за последние годы, позволили уточнить причины глубоких противоре-

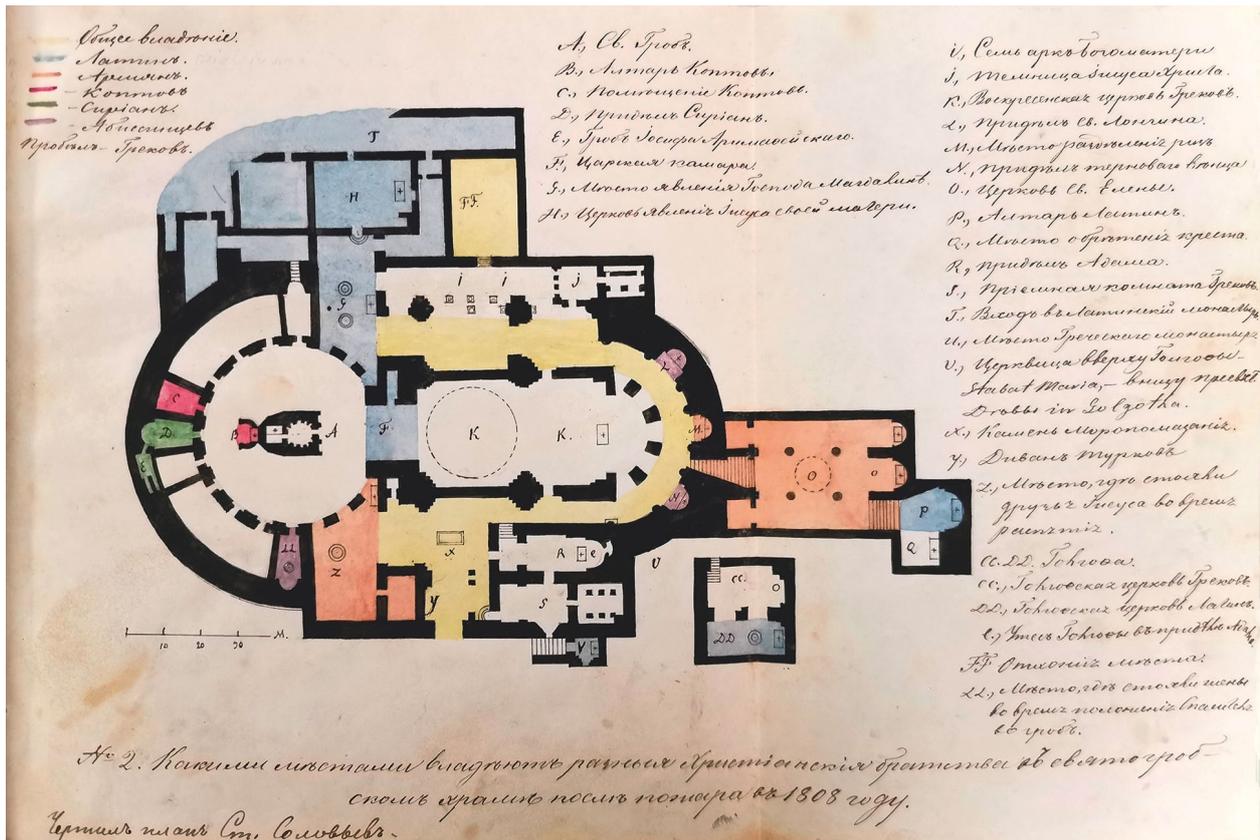
чий. В глазах деятелей «Иерусалимского проекта» Русской духовной миссии отводилась второстепенная и несамостоятельная роль. Все попытки главы миссии распространить своё влияние за пределы вопросов богослужения воспринимались враждебно, и отпор таким попыткам эффективно организовывался посредством связей с высшей бюрократией в Петербурге. Находившийся в подчинении Министерства иностранных дел иерусалимский консул существенную часть жалования получал от Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ), что также оказывало влияние на его позицию. Враждебность греческого духовенства к архимандриту Леониду (Кавелину), возглавлявшему Русскую духовную миссию в 1864–1865 гг., объясняется, в первую очередь, опасениями греков по поводу того, что глава попытается начать борьбу со злоупотреблениями греческого духовенства в отношении русских паломников. Конфликтную ситуацию удалось со временем разрешить при активном участии митрополита Московского Филарета (Дроздова), который определил позицию Св. Синода в отношении представителей МИД и Иерусалимского патриархата [4, 7].

В рамках реализации проекта впервые в научный оборот был введён первый проект «Записки» В.Н. Хитрово о положении Православия в Святой Земле [6]. Обладая незаурядными аналитическими способностями, В.Н. Хитрово изложил свои впечатления от увиденного в Палестине в виде «Записки», которая, вероятно, предназначалась для привлечения внимания членов Палестинской комиссии.

Одна из наиболее острых ситуаций, угрожавшая существованию самой миссии, сложилась в 1879 г., когда русский консул в Иерусалиме Н.А. Илларионов составил проект преобразования Духовной миссии. Согласно этому проекту миссия фактически упразднялась, а вместо неё вводилась должность настоятеля Русской церкви в Иерусалиме. Письмо графа Е.В. Путягина, которому довелось сыграть важнейшую роль

в деле сохранения Русской Духовной миссии, ярко изображает ситуацию в Иерусалиме весной 1879 г. [8]. Ценными документами, отражающими взгляды православного арабского населения Палестины на роль греческой иерархии и политику России в Святой Земле, являются письма арабского ориенталиста Георгия Муркоса [5].

Немаловажными направлениями работы по проекту стали поиск, реконструкция и описание составных частей архива Императорского Православного палестинского общества (ИППО). Как известно, архив ИППО в силу различных обстоятельств не сохранился и не передавался на хранение в государственное архивохранилище в полном виде. Его части были распылены и сохранились в архивах руководителей и членов общества. Отдельные материалы, входившие в архив ИППО в первой половине XX в., были обнаружены в личных фондах профессора Санкт-Петербургской духовной академии А.И. Бриллиантова (несколько делопроизводственных документов, а также значительная по объёму переписка, в том числе и с членами общества); церковного историка и профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковского; чиновника и члена Государственного совета Ф.П. Корнилова (в том числе устав, списки членов общества, отчёты, протоколы, доклады, воззвания и другие документы); декана историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета И.В. Помяловского (делопроизводственные документы общества, а также обширная переписка; в фонде более 2500 дел с письмами); церковного историка, профессора Санкт-Петербургской духовной академии И.Е. Троицкого (документы общества, особенно ценны материалы за ранний период деятельности общества), а также обширная деловая переписка. Кроме того, в Отделе рукописей РНБ имеется фонд востоковеда-арабиста, активного члена ИППО И.Ю. Крачковского, включающий как ценное собрание восточных рукописей, так и архив учёного. В конце 20-х – начале

Ил. 1. План Святогробского храма из перевода сочинения Ж.-И. Мишона
«Новое решение вопроса о местах святых». ОР РНБ. Ф. 777 (П.Н. Тиханов). Оп. 3. № 138. Л. 17а

30-х гг. XX в. И.Ю. Крачковский был одним из наиболее авторитетных членов общества, в течение небольшого периода он даже исполнял обязанности временного председателя. Проведённая работа по реконструкции архива ИППО среди материалов Отдела рукописей РНБ отражена в статье И.А. Полякова и М.А. Смирновой [21].

Одним из результатов работы по выявлению материалов стало обнаружение рукописи, созданной в период Крымской войны и связанной со «Святогробским делом», которое стало одним из поводов вооружённого противостояния мировых держав. Речь идёт о неизвестном рукописном экземпляре перевода сочинения католического аббата Ж.-И. Мишона «Новое решение вопроса о местах святых с двумя раскрашенными планами Святогробского храма, обозначающими владения в нём разных христиан до пожара в 1808 г. и после него». Этот экземпляр перевода был обнаружен в собрании П.Н. Тиханова в Отделе рукописей

РНБ (ил. 1). Работа по переводу сочинения связана с творческим наследием двух выдающихся русских церковных деятелей: мыслителя и богослова святителя Феофана Затворника (Говорова) и христианского учёного епископа Порфирия (Успенского), которые входили в состав первой Русской духовной миссии в Иерусалиме. Публицистическая брошюра аббата Ж.-И. Мишона «Новое решение вопроса о местах святых» вышла в Париже в 1852 г. и содержала предложения по справедливому урегулированию спора между христианскими конфессиями за обладание святыми местами Палестины. В разгар Крымской войны перевод сочинения был поручен членам РДМ в Иерусалиме [16].

При описании материалов, связанных с темой проекта, в рукописном собрании Новгородской духовной семинарии члены научного коллектива обнаружили список перевода сочинения иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары «История

и описание Святой Земли и Святого града Иерусалима», являвшегося важнейшим источником по истории Палестины XVIII в. В рамках проекта было проведено текстологическое исследование трёх известных списков перевода сочинения иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотары, в результате которого было установлено, что все списки не восходят друг к другу и имеют различные антиграфы, каждый из которых самостоятельно восходит к первоначальному русскому переводу. Кодикологический анализ списков из Отдела рукописей РНБ позволил высказать гипотезу о том, что рукопись ОР РНБ. НДС № 118 является самым ранним из сохранившихся списков, она была составлена в середине 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. [17] (ил. 2, 3).

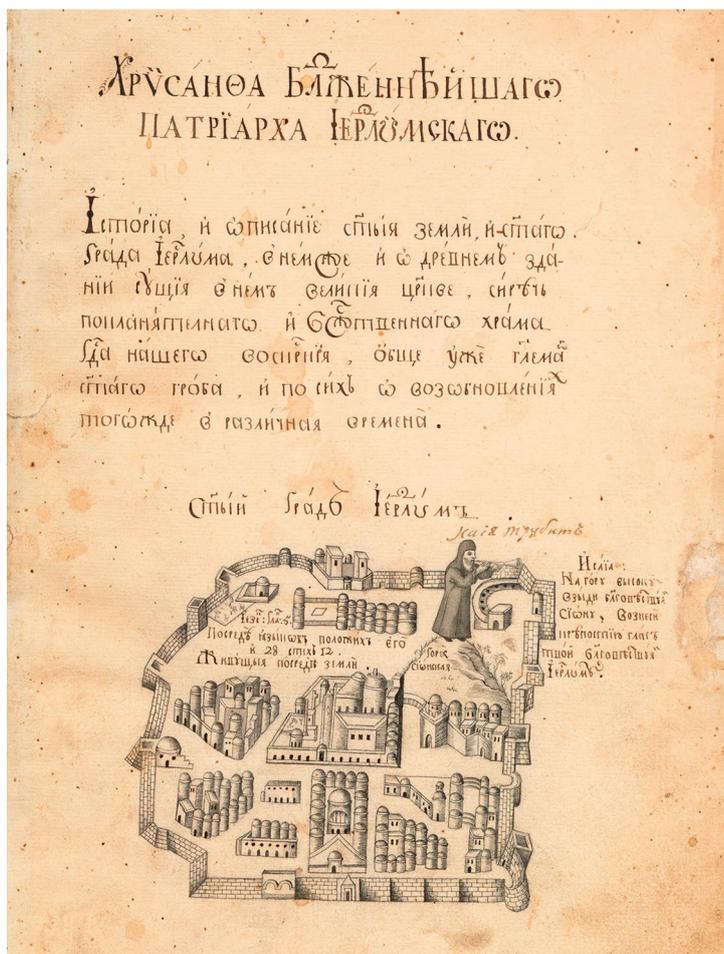
В процессе исследовательской работы особое внимание было уделено проблеме паломничества в Палестину. Описания паломнических путешествий на Святую Землю появились на Руси с XI в., начиная с «Хождения игумена Даниила» 1106–1107 гг. Традиция совершения паломнических поездок и их описания сохранилась и в Новое время. Члены научного коллектива продолжили работу по поиску памятников паломнической литературы Нового времени в фондах Отдела рукописей РНБ. В результате этой работы был выявлен целый ряд рукописных памятников XVIII – начала XX в. Среди них как известные произведения, описанные и опубликованные ещё в XIX в., так и не введенные в научный оборот. Они создавались представителями всех сословий Российской империи и заметно различались по форме и содержанию. В одном случае это могли быть путевые записки наподобие дневника, имевшие большое значение для самого автора, в другом – мемуары для ознакомления всех интересующихся читателей. Многие произведения аноним-

Ил. 2. План Иерусалима из сочинения Хрисанфа Нотары «История и описание Святой Земли и Святого Града Иерусалима». ОР РНБ. Ф. 588 (М. П. Погодин). Оп. 3. № 1546. Л. 1

ны, в некоторых случаях исследование позволило установить авторство памятников или подробно охарактеризовать социальное положение автора. Выявленные памятники паломнической литературы отражены в подготовленных научных описаниях для аннотированного указателя, результаты изучения некоторых из них нашли отражение в докладах и публикациях членов научного коллектива проекта.

Одним из важных результатов работы по проекту стало выявление ранее неизвестного памятника паломнической литературы середины XIX в. «Описания святых Палестин и святого града Иерусалима» крестьянина Пермской губернии Ивана Николаевича Бушуева. Памятник был обнаружен при исследовании фонда советского педагога и музейного работника А.П. Серебренникова на предмет поиска материалов

Ил. 3. План Иерусалима из сочинения Хрисанфа Нотары «История и описание Святой Земли и Святого Града Иерусалима». ОР РНБ. Ф. 522 (Новгородская духовная семинария). № 118. Л. 1

по истории Русской Палестины. Рукописное описание представляет собой тетрадку из 16 листов с обложкой. Текст написан каллиграфическим почерком писца, имеются незначительные правки. К сожалению, рукопись ещё до момента поступления на хранение в Отдел рукописей была серьёзно повреждена грызунами и имела целый ряд невосстановимых утрат текста. Также на листах тетради содержатся следы от залитий и загрязнений, многие слова затёрты и с трудом поддаются расшифровке. В ходе анализа памятника были рассмотрены биография автора, обстоятельства его путешествия на Святую Землю в 1859 г., этапы работы над рукописью и её дальнейшее бытование. Несмотря на то, что «Описание» не содержит подробного рас-

сказа обо всех обстоятельствах его путешествия, рукопись представляет собой ценный источник для специалистов, так как позволяет посмотреть на русское организованное паломничество на Святую Землю глазами обычного паломника-крестьянина [15].

Одним из важных результатов работы по проекту стало выявление анонимного рукописного дневника посещения Святой Земли, принадлежащего неизвестной представительнице аристократических кругов России начала XX в. Рукопись была обнаружена в собрании отдельных поступлений Отдела рукописей. Дневник представляет собой тетрадь формата «в четвёрку» объёмом в 22 листа и написан на русском языке с небольшими фрагментами на французском. Помимо впечатлений от путешествия по Палестине и Сирии, в дневнике содержатся ценнейшие сведения о покупке участка для подворья Марии Магдалины в Магдале. Однако главная проблема при исследовании этого памятника заключалась в том, что он не содержал ни датировки, ни указаний на имя его ав-

тора. Дневник принадлежал молодой женщине из высших аристократических кругов России, путешествовавшей со своим спутником Сергеем. Атрибуцию этого дневника и установление времени его ведения выполнила М.А. Смирнова [19]. Тематика женских путевых записок о посещении Святой Земли продолжилась изучением писем Ефимьи Антоновны Тимофеевой мужу, историку Александру Ильичу Тимофееву, из Иерусалима 1884–1885 гг. Эти письма коллектив Отдела рукописей обнаружил в собрании А.А. Титова [20].

Ещё одним направлением исследования стало обращение сотрудников научного коллектива к теме посещения Палестины русскими художниками. Святая Земля во второй половине XIX в. стала

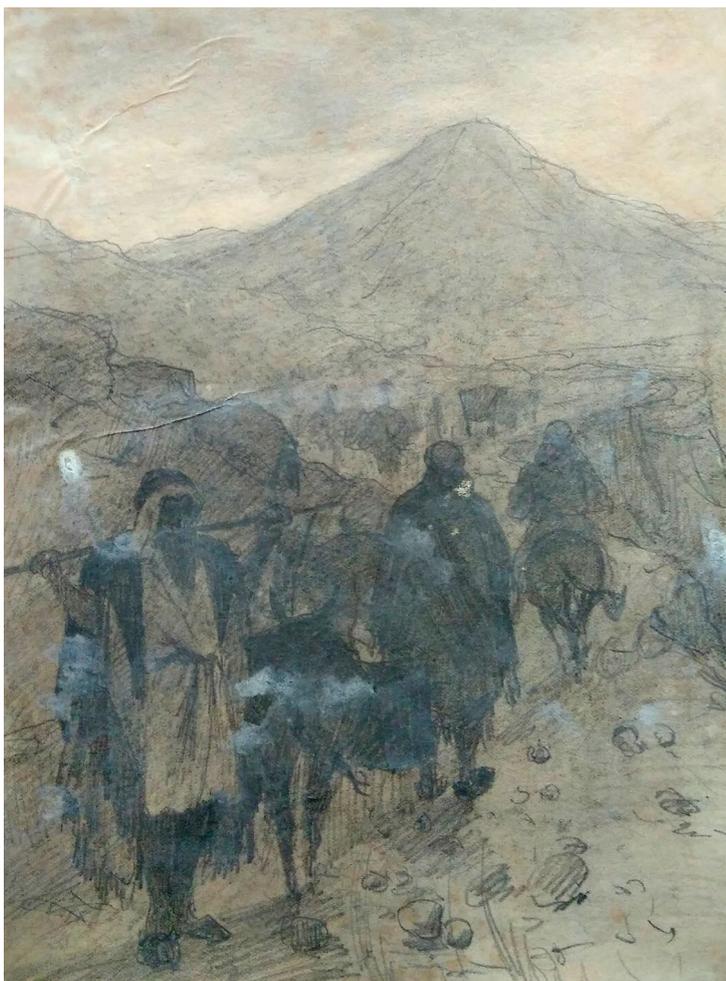

Ил. 4. Павлов В.П. Из Яффы в Иерусалим. Рисунок. 1891 г.
ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 2. № 338. Л. 2

центром притяжения для многих людей искусства. Писатели, художники и музыканты черпали вдохновение в Палестинских сюжетах и пейзажах. Евангельские и ближневосточные мотивы неизменно притягивали живописцев. В 1874 г. Палестину и Египет посетили художник Павел Алексеевич Черкасов и его друг и будущий ученик по Академии художеств Илья Фёдорович Тюменев (1855–1927). Из поездки оба живописца привезли зарисовки и этюды (ил. 4, 5). Особый интерес представляют неопубликованные и не введённые в научный оборот карандашные и акварельные рисунки Черкасова, хранящиеся в Отделе рукописей РНБ. Сюжетами десяти палестинских зарисовок Черкасова 1874 г. стали архитектурные мотивы: храм у мечети Омара, монастырь Св. Герасима; изображения фигур и лиц жителей Иерусалима, пейзажи и путевые наброски [18].

Одним из самых значимых событий в жизни художника Ильи Фёдоровича Тю-

менева была поездка на Восток и в Палестину. Сохранившаяся в Отделе рукописей РНБ автобиография Тюменева и другие материалы его архива дают возможность понять, каким образом Палестина возникла в жизни Ильи Фёдоровича, что привело его к решению поехать на Святую Землю. Анализ документов говорит о том, что здесь сказалась и семейная обстановка, и его собственные творческие устремления [9]. Фрагменты автобиографии И.Ф. Тюменева, связанные с путешествием отца на православный Восток, дополненные фрагментами дневника о. Антонина Капустина, благодаря которым появилась возможность восполнить важнейшую составляющую путешествия Ф.И. Тюменева по Палестине, опубликованы Е.А. Михайловой [11]. Описание «Восточного путешествия» И.Ф. Тюменева, совершённого им совместно с художником Павлом Алексеевичем Черкасовым летом 1874 г., также является частью его неопубликованной автобиографии и в сво-

Ил. 5. Павлов В.П. Рисунок. Палестина, 1891 г.
ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 2. № 338. Л. 4

ём полном виде до сих пор в исторической и мемуарной литературе не фигурировало. Между тем это описание, основанное по большей части на дневниках И.Ф. Тюменева, представляет несомненный интерес для исследователей самых разных областей знаний [13]. Фрагмент «Восточного путеше-

ствия» с посещением Палестины опубликован Е.А. Михайловой [10].

Интерес И.Ф. Тюменева к палестинской теме сказался и на ещё одном блоке документов, выявленном в его архивном фонде. Это письма близкого друга Тюменева, художника В.П. Павлова, которые он присылал из своего путешествия в Палестину. Поездка была осуществлена в 1891 г. и оказалась очень характерной для того исторического периода [12]. Представители высшего чиновничества империи нередко совмещали в одном путешествии стремление увидеть Святую Землю с деловыми задачами, соответствующими занимаемой должности или статусу. В числе документов, вышедших из-под пера одного из сановников, был введён в научный оборот фрагмент неопубликованного дневника директора Русского Общества Пароходства и Торговли Н.Ф. Фан-дер-Флита, описывающего посещение им Палестины осенью 1885 г. [14].

В рамках выполненного проекта впервые была предпринята попытка комплексного выявления

материалов о связях Российской империи и Палестины за представленный период по всем фондам Отдела рукописей РНБ. Прделанная работа позволила ввести в научный оборот новые источники по данной теме и по-новому оценить наши знания об этом предмете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абузина С.С., Алексеев А.И. «Именно священное слово Господа свело нас вместе и повело по одному пути». Письма Константина Тишендорфа А.С. Норову в Отделе рукописей РНБ // Православный Палестинский сборник. М., 2020. Вып. 118. С. 91–136.
2. Алексеев А.И. Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1865) // Православный Палестинский сборник. М., 2019. Вып. 116. С. 191–210.
3. Алексеев А.И., Вах К.А. Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с Авраамом Сергеевичем Норовым 1860–1865 // Православный Палестинский сборник. М., 2019. Вып. 116. С. 261–315.

4. Алексеев А.И. О конфликтах в Русской Духовной миссии в Иерусалиме при епископе Кирилле (Наумове) и архимандрите Леониде (Кавелине) // Православный Палестинский сборник. М., 2020. Вып. 118. С. 69–90.
5. Алексеев А.И. Два письма «православного антиохийца» Г.А. Муркоса А.Н. Пыпину из фондов ОР РНБ // Иерусалимский православный семинар. М., 2021. Вып. 11. С. 72–78.
6. Алексеев А.И. Первый вариант «Записки» В.Н. Хитрово о положении Православия в Святой Земле из фондов Отдела рукописей РНБ // Каптеревские чтения. М., 2021. Вып. 19. С. 247–285.
7. Алексеев А.И. Феномен недоверия в церковно-государственных отношениях Российской империи в 1860–1870-х годах. Конфликты между Консульством и Русской духовной миссией в Иерусалиме // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 111–120.
8. Алексеев А.И. Письмо графа Евфимия Путятина великому князю Константину Николаевичу от 18/30 марта 1879 г. // Православный Палестинский сборник. М., 2022. Вып. 120. С. 32–40.
9. Михайлова Е.А. Палестина Ильи Фёдоровича Тюменева (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи». М., 2019. С. 156–162.
10. Михайлова Е.А. Воспоминания И.Ф. Тюменева о путешествии в Палестину (исследование и публикация текста) // Иерусалимский православный семинар. М., 2019. Вып. 9. С. 39–59.
11. Михайлова Е.А. Путешествие купца Фёдора Ильича Тюменева на Святую Землю в 1872 году // Православный палестинский сборник. М., 2020. Вып. 118. С. 208–224.
12. Михайлова Е.А. Путешествие В.П. Павлова в Палестину в 1891 г. // Иерусалимский православный семинар. М., 2020. Вып. 10. С. 88–109.
13. Михайлова Е.А. «Восточное путешествие» И.Ф. Тюменева (1874 г.): фрагмент неопубликованной автобиографии // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции (Москва, 2020 г.) / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 282–284.
14. Михайлова Е.А. Н.Ф. Фан-дер-Флит на Святой земле (1885 г.): фрагмент неопубликованного дневника // Каптеревские чтения. М., 2021. Вып. 19. С. 81–114.
15. Поляков И.А., Смирнова М.А. Описание путешествия в Палестину пермского крестьянина И.Н. Бушуева 1859 г.: Исследование и публикация текста // Православный Палестинский сборник. М., 2019. Вып. 117. С. 144–172.
16. Поляков И.А., Смирнова М.А. Сочинение аббата Мишона «Новое решение вопроса о местах святых» 1852 г. и его перевод на русский язык членами первой Русской духовной миссии в Иерусалиме // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 208–227.
17. Поляков И.А. О новом списке русского перевода «Истории и описания Святой Земли и Святого Града Иерусалима» иерусалимского патриарха Хрисанфа Нотара // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2022. Т. 69. С. 538–551.
18. Смирнова М.А. Палестинские зарисовки П.А. Черкасова 1874 и 1889 гг. // Иерусалимский православный семинар. М., 2019. Вып. 9. С. 27–38.
19. Смирнова М.А. Неизвестная «княгиня» на Востоке: дневник путешествия в Палестину начала XX века // История отечественной культуры в архивных документах: сборник статей. СПб., 2021. Вып. 2. С. 106–126.
20. Смирнова М.А. Русская Палестина в письмах Ефимьи Антоновны Тимофеевой из Иерусалима (1884–1885 гг.) // История отечественной культуры в архивных документах: Сборник статей. СПб., 2022. Вып. 3. С. 97–105.
21. Poliakov I., Smirnova M. Community archives in the Manuscript Department of the National Library of Russia // Global Knowledge, Memory and Communication. 2019. Vol. 68. № 8/9. Pp. 674–688.

Russia and Palestine in the Last Century of the Russian Empire (Based on the Materials of the Manuscripts Department of the National Library of Russia)

Aleksey Ivanovich Alekseev – Leading Researcher at Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Manuscripts Department of the National Library of Russia, Head of the project “Russia and Palestine: Church-Political, Scientific, Pilgrimage Vectors of Magnetism in the Last Century of the Russian Empire (Based on the Materials of the Manuscripts Department of the National Library of Russia)” (19–09–41009).

E-mail: a.alexeev@nlr.ru

The article outlines the main results of the project on the introduction of documents from the holdings of the Manuscripts Department of the National Library of Russia, relating to the history of the Russian presence in Palestine from the early 18th to the early 20th century into scholarly discourse. The greatest interest of researchers of Russian Palestine is a set of documents relating to the organization of the Russian presence in the Holy Land. First of all, these are letters from the heads of the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission to A.S. Norov. These letters testify to the acute crisis in which the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Jerusalem found itself. A.S. Norov's correspondence with the prominent biblical scholar Konstantin Tischendorf in 1857–1864 touches upon a number of important topics, including the financing of the German scholar's journey to Sinai and Palestine by the Russian government; the acquisition by the Imperial Public Library of a collection of manuscripts belonging to him, and, most importantly, the unknown details of the acquisition of the famous “Sinai Bible”. One of the results of the work on the identification of materials was the discovery of a manuscript created during the Crimean War and related to the “Holyland Case”, which became one of the occasions of armed confrontation between the world powers. The matter concerns an unknown manuscript copy of a translation of a work by the Catholic abbot J.I. Michon. While describing the materials related to the project theme, the members of the research team found a list of translation of the work of the Jerusalem patriarch Chrysanthus Notara “History and Description of the Holy Land and the Holy City of Jerusalem”, which is the most important source on the history of Palestine of the 18th century. In total, as a result of work on the project, the research team prepared 20 publications, in which many valuable sources on the history of the Russian presence in the Holy Land were introduced into the scholarly discourse.

Keywords: Russia and Palestine, Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Jerusalem, pilgrimage, letters, memoirs and diaries

REFERENCES

1. Abuzina S.C., Alekseev A.I. «Imenno svyashchennoe slovo Gospoda svelo nas vmeste i povelu po odnomu puti». Pis'ma Konstantina Tishendorfa A.S. Norovu v Otdel rukopisei RNB // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. M., 2020. Vyp. 118. S. 91–136 (in Russian).
2. Alekseev A.I. Russkaya Palestina v dokumentakh arkhiva A.S. Norova (1795–1865) // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. M., 2019. Vyp. 116. S. 191–210 (in Russian).
3. Alekseev A.I., Vakh K.A. Perepiska arhimandrita Leonida (Kavelina) s Avraamom Sergeevichem Norovym 1860–1865 // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. M., 2019. Vyp. 116. S. 261–315 (in Russian).

4. Alekseev A.I. O konfliktakh v Russkoi Dukhovnoi missii v Ierusalime pri episkope Kirille (Nau-move) i arkhimandrite Leonide (Kaveline) // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. M., 2020. Vyp. 118. S. 69–90 (in Russian).
5. Alekseev A.I. Dva pis'ma «pravoslavnogo antiokhiitsa» G.A. Murkosa A.N. Pypinu iz fondov OR RNB // Ierusalimskii pravoslavnyi seminar. M., 2021. Vyp. 11. S. 72–78 (in Russian).
6. Alekseev A.I. Pervyi variant «Zapiski» V.N. Khitrovo o polozenii Pravoslaviya v Svyatoi Zemle iz fondov Otdela rukopisei RNB // Kapterevskie chteniya. M., 2021. Vyp. 19. S. 247–285 (in Russian).
7. Alekseev A.I. Fenomen nedoveriya v tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniyakh Rossiiskoi imperii v 1860–1870-kh godakh. Konflikty mezhdru Konsul'stvom i Russkoi dukhovnoi missiei v Ierusalime // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2022. № 4. S. 111–120 (in Russian).
8. Alekseev A.I. Pis'mo grafa Evfimiya Putyatina velikomu knyazyu Konstantinu Nikolaevichu ot 18/30 marta 1879 g. // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. M., 2022. Vyp. 120. S. 32–40 (in Russian).
9. Mikhailova E.A. Palestina Il'i Fyodorovicha Tyumeneva (po materialam Otdela rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki) // Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «200 let diplomaticheskoi podderzhki russkogo prisutstviya na Blizhnem Vostoke: istoriya sozdaniya i deyatelnosti Aziatskogo departamenta MID Rossiiskoi Imperii». M., 2019. S. 156–162 (in Russian).
10. Mikhailova E.A. Vospominaniya I.F. Tyumeneva o puteshestvii v Palestinu (issledovanie i publikatsiya teksta) // Ierusalimskii pravoslavnyi seminar. M., 2019. Vyp. 9. S. 39–59 (in Russian).
11. Mikhailova E.A. Puteshestvie kuptsa Fyodora Il'icha Tyumeneva na Svyatuyu Zemlyu v 1872 godu // Pravoslavnyi palestinskii sbornik. M., 2020. Vyp. 118. S. 208–224. (in Russian).
12. Mikhailova E.A. Puteshestviye V.P. Pavlova v Palestinu v 1891 g. // Iyerusalimskii pravoslavnyi seminar. M., 2020. Vyp. 10. S. 88–109 (In Russian).
13. Mikhailova E.A. «Vostochnoe puteshestvie» I.F. Tyumeneva (1874 g.): fragment neopublikovannoi avtobiografii // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 2020 g.) / Otv. red. I.G. Konovalova, E.V. Pchelov. M.: IVI RAN, 2020. S. 282–284 (in Russian).
14. Mikhailova E.A. N.F. Fan-der-Flit na Svyatoi zemle (1885 g.): fragment neopublikovannogo dnevnika // Kapterevskie chteniya. M., 2021. Vyp. 19. S. 81–114 (in Russian).
15. Polyakov I.A., Smirnova M.A. Opisanie puteshestviya v Palestinu permskogo krest'yanina I.N. Bushueva 1859 g.: Issledovanie i publikatsiya teksta // Pravoslavnyi Palestinskii sbornik. M., 2019. Vyp. 117. S. 144–172 (in Russian).
16. Polyakov I.A., Smirnova M.A. Sochinenie abbata Mishona «Novoe reshenie voprosa o mestakh svyatykh» 1852 g. i ego perevod na russkii yazyk chlenami pervoi Russkoi dukhovnoi missii v Ierusalime // Dva veka russkoi klassiki. 2020. T. 2. № 4. S. 208–227 (in Russian).
17. Polyakov I.A. O novom spiske russkogo perevoda «Istorii i opisaniya Svyatoi Zemli i Svyatogo Grada Ierusalima» ierusalimskogo patriarkha Khrisanfa Notara // Trudy otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2022. T. 69. S. 538–551 (in Russian).
18. Smirnova M.A. Palestinskie zarisovki P.A. Cherkasova 1874 i 1889 gg. // Ierusalimskii pravoslavnyi seminar. M., 2019. Vyp. 9. S. 27–38 (in Russian).
19. Smirnova M.A. Neizvestnaya «knyaginya» na Vostoke: dnevnik puteshestviya v Palestinu nachala XX veka // Istoriya otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh: sbornik statei. SPb., 2021. Vyp. 2. S. 106–126 (in Russian).
20. Smirnova M.A. Russkaya Palestina v pis'makh Efim'i Antonovny Timofeevoi iz Ierusalima (1884–1885 gg.) // Istoriya otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh: Sbornik statei. SPb., 2022. Vyp. 3. S. 97–105 (in Russian).
21. Poliakov I., Smirnova M. Community archives in the Manuscript Department of the National Library of Russia // Global Knowledge, Memory and Communication. 2019. Vol. 68. № 8/9. Pp. 674–688.

Индекс УДК 94
 Код ГРНТИ 03.23.31, 03.09.31
 DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-62-71

**О.Е. ПЕТРУНИНА,
 Л.А. ГЕРД***

Россия и Антиохийская церковь: опыт взаимодействия в XVIII–XX веках

Статья посвящена исследованию новых документов о связях России с православной Антиохийской патриархией с эпохи Петра I до начала Первой мировой войны. В ходе исследования были проведены изыскания в российских архивах, во время которых обнаружено значительное количество новых документов, позволяющих проследить историю российской политики в отношении Антиохийской церкви на протяжении более чем двух столетий. Грамоты и письма Антиохийских патриархов, донесения российских консулов, дипломатическая и межведомственная переписка раскрывают ранее неизвестные страницы истории двусторонних отношений.

Ключевые слова: внешняя политика России, Антиохийская патриархия, христианство на Ближнем Востоке, «мягкая сила», арабы-христиане

Древняя Антиохийская церковь, из которой в своё время вышли такие авторитеты, как Иоанн Златоуст и Иоанн Дамаскин, продолжала сохранять значение для России и в Новое время. Интерес был взаимным: российские власти опирались на авторитет ближневосточного Православия в деле развития, а затем реформирования церковной жизни; находящиеся под властью Османов восточные церкви, в свою очередь, остро нуждались в материальной помощи. Контакты между Россией и Ан-

тиохийской церковью в XVI–XVII вв. были спорадическими: они сводились к поездкам патриархов за милостыней и для участия в важных церковных событиях. Так, в 1586 г. в Москву за милостыней прибыл патриарх Иоаким V (1581–1592), с которым правительство Фёдора Иоанновича вело переговоры об учреждении патриаршества в России. В 1654–1656 гг. и в 1666–1668 гг. в Москве побывал патриарх Макарий III (1647–1672), сыгравший огромную роль в церковных реформах и осуждении пат-

* **Петрунина Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель проекта «Россия и Антиохийский патриархат в XVIII – начале XX в.» (19-09-41004).

E-mail: petrunina@narod.ru

Герд Лора Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: loragerd@gmail.com

риарха Никона. Он также увёз из России богатые дары.

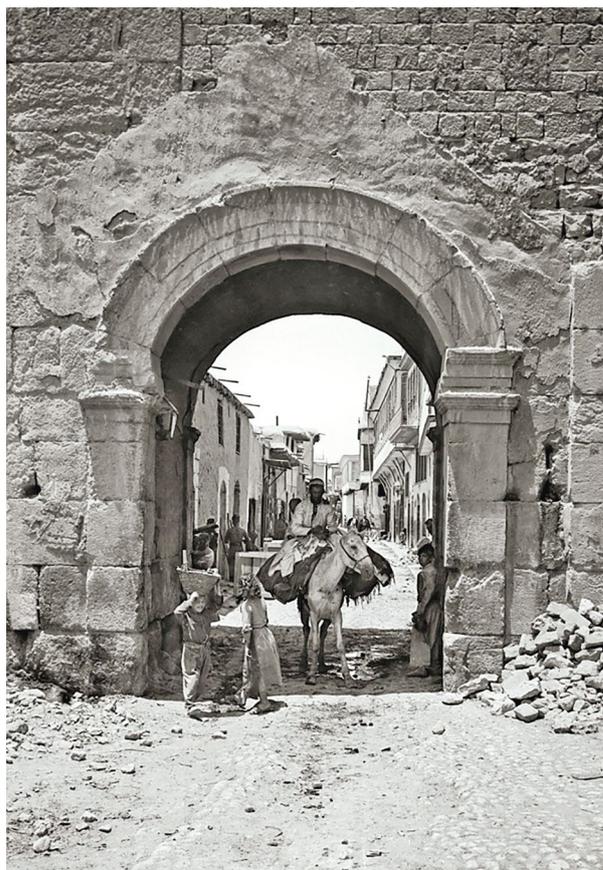
С начала XVIII в. двусторонние отношения стали более интенсивными: бедственное финансовое положение Антиохийской церкви и нарастающая угроза католической унии вынуждали патриархов всё чаще обращаться за помощью к России. Взамен патриархи Афанасий III (1720–1724) и Сильвестр (1724–1766) одобрили церковные реформы Петра I.

Более регулярные контакты между Россией и Антиохийской церковью в XIX – начале XX в. нашли отражение в большом числе документов, отложившихся в российских архивах. Многие документы были изучены и некоторые опубликованы в исследованиях Н.Н. Лисового, И.Ю. Смирновой, А.В. Сарабьева, М.И. Якушева [1–4], а также, к примеру, в статьях Н.П. Чесноковой, Ю.А. Пятницкого, Е.М. Копотя [5–8].

Однако число сохранившихся архивных материалов настолько велико, что значительная их часть ещё оставалась не изученной. В связи с этим проект «Россия и Антиохийский патриархат в XVIII – начале XX в.» ставил своей целью выявление, систематизацию и подготовку к публикации тех блоков документов, которые пока оставались недостаточно изученными или вообще не попадали в поле зрения исследователей.

Методология и методы исследования

Прежде всего необходимо было найти, идентифицировать и систематизировать нужные документы в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Поскольку подавляющая часть документов представляет собой рукописи, зачастую на иностранных языках, важный этап работы составили их расшифровка и компьютерный набор. Документы на иностранных языках переводились на русский язык. Работая над переводами, мы руководствовались современными подходами к передаче исторического контекста и специальных терминов. Весь комплекс документов проанализи-

Ил. 1. Баб эль-Шарки (Восточные ворота) Дамаска, около которых традиционно жили христиане. Фото нач. XX в.

рован с применением методов палеографии, а также исследован с использованием историко-типологического, историко-генетического методов и системного подхода. Итогом работы стал сборник документов и основанных на них исследований, опубликованный в 2023 г. [9].

В научный оборот были введены целые комплексы документов, посвящённых ранее не изученным либо недостаточно изученным в историографии вопросам: политике России в отношении Антиохийской церкви в XVIII в., попыткам обращения униатов и представителей других конфессий в православие в XIX – начале XX в., проблемам, с которыми столкнулась Антиохийская церковь после арабизации (ил. 1, 2). Исследование этой проблематики позволило составить более полную картину политики России на Православном Востоке и дать оценку её результатам.

Ил. 2. Введенский монастырь на севере Ливана. Открытка нач. XX в.

Петровские реформы и учреждение Палестинских штатов

При Петре I Антиохийская церковь продолжала получать богатые пожертвования из России, тем более что царь был заинтересован в легитимации своих церковных реформ. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в РГИА грамоты Антиохийских патриархов того времени. Анализ комплекса документов XVIII в. послепетровского времени показал, что контакты русского правительства с Православным Востоком в этот период по большей части оставались эпизодическими и сводились исключительно к удовлетворению просьб о материальной помощи или отказе в этом. Несмотря на то, что по традиции в Москве продолжительное время жили представители Антиохийского патриарха, которые осуществляли переговоры, русское правительство всячески старалось сократить и выплаты, и поводы для них. Можно предположить, что настойчивые просьбы о помощи и возобновлении утраченных жалованных грамот XVII в. послужили

одним из стимулов к изданию в 1735 г. Палестинских штатов — упорядоченной системы выплаты пожертвований восточным монастырям и церквям.

В целом же русское правительство на протяжении XVIII в. проявляло мало интереса к делам Антиохийской Православной Церкви в Сирии, что давало широкие возможности для укрепления позиций католицизма и стоящих за ним Франции и папского престола [10].

XIX век: новые вызовы

В XIX в. Россия продолжала традиционную поддержку православия, но в новых условиях соперничества с другими великими державами на Ближнем Востоке ей пришлось кардинально изменить прежние политические установки. Поездка архимандрита Порфирия Успенского в 1843 г. и основание Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1847 г. имели целью укрепить позиции России в регионе и поддерживать местное православное население, подвергавшееся давлению со стороны

западных миссионеров. Два ключевых фактора обеспечивали успех политики католических и протестантских держав: во-первых, прямые денежные и другие материальные пожертвования, а также межцерковные контакты; во-вторых, мощная и систематическая дипломатическая поддержка. В отношении первого фактора методы России и западных держав сильно различались в силу исторических обстоятельств и конфессиональных особенностей. Католики и протестанты основывали свои миссии как особые и независимые от местных властей учреждения (благотворительные, образовательные, медицинские); затем с помощью этих учреждений местные христиане привлекались в унию с Римом и протестантские общины [11–14]. Новые общины, в свою очередь, становились фундаментом развития политического и экономического влияния западных государств в Османской империи. Россия, напротив, действовала как партнёр местных христиан по единому православному миру и руководствовалась нормами канонического права. Поэтому

Русская православная церковь не вмешивалась во внутренние дела автокефальных церквей Ближнего Востока.

С середины столетия стали всё более обостряться межэтнические противоречия среди османских христиан, в частности между арабами и греками. В этой ситуации русские дипломаты стремились поддержать более слабую сторону, арабов, с тем чтобы не допустить превращения православия в инструмент решения политических проблем. Российское посольство в Константинополе и консулы в Сирии оказывали дипломатическую поддержку избравшимся на вакантные епископские кафедры иерархам-арабам. Важную роль в поддержании российского влияния в регионе стало играть созданное в 1882 г. Императорское Православное Палестинское Общество. При этом российская дипломатия старалась действовать предельно осторожно, чтобы не провоцировать новые конфликты и не разжигать старые. Важнейшим инструментом поддержки по-прежнему оставалась материальная помощь (ил. 3). Благосклонное отноше-

Ил. 3. Церковь Св. Георгия (VI в.) в г. Изра на юге Сирии. После землетрясения 1893 г. купол восстановлен на средства русского правительства

Ил. 4. Патриарх Мелетий II (Думани)

ние России имело большое значение для культурного развития православных арабов и формирования их национального самосознания.

Россия и негреческие христианские народы Востока

В ходе работы с документами XIX в. были найдены интересные материалы, показывающие сложность и противоречивость этноконфессиональных отношений на Ближнем Востоке, требовавшие особой чуткости со стороны работавших там российских дипломатов. Одним из вопросов, которыми занималась российская дипломатия в конце 1850-х – начале 1860-х гг., была попытка воссоединения с православием части сирийских униатов (мелькитов). Несмотря на почти десятилетние усилия в этом направлении, результат оказался совершенно незначительным: для местных христиан присоединение к православию означало включение в состав одной из греческих церквей, что было для

униатов совершенно неприемлемо. Они успешно пользовались преимуществами покровительства со стороны католических и протестантских держав и были настроены против греков, справедливо видя в них конкурентов и противников развития арабской культуры. Лишь в конце XIX в. осуществился переход некоторых армянских и сиро-яковитских общин в православие. Толчком к нему стала резня христиан в Османской империи 1895–1896 гг. (Хамидийская резня), от которой сильно пострадали эти общины. В 1898 г. к Русской церкви присоединились несколько тысяч персидских несториан [15].

В 1899 г. на Антиохийский патриарший престол при поддержке русской дипломатии был после долгого перерыва избран патриарх-араб Мелетий Думани (1899–1906) (ил. 4, 5). Эти события вызвали большой отклик среди негреческих христианских народов Османской империи: на них произвели впечатление возможности и достижения России.

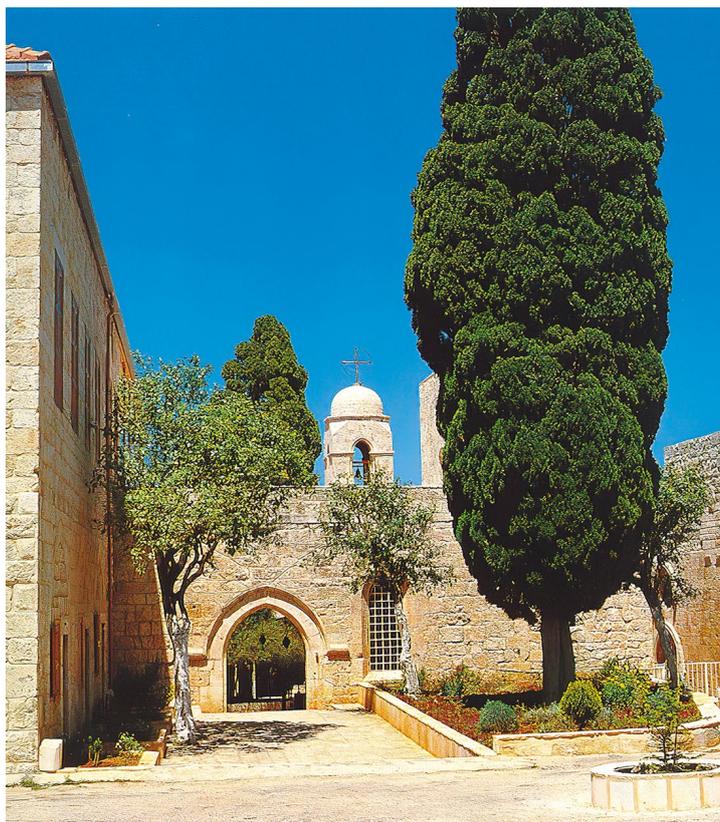
Арабизация Антиохийской церкви

Документы начала XX в. показывают, что в это время в Османской империи происходили этносоциальные и миграционные процессы, которые негативно сказались на условиях жизни православного населения. Низкий уровень жизни большинства православных арабов подталкивал их к массовой эмиграции. Эмиграция значительной части трудоспособного мужского населения приводила к упадку церковных учреждений и школ. В то же время усиливалась пропаганда, которую вели представители западных конфессий. Новой реальностью стал поток беженцев-мухаджиров с Балкан и Кавказа, расселявшихся по разным областям империи и способствовавших дестабилизации устоявшихся межобщинных отношений [16].

Документы также свидетельствуют о том, что в это время контакты между Россией и Антиохийской церковью, а так-

же другими христианскими общинами на Востоке стали наиболее интенсивными. Увеличившийся объём документов даёт больше сведений и о внутренней жизни Антиохийской церкви, её проблемах и попытках их решения, взаимоотношениях с другими православными церквями. Одной из таких проблем стал Антиохийский вопрос – многолетний конфликт Антиохийской церкви с греческими патриархиями, не желавшими признавать избрание на Антиохийский патриарший престол патриархов-арабов. Первому арабскому патриарху Мелетию Думани так не удалось получить это признание. Патриаршие выборы 1906 г., в ходе которых предстоятелем Церкви был избран ещё один арабский иерарх Григорий Хаддад (1906–1928) (ил. 6), стали важным шагом на пути утверждения самостоятельности Антиохийской церкви. Они продемонстрировали растущую солидарность арабских иерархов на национальной почве: несмотря на борьбу личных интересов и амбиций, об обращении за помощью в Фанар или участии в выборах греческих иерархов не было и речи.

В то же время выборы обострили проблемы внутреннего и внешнего характера, с которыми столкнулась Церковь, делавшая первые самостоятельные шаги: для многих иерархов и влиятельных мирян личные интересы превалировали над общими; митрополиты и их епархии были бедны, а потому легко соглашались продать свой голос; слабостью Антиохийской церкви стремились воспользоваться в своих целях иностранные государства. Несмотря на поражение пророссийского кандидата, российская дипломатия оценивала результаты выборов в целом положительно, поскольку главная задача – отстоять независимость Антиохийской церкви – была выполнена.

Ил. 5. Баламандский ставропигиальный Успенский монастырь (Ливан). В 1900 г. патриарх Мелетий открыл в нём первое духовное училище

Киликийский вопрос и русская дипломатия

Одним из аспектов Антиохийского вопроса стал Киликийский вопрос – борьба между греческим и арабским населением Киликийской епархии за «своего» митрополита на кафедре. Особенность его заключалась в том, что в данном случае пострадавшей стороной были киликийские греки, добивавшиеся от перешедшей в руки арабов Антиохийской церкви тех же прав, за которые боролись арабы в Иерусалимской и Антиохийской церквях, а болгары – в Константинопольской. Бескомпромиссность арабского и греческого национализмов, вмешательство в их борьбу внешних сил завели конфликт в тупик, а катаклизмы Первой мировой войны сняли его с повестки дня [17].

Вплоть до настоящего времени из греческой среды звучат обвинения в адрес российских консулов в регионе, а также

Ил. 6. Патриарх Григорий IV (Хаддад)

Императорского Православного Палестинского Общества в разжигании арабского национализма и наступлении на права греков. Однако изучение российских дипломатических документов показывает, что российские консулы выступали скорее посредниками в конфликте, уважали права греческого населения Киликии и стремились к поиску компромисса.

Патриарший кризис 1913 года

До Первой мировой войны ситуация внутри ставшей недавно самостоятельной Антиохийской церкви оставалась недостаточно стабильной. Между епархиями наблюдалось значительное неравенство в доходах, никакого механизма их нивелировки не было. Митрополитам приходилось самим заботиться о материальном положении своих епархий. Архиереи-арабы ещё не имели достаточного административного опыта, были плохо знакомы с положением в других православных церквях, не имели чётких представлений

о том, как улучшить бедственное материальное положение церковных учреждений, паствы, монастырей. Эти обстоятельства создавали благоприятные условия для развития внутренних кризисов, таких как кризис 1913 г., последовавший за поездкой патриарха Григория IV в Россию на торжества по случаю 300-летия Дома Романовых. В ходе противостояния патриарха и большинства членов Синода, спровоцированного обсуждением вопроса о монастырской реформе, создавалась реальная угроза низложения патриарха, подрыва авторитета арабских архиереев в православном мире и возвращения Антиохийской церкви под управление греческого духовенства.

Одной из причин кризиса послужил непростой характер самого патриарха Григория IV, проявившийся и во время его поездки в Россию. Помимо недостаточности опыта и административных способностей, патриарху не хватало дипломатичности, умения прислушиваться к мнению других. Его завышенные ожидания и неверное поведение во время поездки в Россию ухудшили и без того непростые отношения с митрополитами своей церкви и стали катализатором кризиса. Важнейшую роль в разрешении конфликта сыграл российский консул в Дамаске Б.Н. Шаховской, оценивший всю опасность разразившегося кризиса и сумевший в сжатые сроки найти путь к компромиссу [18].

Выводы

Изучение политики России в отношении Антиохийской церкви на протяжении двух с лишним столетий, в течение которых происходили существенные изменения в Османской империи, на международной арене, в самой России, даёт возможность увидеть её в динамике и дать ей общие оценки. В XVIII столетии взаимоотношения России с Антиохийской патриархией строились преимущественно традиционным образом: они не были систематическими, проистекали из мате-

риальных нужд сирийских православных и способствовали складыванию системы регулярной материальной помощи России восточным православным церквам. В следующем столетии эти взаимоотношения становятся более интенсивными и разноплановыми. Они включают также контакты с сирийскими униатами и сиро-яковитами, поддержку арабской иерархии в противовес греческой, расширение и совершенствование механизмов оказания материальной помощи православию в Сирии.

Решению последней задачи во многом способствовала деятельность Императорского православного палестинского общества во второй половине XIX – начале XX в. В начале XX в. освободившаяся от грече-

ской ксенократии Антиохийская церковь остро нуждалась не только в материальной, но и в политической поддержке, тем более что патриархи-арабы долго не получали признания со стороны греческих церквей. Политическую поддержку Антиохийской патриархии всемерно оказывали посольство в Константинополе, а также российские консульства в Сирии и Ливане, имевшие тесные контакты с местными элитами. В целом политика России в этом регионе была наиболее успешной во второй половине XIX – начале XX в. по сравнению как с другими периодами российской политики в отношении Антиохийской церкви, так и с политикой в отношении других церквей в то же время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия в Святой Земле: Документы и материалы: В 3 т. / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Индрик, 2015–2019.
2. Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: Нестор-История, 2015.
3. Сарабьев А.В. Дома, за рубежом: миграции христиан Сирии и Ливана: (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: ИВ РАН, 2012.
4. Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи: 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013.
5. Чеснокова Н.П. Жалованные грамоты греческим иерархам в контексте конфессионально-политических связей России и Православного Востока в XVIII в. // Каптеревские чтения. Вып. 17. 2019. С. 190–211.
6. Пятницкий Ю.А. Антиохийский патриарх Григорий IV и Россия: 1909–1914 годы // Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия М.Б. Пиотровского / Отв. ред. А.В. Седов. М.: Государственный музей Востока, 2014. С. 282–337.
7. Копоть Е.М. «Триполийская церковная распря» в контексте русского влияния в Антиохийском патриархате в конце XIX в. (по материалам АВПРИ) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 4. С. 83–94.
8. Копоть Е.М. Антиохийская православная церковь и русское присутствие в Сирии при патриархе Герасиме (1885–1891 гг.) // Вестник МГПУ. Сер. «Исторические науки». 2015. № 1 (17). С. 68–79.
9. Петрунина О.Е., Герд Л.А. Антиохийский патриархат и Россия в XVIII – начале XX в.: исследования и документы. М.: Индрик, 2023.
10. Герд Л.А. Россия и Антиохийский патриархат XVIII в. в документах Святейшего Синода // Православный палестинский сборник. Вып. 118. М.: Индрик, 2020. С. 172–183.
11. Verdeil C. La mission jésuite du Mont-Liban et de Syrie (1830–1864). Paris, Les Indes Savants, 2011.
12. Vocquet J. Missionnaires français en terre d'islam. Damas 1860–1914. Paris, Les Indes Savants, 2005.
13. Смирнова И.Ю. Англо-американское миссионерское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в середине XIX века: англикано-православный аспект // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М., 2015. С. 65–94.
14. Κισκίρα Κ. Προτεστάντες ιεραπόστολοι στην καθ' ἑμᾶς Ανατολή, 1819–1914: η δράση της American Board // Δελτίο Κέντρου Μικρασιατικών Σπουδών. 12. 1997. Σ. 97–118.

15. Герд Л.А. Сиро-яковиты и их попытки соединения с Русской православной церковью в XIX – начале XX в. // Каптеревские чтения. Вып. 18. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 391–402.
16. Петрунина О.Е. Этносоциальные и миграционные процессы в Османской империи в начале XX века // Геноцид греков Понта: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2021. С. 167–175.
17. Петрунина О.Е. Киликийский вопрос в жизни Антиохийской церкви в конце XIX – начале XX в. // Каптеревские чтения. Вып. 18. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 403–419.
18. Петрунина О.Е. Кризис в Антиохийской патриархии в 1913 г. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2021. № 4. С. 88–103.

Russia and the Antiochian Church: the Experience of Interaction in the XVIII–XX Centuries

Olga Evgenievna Petrunina – Doctor of Historical Sciences (PhD), Professor of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher at the Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences, leader of the project “Russia and the Patriarchate of Antioch in the 18th – early 20th centuries” (19–09–41004).

E-mail: petrunina@narod.ru

Lora Aleksandrovna Gerd – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, executor of the same project.

E-mail: loragerd@gmail.com

The article examines new documents on Russia's relations with the Orthodox Patriarchate of Antioch from the era of Peter the Great to the beginning of the First World War. In the course of the research the Russian archives were searched, during which a significant number of new documents were discovered that allow tracing the history of Russian policy towards the Antiochian Church for more than two centuries. Manuscript and letters of the Patriarchs of Antioch, reports of Russian consuls, diplomatic and interdepartmental correspondence reveal previously unknown pages of the history of bilateral relations.

Keywords: Russian foreign policy, Patriarchate of Antioch, Christianity in the Middle East, “soft power”, Christian Arabs

REFERENCES

1. Rossiya v Svyatoi Zemle: Dokumenty i materialy: V 3 t. / Izd. podg. N.N. Lisovoi. M.: Indrik, 2015–2019 (in Russian).
2. Lisovoi N.N., Smirnova I.Yu. Rossiya i Svyataya Zemlya v pervoi polovine XIX veka: tserkovnaya politika na Pravoslavnom Vostoke. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015 (in Russian).
3. Sarab'ev A.V. Doma, za rubezhom: migratsii khristian Sirii i Livana: (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.). M.: IV RAN, 2012 (in Russian).
4. Yakushev M.I. Antiokhiiskii i Ierusalimskii patriarkhaty v politike Rossiiskoi imperii: 1830-e – nachalo XX veka. M.: Indrik, 2013 (in Russian).
5. Chesnokova N.P. Zhalovannye gramoty grecheskim ierarkham v kontekste konfessional'no-politicheskikh svyazei Rossii i Pravoslavnogo Vostoka v XVIII v. // Kapterevskie chteniya. Vyp. 17. 2019. S. 190–211 (in Russian).

6. Pyatnitskii Yu.A. Antiokhiiskii patriarkh Grigorii IV i Rossiya: 1909–1914 gody // Issledovaniya po Aravii i islamu: Sbornik statei v chest' 70-letiya M.B. Piotrovskogo / Otv. red. A.V. Sedov. M.: Gosudarstvennyi muzei Vostoka, 2014. S. 282–337 (in Russian).
7. Kopot' E.M. «Tripoliiskaya tserkovnaya rasprya» v kontekste russkogo vliyaniya v Antiokhiiskom patriarkhate v kontse XIX v. (po materialam AVPRI) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2012. № 4. S. 83–94 (in Russian).
8. Kopot' E.M. Antiokhiiskaya pravoslavnaya tserkov' i russkoe prisutstvie v Sirii pri patriarkhe Gerasime (1885–1891 gg.) // Vestnik MGPU. Ser. «Istoricheskie nauki». 2015. № 1 (17). S. 68–79 (in Russian).
9. Petrunina O.E., Gerd L.A. Antiokhiiskii patriarkhat i Rossiya v XVIII – nachale XX v.: issledovaniya i dokumenty. M.: Indrik, 2023 (in Russian).
10. Gerd L.A. Rossiya i Antiokhiiskii patriarkhat XVIII v. v dokumentakh Svyateishego Sinoda // Pravoslavnyi palestinskii sbornik. Vyp. 118. M.: Indrik, 2020. S. 172–183 (in Russian).
11. Verdeil C. La mission jésuite du Mont-Liban et de Syrie (1830–1864). Paris, Les Indes Savants, 2011.
12. Bocquet J. Missionnaires français en terre d'islam. Damas 1860–1914. Paris, Les Indes Savants, 2005.
13. Smirnova I.Yu. Anglo-amerikanskoe missionerskoe prisutstvie v Svyatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v seredine XIX veka: anglikano-pravoslavnyi aspekt // Ierusalimskii pravoslavnyi seminar. Vyp. 6. M., 2015. S. 65–94 (in Russian).
14. Κισκίρα Κ. Προτεστάντες ιεραπόστολοι στην καθ' ἡμᾶς Ανατολή, 1819–1914: η δράση της American Board // Δελτίο Κέντρου Μικρασιατικών Σπουδών. 12. 1997. Σ. 97–118.
15. Gerd L.A. Siro-yakovity i ikh popytki soedineniya s Russkoi pravoslavnoi tserkov'yu v XIX – nachale XX v. // Kapterevskie chteniya. Vyp. 18. M.: IVI RAN, 2020. S. 391–402 (in Russian).
16. Petrunina O.E. Etnosotsial'nye i migratsionnye protsessy v Osmanskoi imperii v nachale XX veka // Genotsid grekov Ponta: Sbornik statei. SPb.: Aleteiya, 2021. S. 167–175 (in Russian).
17. Petrunina O.E. Kilikiiskii vopros v zhizni Antiokhiiskoi tserkvi v kontse XIX – nachale XX v. // Kapterevskie chteniya. Vyp. 18. M.: IVI RAN, 2020. S. 403–419 (in Russian).
18. Petrunina O.E. Krizis v Antiokhiiskoi patriarkhii v 1913 g. (po materialam Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2021. № 4. S. 88–103 (in Russian).

Индекс УДК 94 (47)
Код ГРНТИ 03.23.31; 03.23.55
DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-72-85

Р.Б. БУТОВА*

Русская Палестина. Недвижимость архимандрита Антонина (Капустина)

В результате серии реформ середины XIX в. в Османской империи появилось земельное законодательство, позволившее де-юре оформить иностранную недвижимость, ранее сформировавшуюся де-факто. Русская Палестина, возникшая в острой конфессиональной конкуренции в середине XIX в. и включавшая палестинские приобретения начальника Русской Духовной Миссии (РДМ) в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина, 1817–1894) (ил. 1), зависела от внешнеполитических условий и позиций российских государственных институтов. Отсутствие стратегии и планомерной работы в использовании имущественного фактора во внешней политике, а также настроений в российских властных структурах на Ближнем Востоке приводило к упущениям. В статье показано, как верные решения архимандрита Антонина, принятые им вопреки мнению чиновников МИД, повлияли на способ оформления недвижимого имущества, благодаря которому храмы, монастыри, паломнические подворья и земельные участки во многом сохранились и сегодня принадлежат России и Русской Церкви.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иерусалим, архимандрит Антонин (Капустин), земельная собственность, недвижимость, МИД, Св. Синод, Иерусалимский Патриархат, танзимат, законодательство

В середине XIX в. в Османской империи был проведён целый ряд реформ, призванных разрешить накопившиеся внутренние проблемы. Эта эпоха, получившая название танзимат (буквально ‘упорядочение’), была обусловлена тремя документами: указами о реформах (хатт-и хумаюн) 1839 г. и 1856 г., а также Конституцией 1876 г. В результате серьёзную трансформацию претерпели основные институты Османского государства и общества.

До танзимата номинальным владельцем всей земли считался султан, управлявший ею через систему пожалований, т.е. земля передавалась чиновникам в обмен на военную или гражданскую службу. Владелец такой земли (*мири*) не мог ею распоряжаться, но должен был платить налоги и мог предоставлять, в свою очередь, крестьянам, которые её обрабатывали и выплачивали султанскую десятину. Существовали и другие категории земель: *мульк* (частная соб-

* **Бутова Ритта Борисовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.
E-mail: rittabutova@mail.ru

ственность) и *вакф* (*вакуф*) (религиозные пожертвования) [1].

В соответствии с Земельным кодексом 1858 г. началось внедрение земельной реформы, закончившееся принятием Гражданского кодекса 1877 г. В соответствии с реформой земля стала подразделяться на пять категорий: *мири* (государственная земля), *мульк* (частная земля), *меват* (мёртвая земля), *вакф* (религиозная земля и пожертвования), *метруке* (общинная и племенная земля). Таким образом, были введены новые земельные отношения: старая система аренды и откупа земли заменена на индивидуальное право собственности, больше соответствующее европейским представлениям. Реформы в земельном законодательстве шли параллельно с новым налоговым законодательством и переписью населения.

Хатт-и хумаюн 1856 г. провозгласил равные права немусульман вообще и христиан, в частности с мусульманами, защиту их личности и собственности, свободу вероисповедания и предоставление образования детям всех религиозных общин. Также законодательно было разрешено, по крайней мере теоретически, иностранцам приобретать землю. До появления этого документа иностранные граждане не могли покупать и регистрировать землю на своё имя, за редким исключением, когда покупатель получал специальный султанский фирман. В 1858 г., с опубликованием земельного кодекса, вступило в силу разрешение иностранцам на покупку недвижимости, но на практике запрет на продажу земли подданным иностранных держав сохранялся до 1867 г.

10 июня 1867 г. был опубликован закон¹, разрешающий иностранным гражданам приобретать городскую и сельскую землю во всех областях Османской империи, за исключением Хиджаза, места возникновения ислама. Разрешение было предоставлено при условии, что иностранцы

Ил. 1. Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины

должны были признать равенство с подданными Османской империи и в связи с этим подпадали под юрисдикцию турецких учреждений и судов по всем вопросам, касающимся собственности. Большинство заинтересованных европейских правительств подписали в последующие годы отдельные соглашения, чтобы распространить эту привилегию на своих граждан.

Появление иностранного землевладения в Османской империи способствовало наведению определённого порядка в законодательстве, регистрации земель и землеустройстве, началось систематическое картографирование. Документальное оформление привело к началу процесса приватизации землевладений и возникновению крупных латифундий [2] (например, бейрутские нотабли, греческая семья Сурсок владела большей частью земель в районе Назарета). Изменялась земля, из-

¹ В документах российского МИД встречается несколько вариантов его наименования — Протокол о собственности, Капитуляции.

менялся ландшафт, возникали новые сады, поселения и дороги [3].

В начале 1880-х гг. ситуация вокруг собственности иностранцев в Палестине вновь изменилась. Либеральная османская иммиграционная политика, а также льготы иностранцам, которые хотели поселиться в империи при условии, что они примут гражданство, привели к тому, что за 20 лет (1859–1880) 2 млн мусульман из России и с Балканского полуострова были расселены по всей Турции. Они теснили коренных жителей, захватывая землю и занимаясь сельским хозяйством — главным источником пропитания и благосостояния. Всё это вызывало скрытое недовольство и даже враждебное отношение местных жителей, которое выплёскивалось на тех поселенцев, которые сохранили своё первоначальное гражданство (например, немецких темплетов в Палестине) [4].

При большом несоответствии между османскими законами в теории и степенью, в которой они применялись на практике, христиане разных конфессий всё чаще сталкивались с негативным отношением. Центральной власти было свойственно непостоянство по отношению к приобретению земли иностранцами, формулировки законов и нормативных актов были неясными и допускали различные толкования, а коррупция и склонность к взяточничеству были широко распространены на всех уровнях османской бюрократии.

Несмотря на понимание того, что европейские поселения увеличили бы налоги, а значит и доходы империи, и способствовали бы укреплению её слабой экономики, османские власти всё больше беспокоились о том, что эти поселения могут служить дополнительным предлогом для вмешательства великих держав во внутренние дела или, что ещё хуже, для получения контроля над целыми районами страны.

В 1881 г., накануне первой алии, были внесены изменения в османскую политику в отношении европейских собственников. За этими изменениями стояли и попытки предотвратить увеличение числа иностран-

ных граждан в империи, особенно европейцев в Палестине. Казалось бы, эти тщетные в целом усилия не имеют отношения к христианам, но это не так. Неоднократно звучали призывы к султану отозвать разрешение покупать землю иностранцам.

МИД и русская собственность в Святой Земле

В конце 1850-х гг. после подарка султана и покупки нескольких участков в Иерусалиме и окрестностях сложилась государственная собственность России в Святой Земле, было положено начало Русской Палестины. С приездом в Иерусалим в 1865 г. начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Антонина (Капустина) возникает частная по формальному признаку, а по сути — русская церковная собственность (ил. 2). Необходимость защиты и оформления палестинских земельных приобретений архимандрита Антонина повлекла за собой большую дополнительную работу российского посольства в Константинополе и петербургских чиновников МИД, руководство которого считало недостойным для себя подписать Протокол о собственности, на чём настаивала Турция.

Первой подписала протокол 1867 г. Великобритания, её примеру последовала Австро-Венгрия, прусское правительство сделало это в 1869 г. и позднее — прочие западные державы. Россия же на протяжении нескольких лет уклонялась, считая, что протокол посягает на права её подданных. В противовес российским дипломатам немецкие, например, не только поддерживали своих переселенцев в Палестину, способствовали возникновению и укреплению поселений темплетов, но и не препятствовали незаконной схеме оформления земли на подставных лиц, местных арабов, активно применяемую до принятия Земельного кодекса. При этом отечественные дипломаты много лет укоряли архимандрита Антонина за то, что он покупал землю на имя драгомана РДМ Якуба Халеби. Европейские консулы на Ближнем Востоке, в отличие

от российских, всегда занимали активную позицию в отношении защиты прав своих соотечественников, в том числе и в их спорах с турецкими властями при оформлении сделок с недвижимостью, применении налоговых ставок и пр.

Труды архимандрита Антонина по созиданию Русской Палестины составляли чуть не самую существенную сторону его деятельности на Ближнем Востоке, но она не получала поддержки Св. Синода и вызывала раздражение сотрудников МИД, которые справедливо считали, что он вторгается в сферу их деятельности и интересов, к тому же его активность расширяла и усложняла круг их должностных обязанностей. О. Антонина не понимал даже дружески к нему настроенный посол в Константинополе Н.П. Игнатьев, неоднократно убеждавший начальника РДМ не покупать «клочки земли» и считавший, что он «строит на воздухе» (ил. 3, 4).

В 1872 г. МИД обратился с официальным запросом к обер-прокурору Св. Синода Д.А. Толстому относительно незаконности земельных покупок архимандрита Антонина. 4 мая Св. Синод известил министерство, что архимандриту Антонину запрещено впредь осуществлять покупки, и поставил вопрос не только о прекращении приобретений, но и об отчуждении у о. Антонина уже имеющихся владений. Речь также шла о его переводе на другое место служения, отставке и пенсии.

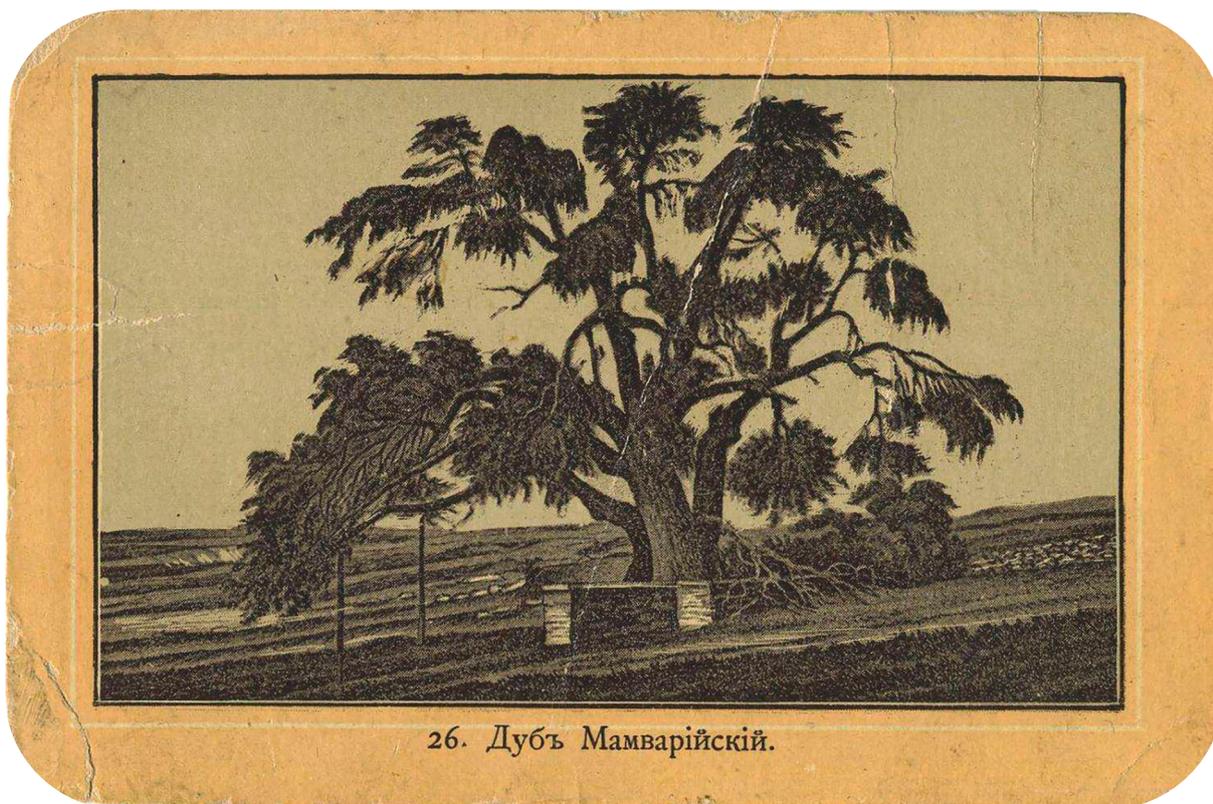
В этих обстоятельствах Н.П. Игнатьев и архимандрит Антонин разработали план, согласно которому начальник РДМ заявил о своём намерении «продать участки в собственность иноверцев» [5, с. 288], а Игнатьев, чтобы подстраховать о. Антонина, направил предписание консулу в Иерусалиме с требованием объявить начальнику Миссии, чтобы «он ни в каком случае не при-

Ил. 2. Вакуф архимандрита Антонина.
Участок «Могила дочери фараона»

ступал к отчуждению приобретённых уже им на русские деньги земельных участков в Палестине, так как вопрос об этих приобретениях перенесён на политическую почву и сделался уже предметом особых переговоров между Портою и посольством» [Там же]. МИД согласился с требованием посла и дал указание в Константинополь и Иерусалим оформить права на уже купленную недвижимость.

К 1873 г. архимандрит Антонин уже был владельцем участков на Елеоне, в Айн-Кареме, в Хевроне, в Бет-Джале, в Силоаме, Яффе (ил. 5) и Иерихоне (ил. 6). Тем обиднее ему было получить новый указ Св. Синода о запрещении покупать землю. Причиной указа стало требование МИД, считавшего недостойным для себя подписать протокол о собственности, на чём настаивала Порта. В России считали, что, подчиняясь турецким законам, продают

26. Дубъ Мамварійскій.

Ил. 3. Вакуф архимандрита Антонина. Дуб Мамврийский.
Почтовая карточка конца XIX в.

честь за *мнимое* право покупать землю, совершенно не видя русские политические интересы. Лишь 8 марта 1873 г. посол в Константинополе Н.П. Игнатъев и турецкий министр иностранных дел Мехмед Рашид-паша подписали протокол о праве русских подданных владеть недвижимой собственностью в Турции. «Но в протоколе ясно устанавливалась, что закон о таком владении не отнял ни одной из льгот, которыми ограждалась личность и недвижимое имущество иностранцев, приобретших недвижимую собственность» [6, с. 201]. Игнатъев в письме к Антонину писал: «По щучьему велению и по моему прощению», права недвижимой собственности русских подданных в Турции закрепили, несмотря на встреченную мною оппозицию в Петербурге, между нашими консулами и многими знахарями Востока, упорно державшимися мнения, что несравненно *достойнее* было с нашей стороны *не подписывать* протокола, нежели принять для русских права, предостав-

ленные другим иностранцам» [7, с. 145]. В итоге о. Антонин получил возможность оформить приобретённые ранее земельные участки на собственное имя.

На основании подписанного протокола к концу 1870-х гг. в Святой Земле из владельцев недвижимости сформировалась большая русская колония. Но только начальник РДМ неоднократно заявлял, в том числе в переписке с официальными лицами и своих статьях в российской прессе, что всё купленное им является собственностью России, поскольку приобретено на деньги русских жертвователей.

На протяжении многих лет с упорством, достойным лучшего применения, МИД пытался вообще закрыть Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме и свести статус представителя Российской Церкви на Православном Востоке до приходского священника. Такая позиция государственной власти не учитывала религиозный аспект русского владения местами, осенёнными Священной историей и церковным преда-

Ил. 4. Под дубом Мамврийским. Архимандрит Антонин сидит в центре

нием, игнорировала внешнеполитическое значение, а экономическая составляющая вообще не принималась в расчёт. Между тем последняя активно развивалась Иерусалимским Патриархатом. Его городская недвижимость была куплена по большей части на русские деньги для того, чтобы приносить максимальную прибыль, а сельскохозяйственные угодья обрабатывались и приносили доход. В Иерусалиме и Яффе были построены жилые квартиры и рынки с магазинами для сдачи в аренду [8, 9]. Видя осуществление таких крупных бизнес-проектов, Императорское Православное Палестинское Общество в 1890-е гг. неоднократно пыталось подсчитать бюджет Иерусалимского Патриархата и как-то ограничить поступление русских денег, но этого никогда не удавалось сделать.

В начале 1880-х гг. позиция МИД кардинальным образом меняется. Внешнеполитическое ведомство, наконец, по праву оценило выдающееся значение приобретений о. Антонина. Сформировалось понимание

того, что приобретённая земля стала важнейшим внешнеполитическим фактором влияния в постоянной конкуренции между великими державами и различными Церквями и миссионерами, которые пользовались их покровительством, а контроль над земельными ресурсами — средством укрепления престижа в Палестине. Искренним восхищением продиктованы слова консула В.А. Максимова в 1883 г.: «Приобретения о. Антонина не только полезны для наших поклонников в Святой Земле, но и служат русскому делу по отношению усиления нашего нравственного и образовательного влияния» [5, с. 613].

Таким образом, формирование Русской Палестины происходило в сложных внешнеполитических условиях, во время кардинальных изменений османского законодательства, которое испытывало давление со стороны великих держав, расширяющих свои притязания и усиления в регионе, и острой конфессиональной конкуренции. Всё это стало причиной эволюции позиций

Ил. 5. Вакуф архимандрита Антонина. Церковь ап. Петра и прав. Тавифы в Яффе

российских государственных институтов, т.е. изменения позиции МИД и Св. Синода по отношению к недвижимости о. Антонина в Святой Земле.

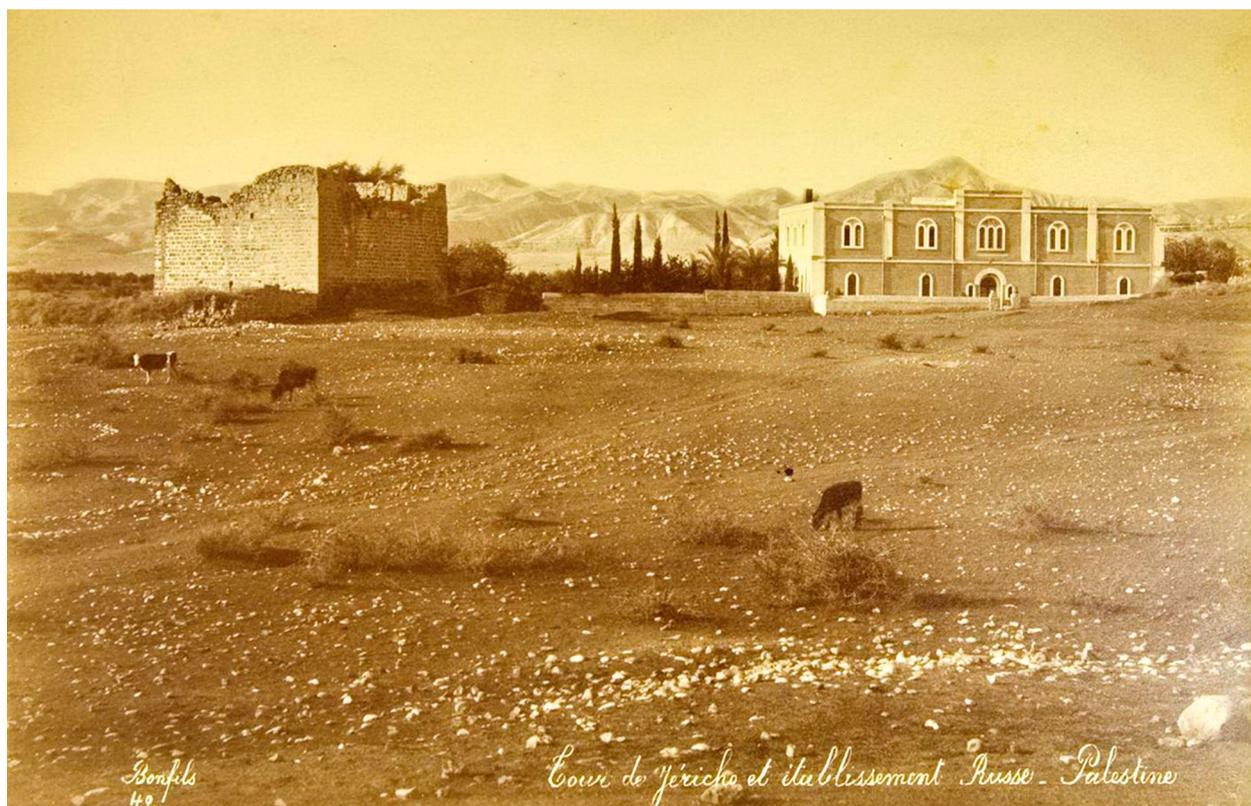
Закрепление за Св. Синодом недвижимого имущества архимандрита Антонина

В начале 1880-х гг. на смену активно неприятия деятельности о. Антонина по приращению Русской Палестины у чиновников МИД и Св. Синода возникло определенное волнение по другому поводу – закрепления за Россией его недвижимого имущества. Годы шли, архимандрит Антонин старел, и в Петербурге начали беспокоиться о последующей судьбе принадлежавших ему участков. Об этом думали в МИД и Св. Синоде, над этим ломали голову консулы в Иерусалиме и послы в Константинополе. В Иерусалиме и Петербурге настаивали на скорейшем переформлении архимандритом Антонином его недвижимости на имя русского

правительства или его непосредственного представителя на месте – консула в Иерусалиме. Другого развития событий никто в МИД даже не предполагал.

Но в рамках турецкого правового пространства, которое сложилось к 1880-м гг., сделать это было весьма непросто. К тому же архимандрит Антонин не торопился передавать свою землю светским инстанциям, справедливо опасаясь, что это в любое время может стать концом его собственного пребывания в Палестине и опять, как когда-то, в начале 1870-х гг. возникнет идея, удостоив его епископского сана, направить, например, в «эту глушь, в Америку».

А между тем российские инстанции, МИД и Св. Синод, начинают настоящую борьбу за собственность о. Антонина. На первые требования МИД передать всё своё недвижимое имущество консулу в Иерусалиме, а это были именно безапелляционные требования, начальник Миссии довольно резко отвечает отказом. Для архимандрита Антонина была ещё болезненно

Ил. 6. Вакуф архимандрита Антонина. Иерихон

памятна ситуация, связанная с закрытием Миссии в 1879–1880 гг., инициированная МИД. Даже через несколько лет после событий любую инициативу, исходящую от дипломатов, о. Антонин воспринимал в штыки. Но здраво обдумав складывавшуюся ситуацию, он обращает её в свою пользу и начинает с МИД торги, ничего определённо не обещая и увязывая принятие решения о передаче недвижимости когда-нибудь *потом*, с оказанием ему помощи и поддержки *сейчас*. Для торга им была использована необходимость оплаты налогов на земли и постройки, находящиеся в его собственности. В начале 1880-х гг. Османское правительство озаботилось сбором налогов с владельцев земли. И архимандрит Антонин ставит перед МИД и Св. Синодом задачу «об освобождении его имущества от всяких сборов в пользу турецкой казны»¹.

В соответствии с османским законодательством религиозные и благотворитель-

ные заведения освобождались от уплаты налогов. Но недвижимое имущество о. Антонина в Палестине было настолько разнообразно, что константинопольскому посольству было «весьма затруднительно хлопотать об освобождении его имущества от всяких сборов в пользу турецкой казны» (Там же). Более того, чиновники не имели точных сведений об объёмах всего земельного имущества о. Антонина, а он не спешил предоставлять им полные и достоверные данные.

Но как планировал архимандрит Антонин поступить со своей собственностью? Он не делал тайны из замыслов и неоднократно заявлял, что «по отношению собственно земли и построек сообразно с условиями и целью устройства каждого из них, имеет в виду передать их Палестинскому Обществу, Св. Синоду и Палестинской комиссии» (Там же. Д. 2579. Л. 45об.), т.е. МИД. Таким образом, главным в распределении собственности для него было

¹ АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497, Греческий стол. Д. 2679. Л. 3об.

Ил. 7. Вакуф архимандрита Антонина.
Елеонский монастырь

назначение земли и построек, на ней находящихся. Например, предполагалось, что Палестинской комиссии Азиатского департамента МИД будет передан только «приют и сад в Иерихоне, превосходно устроенный, и посещаемый ежегодно тысячами наших паломников, следующих на Иордан» (Там же). Православному Палестинскому Обществу передавалась земля в Бет-Джале, арабском селе близ Вифлеема, на которой уже и так располагалась школа Общества. Всё остальное переходило в Св. Синод.

МИД начал активно протестовать против такого деления собственности. В одном из донесений посол в Константинополе А.И. Нелидов писал главе Азиатского депар-

тамента МИД И.А. Зиновьеву, что, «отдавая полную справедливость соображениям арх. Антонина, побудившим не откладывать перевод его земельного имущества на имя более правоспособных владельцев» (Там же. Д. 2679. Л. 5об.), возражает против распределения имущества между тремя учреждениями. Нелидов мотивировал своё мнение тем, что «первое из них учреждение частное, а Св. Синод и Палестинская комиссия суть только ведомства одного правительства» (Там же. Л. 6). Посол считал, что «закрепление за всеми упомянутыми учреждениями недвижимой собственности в Турции не упростит порядка заведывания ею и всегда даст турецким властям предлог относиться к ней или как к частному, или же как к церковному имуществу; в обоих случаях может быть поднят вопрос о взыскании налогов, или о причислении тако-

го имущества к вакуфам (Там же. Л. 51об.). В целом, конечно, такое разделение создавало бы для сотрудников МИД дополнительные сложности и дополнительную работу, но обращает на себя внимание впервые упомянутое понятие *вакуфа* как одного из решений проблемы оформления собственности, к которому, однако, ни в коей мере нельзя прибегнуть¹.

МИД страшил «упорный отказ арх. Антонина перевести принадлежащие в Палестине имущества на имя консульства» и то, что он передаст, как и планировал, часть собственности Палестинскому Обществу, «коего он деятельный член»², и Св. Синоду, «в непосредственном подчинении которого

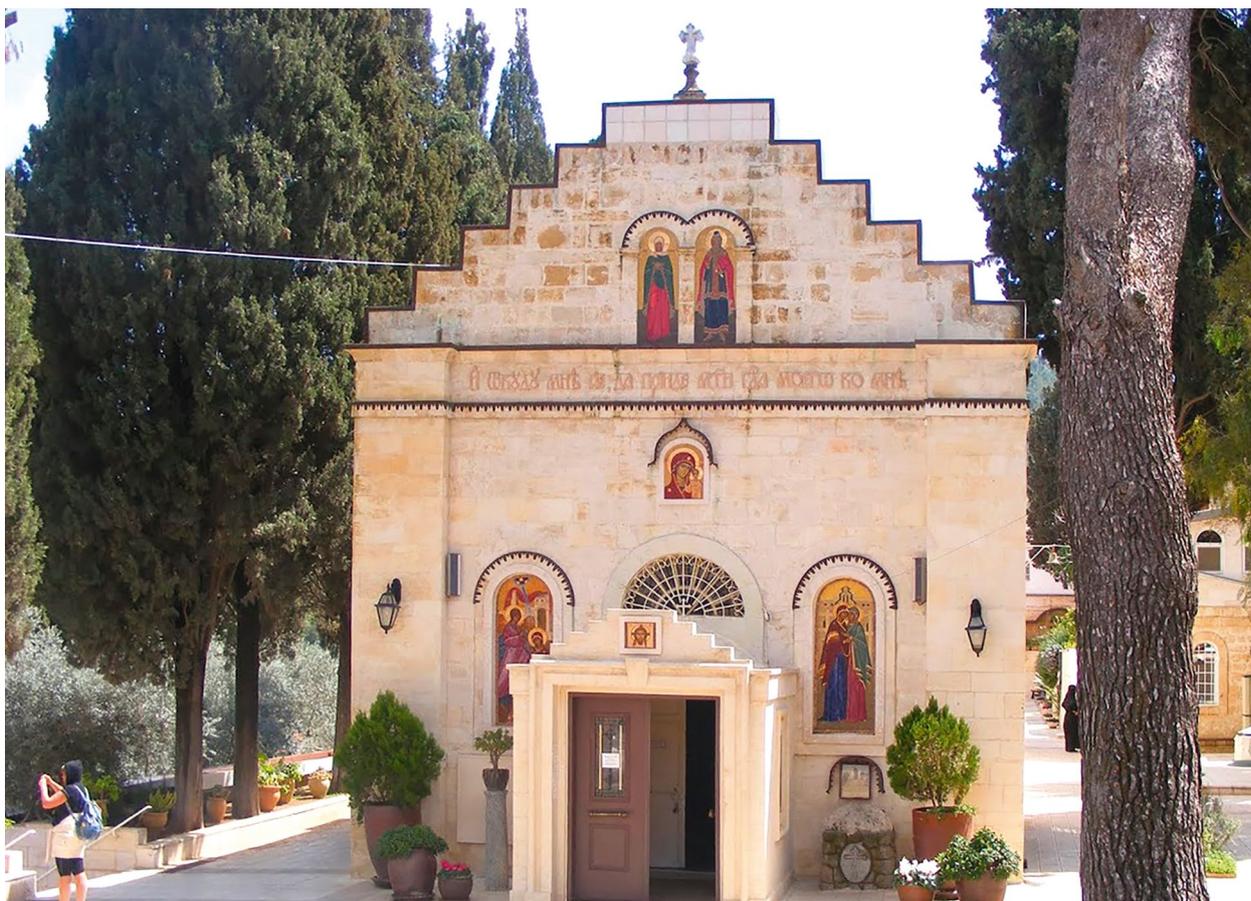
¹ Вакуф, вакуф — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество, но лишь приносящее пользу (доход) и нерасходуемое (например, в вакуф не могут быть переданы деньги). В XIX в. треть всех земель Османской империи входила в вакуфы. Несмотря на последовавшие секуляризации, вакуф сохранился до настоящего времени в некоторых странах, например в Саудовской Аравии и Израиле. Сегодня в мусульманском мире происходит постепенное восстановление института вакуфа, что во многом приносит неудобства и приводит к юридическим спорам.

² АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497, Греческий стол. Д. 2679. Л. 52.

он находится» (Там же). МИД делал вид, что не понимает опасений архимандрита Антонина «быть устранённым от исключительного заведывания по своему усмотрению учреждениями, им созданными» (Там же). Чиновники МИД в своей переписке подчёркивали, что такие «опасения совершенно неосновательные» (Там же. Л. 52об.), и заявляли «о настоятельной необходимости скорейшего понуждения архимандрита Антонина о немедленном закреплении за нашим правительством всех приобретённых и приобретаемых им земель в Палестине» (Там же). Но о. Антонин не забывал истории десятилетий нестроений во взаимоотношениях с МИД и не спешил.

В 1885 г. к решению вопросов о судьбе наследия о. Антонина подключился Иерусалимский Патриарх Никодим, обратившийся к Св. Синоду с посланием,

полностью посвящённым собственности архимандрита. В документе Патриарх постарался, ссылаясь на священные каноны, обосновать свои претензии на церкви, построенные о. Антонином на Елеоне (ил. 7) и в Горнем (ил. 8), тем, что «за все сооружаемые в своей Патриаршей области храмы Его Блаженство несёт ответственность пред вверенной ему Богом Церковью и Турецким правительством»¹. Патриарх также поставил перед Св. Синодом вопросы касательно будущего этих церквей, ведь если они будут «рассматриваемы как принадлежащие Всероссийскому Св. Синоду, то они могут получить законный и канонический вид, как его подворья, если же они будут рассматриваемы как принадлежащие Российскому Правительству, подобно находящейся в российском консульстве в Иерусалиме церкви Святой

Ил. 8. Вакуф архимандрита Антонина. Горненский монастырь

¹ АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497, Греческий стол. Д. 6716. Л. 25об.

Троицы, то они могут получить канонический вид, как приписные к этой церкви» (Там же. Л. 26–26об.).

Вопросы, поставленные Патриархом, были неспроста: в 1880-х гг. Россия, её подданные и её общественные организации, построили в Палестине для паствы Иерусалимского Патриархата четыре церкви. Две из них построило Православное Палестинское Общество – одну в Кане Галилейской, другую – в селе Муджедиль (совр. Мигдаль-ха-Эмек) недалеко от Назарета. Две других относились к беспрецедентной помощи Православному Востоку со стороны Марии Михайловны Киселёвой, финансировавшей строительство церквей на горе Свещения близ Назарета и в Иерихоне. Так что вопросы Патриарха Иерусалимского были вполне понятны, хотя и относились к русскому имуществу и внутрироссийскому решению статусного состояния церквей.

Послание показало Св. Синоду не только всю важность недвижимости о. Антонина, но и вероятную возможность её скорой потери, если не будет предпринято усилий по её защите. Именно поэтому члены Св. Синода (Исидор, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, Паладий, архиепископ Казанский и Свияжский, Серафим, епископ Самарский и Ставропольский) и обер-прокурор К.П. Победоносцев 27 марта 1886 г. приняли определение Св. Синода, в котором «все русские церкви, построенные в Патриаршей Иерусалимской области начальником РДМ в Иерусалиме архм. Антонином с находящейся при них землёй и возведёнными на ней постройками» (Там же. Л. 30) были признаны подворьями Всероссийского Св. Синода, и непосредственное заведывание ими было возложено на начальника РДМ, «вменив ему в обязанности ежегодно представлять Св. Синоду отчёт о состоянии означенных подворий, а также по мере надобности входить в Св. Синод с представлениями о нуждах подворий» (Там же). Антонину особо предписывалось озаботиться укреплением за «Св. Синодом всех приобретённых им в Палестине земельных участках с воз-

ведёнными на них строениями» (Там же. Л. 30об. – 31). Этим определением Св. Синод отнёс все возможные претензии Иерусалимского Патриарха Никодима и вступил в открытую конфронтацию с МИД за судьбу недвижимости о. Антонина.

Надо сказать, что это определение Св. Синода весьма оскорбило и огорчило архимандрита Антонина. Несмотря на все заверения из Петербурга, он всё же опасался, что будет «лишён права пожизненного управления созданными им в Палестине учреждениями» (Там же. Л. 59об.). Кроме того, начальник Миссии не терпел прямого проявления насилия и принуждения, но как человек Церкви не мог не подчиняться решению и должен был его принять и смириться. И связано это было с принятым им когда-то решением, почти заветом, описанным им в письме к В.Н. Хитрово: «Я оставил всякую высоту и широту жизненной карьеры и прилепился всем существом своим к одной цели – *утвердить и закрепить имя русское в Святой Земле Обетованной* так, чтобы мы не были в ней только гостями, а в известной доле хозяевами, на утешение своим и на страх чужим по вере и духу» [7, с. 145]. Так что им двигало чувство долга и ответственности. Тем не менее он старался отсрочить под разными предлогами тяжёлую для него обязанность окончательного перевода своего имущества на Св. Синод.

Ещё три года МИД и Св. Синод боролись за недвижимость архимандрита Антонина (ил. 9), пока в 1889 г. наиболее крупные шесть из своих приобретений он не обратил в вакуф. Дипломатическое сообщество было очень недовольно, оно не принимало в расчёт османское законодательство, по которому перевод от частного лица (о. Антонин) к юридическому (МИД или Св. Синод) был невозможен, и это знали сотрудники МИД. Именно поэтому вакуф был единственно возможным вариантом решения вопроса. Справедливости ради стоит упомянуть, что ещё одно решение всё же было – обращение на высочайшее имя и межгосударственный договор либо

обращение императора лично к султану, но этот путь был значительно сложнее.

В соответствии с завещанием архимандрита Антонина вся его недвижимая собственность, как обращённая в вакуф, так и в него не вошедшая, но должным образом оформленная, а также находящаяся на разных стадиях документального оформления, переходила Св. Синоду.

Заключение

Усиление великих держав на Ближнем Востоке ярко проявилось в возникновении и законодательном оформлении иностранной земельной собственности в Османской империи и стало своеобразной лакмусовой бумажкой готовности Турции под давлением согласиться на вмешательство европейских государств в свои внутренние дела. Накануне подписания Парижского мирного договора 1856 г., зафиксировавшего поражение России в Крымской войне, турецкое правительство продолжило проведение реформ, в том числе касающихся землевладения, надеясь завоевать симпатии своих новых европейских союзников.

В острой конфессиональной конкуренции в середине XIX в. возникла Русская Палестина, в современном понимании — вся полнота присутствия России в Святой Земле, а также религиозный феномен, включающий храмы, монастыри, земельные участки и подворья. С момента своего основания она всегда находилась под сильным влиянием внешнеполитических условий и зависела от изменения позиций российских государственных институтов. Самим своим существованием Русская Палестина повлияла на деятелей МИД и Св. Синода, которые в итоге по достоинству оценили приобретения о. Антонина и убедились, что недвижимость является важнейшим религиозным, внешнеполитическим и гуманитарным фактором политики России на Ближнем Востоке и русского присутствия в регионе.

С сожалением приходится констатировать, что в подходах российских властных структур к возникновению, существованию,

Ил. 9. Бюст архимандрита Антонина в Горненском монастыре

расширению и развитию российской собственности в Святой Земле не было стратегически продуманной системы и планомерной работы. Связано это было скорее с тем, что «международная политика русского правительства на всём протяжении девятнадцатого столетия страдала бессистемностью и беспринципностью» [10], а организации, призванные делать одно дело, постоянно конфликтовали. Вертикаль государственной власти не позволяла российским представителям действовать иначе, поэтому они всегда шли следом за событиями и складывающимися обстоятельствами, не пытаясь изменить ситуацию. В этой связи труды начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина представляют собой уникальное явление. Как показали события XX в., вопреки мнению российских чиновников им

был выбран верный способ оформления недвижимого имущества, благодаря которому храмы, монастыри, паломнические подворья и земельные участки во многом сохранились и сегодня принадлежат России и Русской Церкви. Таким образом, вопрос

о недвижимой собственности может и должен рассматриваться в широком контексте истории русского присутствия на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. и на общем фоне российского стратегического «стремления к югу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Крассов О.И. Земельное право в странах Ближнего Востока. М., 2020.
2. Brugg J. Ottoman Notables and Participatory Politics: Tanzimat Reform in Tokat, 1839–1976. Routledge, 2014.
3. Kark R. Millenarism and agricultural settlement in the Holy Land in the nineteenth century // Journal of Historical Geography. 1983. № 9. Pp. 47–62.
4. Kark R., Thalman N. Technological innovation in Palestine: the role of the German Templers // Germany and the Middle East-Past, Present and Future. Goren H. (Ed.). Jerusalem: Magnes Press 2003. Pp. 201–224.
5. Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Сост., комм, вступ. ст. Н.Н. Лисового. М., 2017. Т. 2.
6. Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией. СПб., 1906.
7. Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009.
8. Katz I., Kark R. The Church and Landed Property: The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem // Middle Eastern Studies. Vol. 43. № 3 (May. 2007). 2007. Pp. 383–408.
9. Katz I., Kark R. The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem and its Congregation: Dissent over Real Estate // International Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 37. № 4 (Nov. 2005). Pp. 509–534.
10. Евреинов Г.А. Идеология ближневосточного вопроса. СПб., 1911.

Russian Palestine. Real Estate of Archimandrite Antonin (Kapustin)

Ritta Borisovna Butova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: rittabutova@mail.ru

Following a series of reforms in the mid-nineteenth century, land legislation emerged in the Ottoman Empire that allowed for the de jure formalization of foreign real estate that had previously been formed de facto. Russian Palestine, which emerged in fierce confessional competition in the mid-19th century and included the Palestinian acquisitions of Archimandrite Antonin (Kapustin, 1817–1894), head of the Russian Orthodox Ecclesiastical Mission (ROEM) in Jerusalem, depended on foreign policy conditions and the positions of Russian state institutions. The lack of strategy and systematic work in the use of the property factor in foreign policy, as well as the sentiments in the Russian power structures in the Middle East led to omissions. The article shows how Archimandrite Antonin's right decisions, made in spite of the opinion of Foreign Ministry officials, influenced the way of real estate registration, thanks to which churches, monasteries, pilgrimage metochions and land plots were largely preserved and today belong to Russia and the Russian Church.

Keywords: Middle East, Jerusalem, Archimandrite Antonin (Kapustin), land property, real estate, Foreign Ministry, Holy Synod, Jerusalem Patriarchate, tanzimat, legislation

REFERENCES

1. Krassov O.I. Zemel'noe pravo v stranakh Blizhnego Vostoka. M., 2020 (in Russian).
2. Brugg J. Ottoman Notables and Participatory Politics: Tanzimat Reform in Tokat, 1839–1976. Routledge, 2014.
3. Kark R. Millenarism and agricultural settlement in the Holy Land in the nineteenth century // Journal of Historical Geography. 1983. № 9. Pp. 47–62.
4. Kark R., Thalman N. Technological innovation in Palestine: the role of the German Templers // Germany and the Middle East-Past, Present and Future. Goren H. (Ed.). Jerusalem: Magnes Press 2003. Pp. 201–224.
5. Rossiya v Svyatoi Zemle. Dokumenty i materialy. Sost., komm, vstup. st. N.N. Lisovogo. M., 2017. T. 2 (in Russian).
6. Girs A.A. Rossiya i Blizhnii Vostok. Materialy po istorii nashikh snoshenii s Turtsiei. SPb., 1906 (in Russian).
7. Dmitrievskii A.A. Russkaya Dukhovnaya Missiya v Ierusalime. M.; SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2009 (in Russian).
8. Katz I., Kark R. The Church and Landed Property: The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem // Middle Eastern Studies. Vol. 43. № 3 (May. 2007). 2007. Pp. 383–408.
9. Katz I., Kark R. The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem and its Congregation: Dissent over Real Estate // International Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 37. № 4 (Nov. 2005). Pp. 509–534.
10. Evreinov G.A. Ideologiya blizhnevostochnogo voprosa. SPb., 1911 (in Russian).

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Индекс УДК 902/904

Код ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-86-100

К.А. ВАХ***Эрнст Густав Шульц —
учёный, дипломат и исследователь
Святой Земли****

В статье делается попытка реконструкции неизвестной научной биографии одного из пионеров в исследовании Палестины, первого прусского консула в Иерусалиме Э.Г. Шульца. На основании анализа привлечённых материалов показано участие правительства Пруссии в постановке научных задач и обеспечении условий для научного изучения Библейского региона. Систематический сбор информации и фиксация памятников эпохи Крестовых походов позволяет сделать вывод о существовании имущественных интересов Пруссии в Святой Земле, которые опирались на археологические свидетельства. Привлечённые в качестве источников труды других немецких учёных, задействованных в общей с Э.Г. Шульцем правительственной программе исследований Святой Земли, позволили уточнить вклад консула в изучение библейской топографии и памятников израильтян в Галилее, а также его роль в построении новых современных карт местности.

Ключевые слова: Византийская Палестина, греческие и латинские описания и свидетельства, ранневизантийское источниковедение

* **Вах Кирилл Алексеевич** — научный сотрудник Института археологии РАН, генеральный директор издательства «Индрик», руководитель проекта «История русского консульства в Иерусалиме: 1858–1914 гг.» (19-09-41008).

E-mail: K_vach@mail.ru

** Статья написана по Программе фундаментальных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ, № НИОКТР 122070800051-6 «Русский вклад в научное освоение наследия Святой Земли: новые источники и документы».

Доктор Эрнст Густав Шульц (1811–1851) — немецкий востоковед, прусский вице-консул (1842–1844, с подчинением консулу в Дамаске), затем консул (1844–1851), прибыл в Иерусалим 21 января 1843 г. [21, S. 391]¹. Его заслуги в истории изучения Палестины значительны (он был из тех, кто прокладывает направления для будущих исследователей) и совершенно не соответствуют степени его известности и его месту в современной историографии². С его именем связаны древние колонны, идентифицированные сначала как остатки пропилей базилики Константина Великого, а позднее — как остатки римско-византийской улицы кардо (ныне находятся в здании Александровского подворья ИППО в Иерусалиме) [1, с. 26].

В Иерусалиме с начала 1840-х гг. многие европейские путешественники, священники и учёные занимались исследованиями древностей. Начинался первый этап накопления научных знаний, выработки методологии и формирования новых подходов к истории Библейского региона. Практически все они оставили свой след в науке: мы знаем книги и статьи первых исследователей Палестины (по большей части тех, на кого длительное время ссылались в научной литературе). Но биографических сведений об их жизни мало. Между тем эти люди зачастую работают не в одиночку; их деятельность — часть сложных общественных процессов, на которые были завязаны и национальное самосознание, и политика европейских государств. Без учёта подобных явлений невозможно построить полную картину истории науки

о древностях региона, в котором видели начало своей идентичности представители как минимум трёх мировых религий.

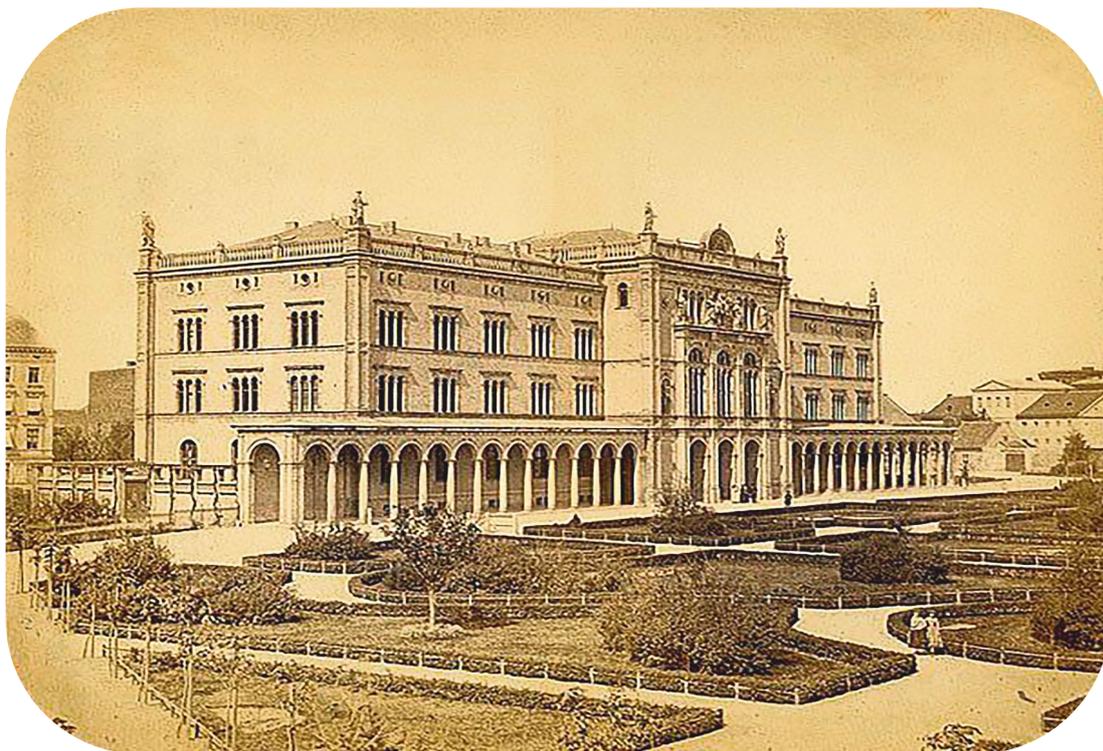
Всё вышесказанное стало поводом, чтобы провести анализ источников и старой научной литературы для восполнения биографии одного из пионеров в исследованиях Палестины — первого прусского консула в Иерусалиме Э. Шульца. Так была написана статья о биографике Палестины, полезная для понимания общей картины научной жизни в Иерусалиме середины XIX в. Основными источниками послужили свидетельства немецких миссионеров-путешественников [24], редкий (опубликованный только в первом издании книги) некролог, написанный другом Э. Шульца немецким ориенталистом Филиппом Вольфом [26, s. 204–214], и научные труды, включавшие рукописные результаты исследований Э. Шульца [21, 28].

Э. Шульц был представителем немецкой протестантской школы востоковедения. Он родился в городке Дёберн в Восточной Пруссии, где традиционно проживало много славян (серболужичан). В 1829 г. после окончания средней школы в Эльбинге (или Эльблонге — большом промышленном и торговом центре Западной Пруссии на территории современной Польши) он поступил в университет Альберта в Кёнигсберге (ил. 1). Это произошло в последний год, когда формально ректором университета был кронпринц, будущий король Пруссии Фридрих Вильгельм IV³. Молодой студент собирался посвятить себя изучению богословия на Теологическом факультете, однако увлёкся изучением восточных языков под руководством профессоров Цезаря

¹ «Консул был проникательным человеком с большими познаниями, которого любили и уважали местные жители, даже из числа мусульман... Пруссия оказывает действительную услугу всему научному миру тем, что столь тщательно отбирает на консульскую должность для выдающихся учёных» [21, s. 392].

² О роли Э. Шульца в продвижении германского дипломатического присутствия в Палестине см.: [14, p. 263–279]. Документы о деятельности Э. Шульца в 1842–1851 гг. сохранились в Государственном архиве Израиля: Collection of Odd Files from the German Consulate in Jerusalem and Jafa, Israel State Archives, R(ecord) G(roup) 67, на которые ссылается автор вышеназванной работы.

³ Титульный ректор университета Альберта в 1807–1829 гг.

Ил. 1. Университет в Кёнигсберге. Фото конца XIX в.

фон Ленгерке¹ и Питера фон Болен². По совету последнего³ Э. Шульц решил сделать восточную филологию своей основной специальностью и для усовершенствования в избранном предмете продолжить образование за пределами Пруссии.

В 1834 г. он отправляется в Париж, слушает лекции великих востоковедов Сильвестра де Саси⁴ (ил. 2), Этьена Катрмера⁵ и Эжена Бюрнуфа⁶, занимается изучением коллекций восточных рукописей в парижских библиотеках.

¹ Cäsar von Lengerke (1803–1855) — протестантский богослов, филолог и поэт, получил должность приглашённого лектора в университете Альберта в Кёнигсберге в 1829 г., в 1832 г. был назначен доцентом богословия, в 1835 г. стал доктором теологии и был назначен ординарным профессором Ветхого Завета и семитских языков и оставался в этой должности до 1851 г. В 1828 и 1831 гг. выпустил в свет два небольших исследования о Ефреме Сирине. В 1835 г. он представил свой историко-критический комментарий к книге Даниила, в котором приводил доводы в пользу поздней датировки этой книги и против подлинности автора [16]. В 1844 г. он опубликовал свой основной труд «Ханаан, народная и религиозная история Израиля», в котором дал историко-критическое описание политической и религиозной истории Ханаана до завоевания этой земли израильянами [17].

² Peter van Bohlen (1796–1840) — востоковед и индолог, с 1825 — экстраординарный, а с 1830 г. ординарный профессор восточных языков и литературы в университете Альберта в Кёнигсберге. Одним из его фундаментальных трудов является работа «Книга Бытия, объяснённого критически и исторически» [3].

³ П. Болен планировал со временем передать свою кафедру Э. Шульцу.

⁴ Antoine Isaac Silvestre de Sacy (1758–1838) — выдающийся французский лингвист и востоковед. Католик с еврейскими корнями, знаток семитских языков, он первым расшифровал пехлевийские надписи сасанидских царей, занимался грамматикой арабского и персидского языков, исследовал религию друзов. Первым пытался расшифровать Розетский камень и добился некоторых успехов. В 1807–1809 гг. был учителем М. Шомпальона. Его учениками были востоковеды из разных стран.

⁵ Étienne Marc Quatremère (1782–1857) — французский востоковед филолог, лингвист, знаток восточных рукописей, греческого, коптского, иврита, арамейского и персидского языков. Публикация его труда о географии и истории Древнего Египта в 1811 г. [20] вынудила Шомпальона написать «Введение» к своему труду по истории Египта [4].

⁶ Eugène Burnouf (1801–1852) — французский востоковед, индолог, исследователь санскрита и индийского буддизма, занимался расшифровкой рукописей Авесты и клинописи древнеперсидских памятников.

Через два года, чтобы иметь средства продолжать жить во Франции, он становится учителем богатого промышленника и одновременно энтузиаста-ботаника графа Ипполита Франсуа Жобера¹, члена Палаты депутатов. Благодаря последнему обстоятельству Э. Шульц получает вход в высший парижский свет, в совершенстве овладевает французским, учит английский и итальянский языки. В 1837 г. он начинает разрабатывать план научной поездки на Восток и усиленно изучает разговорный арабский язык. Однако летом 1838 г. Э. Шульц вернулся в Германию, а зимой 1840 г. начал читать лекции по арабскому языку и ивриту в университете Альберта в Кёнигсберге.

Началу его дипломатической карьеры поспособствовало стечение нескольких обстоятельств: неожиданное знакомство с Х. Бунзеном, а также усилившееся восточное направление внешней политики Пруссии и то значение, которое придавал новый прусский король Фридрих Вильгельм IV науке в освоении европейцами Иерусалима и Святой Земли в целом. В апреле 1841 г. Э. Шульц отправился в Лондон для работы с арабскими рукописями, где познакомился с немецким учёным-дипломатом Христианом фон Бунзеном² (ил. 3). Их встреча произошла в то время, когда Х. Бунзен по поручению Фридриха Вильгельма (ил. 4) занимался подготовкой создания англо-прусского протестантского епископства в Иерусалиме. Х. Бунзен написал о Шульце в Берлин. В итоге после личной встречи в Берлине с министром культуры Пруссии Ф. Эйх-

Ил. 2. Антуан Исаак Сильвестр де Саси (1758–1838)

горном (с которым Э. Шульц контактировал по линии своей работы в университете) тот рекомендовал правительству его кандидатуру на должность прусского вице-консула в Иерусалиме. Официальное назначение Э. Шульца состоялось в день его рождения 22 мая 1842 г. В Святой Град вице-консул прибыл в конце 1842 г., следом за первым англо-прусским протестантским епископом Александером³.

Э. Шульц имел прекрасную научную подготовку для службы на Востоке. Знание различных восточных и европейских языков позволяло ему общаться практи-

¹ Hippolyte François Jaubert (1798–1874) — французский политик, бизнесмен и натуралист, член Французской академии наук (1854), один из основателей Ботанического общества Франции, автор много томного издания «Иллюстраций растений Востока» [Jaubert, Spach 1842].

² Christian Charles Josias von Bunsen (1791–1860) — немецкий учёный и дипломат. Ученик С. Де Сасси и секретарь Б. Нибура, когда последний был назначен прусским посланником в Ватикане, друг наследника прусского престола будущего Фридриха Вильгельма IV. При папском дворе занимался вопросом создания Католической Церкви в Пруссии. В Риме в 1835 г. основал протестантскую больницу. Был женат на дочери английского священника, с которой вместе занимался созданием улучшенного перевода немецкой Библии. В 1841 г. провёл успешные переговоры о создании в Иерусалиме совместного англо-прусского епископства. После этого занял должность посла Пруссии в Англии. При начале Крымской войны выступал за вхождение Пруссии в антироссийскую коалицию, но получил отказ и вышел в отставку.

³ О нём см.: [2, с. 179–224].

Ил. 3. Христиан Карл Йосиос фон Бунзен
(1791–1860)

чески с любым собеседником на родном для него языке. Однако вместе с образованностью и энергичностью в характере прусского консула были такие черты, как меланхолия и склонность к депрессии [14, р. 263.]. Возможно, последнее проявилось именно на Востоке¹. И в 1843, и в 1844 гг. он несколько раз пытался подать в отставку [Там же, р. 263.].

В 1841 г. (за год до появления в Иерусалиме Э. Шульца) вышли в свет «Библейские исследования Палестины» Э. Робинсона. Фундаментальная работа стала краеугольным камнем дальнейших исследований Иерусалима и Святой Земли. В ней было представлено много новых сведений и утверждений, опровергавших широко известные представления науки того времени, которые восходили в основном к авторитетным исследованиям учёных

и путешественников XVI–XVIII столетий. Однако отвечать можно было столь же последовательно и аргументированно, как это делал сам Э. Робинсон. Его труд сопровождался прекрасной картой Палестины, специально составленной для этого издания молодым немецким картографом Г. Кипертом, и огромным указателем арабских названий, сделанным спутником Робинсона американским миссионером из Бейрута Эли Смитом [10, р. 5–55].

Книга Э. Робинсона стала настольной для всех, кто занимался историей древнего Израиля, исследованиями Библии и вообще исторической топографией Святой Земли. Путешественники и учёные ехали в Палестину с «Библейскими исследованиями» Робинсона. Те образованные европейцы, кто по тем или иным причинам (в особенности миссионеры) жил в Иерусалиме продолжительное время, имели возможность лично перепроверить его наблюдения и выводы. В европейском общественном нарративе «библейские» научные известия из Иерусалима встречали широкий и искренний интерес. Всё это создавало необходимые условия для научной инициативы. Очень скоро, в начале 1843 г., новый прусский консул также начал свои первые исследования топографии Святого Града, шаг за шагом сравнивая эти наблюдения с выводами Э. Робинсона. За полтора года он собрал материал для собственной книги.

Осенью 1844 г. Э. Шульц приехал в Берлин, откуда его тут же отправили в командировку в Лондон. Учреждённое в Иерусалиме англо-прусское епископство было выгодно и Берлину, и Лондону [14, р. 264–275]; автор идеи Х. Бунзен служил послом в Лондоне и рассчитывал узнать подробности о состоянии иерусалимских дел лично от Э. Шульца, а возможно, и снабдить его дополнительными инструкциями.

В Англии Э. Шульц с научными целями ездил в Кембридж и Оксфорд. Вернувшись

¹ Его некролог (Nekrolog des ersten preussischen Consuls in Jerusalem) кратко сообщает о трагической истории с бейрутской невестой Э. Шульца, произошедшей где-то в Ливане [26, s. 207].

на родину в начале 1845 г., он взял небольшой отпуск, поселился в доме своего отца и занялся работой над книгой. Поскольку он имел возможность и время тщательно изучить город, собранные им факты и наблюдения представляли собой в некоторых частях совершенно новый взгляд на топографию современного Иерусалима. До начала июля 1845 г. книга, имевшая подзаголовок «Лекция доктора Шульца, прусского королевского консула в Иерусалиме», была написана и сдана в печать в Берлине [22]. Э. Шульц вернулся в Палестину уже в звании консула летом 1845 г., так и не дождавшись выхода из печати своего труда. Предоставленный им топографический материал позволил ставшему уже известным картографом Г. Киперту построить новый план Иерусалима (ил. 5), который долгое время оставался лучшей и наиболее подробной картой Святого Града. Эта карта сохраняет своё историческое значение и в настоящее время [10, р. 5–55].

Исследования по библейской топографии Палестины и Иерусалима в 1840-х гг. можно считать частью целевого проекта прусского правительства, и деятельность прусского консула в Иерусалиме хорошо вписывается в общую логику научно-религиозной (в целом филантропической) экспансии Пруссии в Святой Земле (ил. 6). Важнейшей задачей географы тех лет считали не только точное описание местности, но и поиск конкретных городов и вообще локаций, упомянутых в Библии. Поэтому указания на всевозможные развалины являются столь же необходимой частью описания, что и позиционирование относительно сторон света и рельефа местности. Сохранившиеся на поверхности руины должны были стать предметом дальнейших исследований для идентификации библейских топонимов. Таким образом, наука

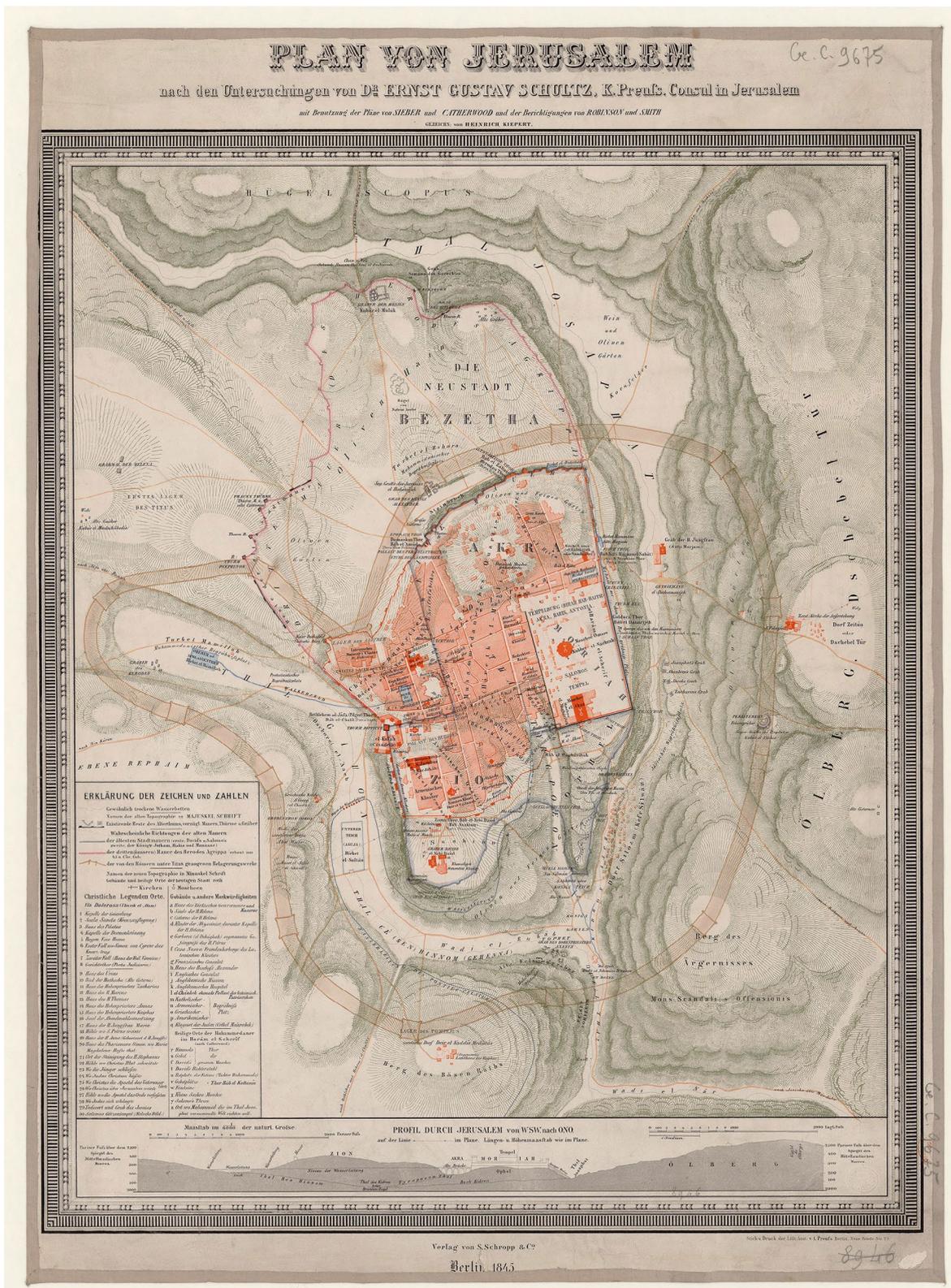
Ил. 4. Король Пруссии Фридрих Вильгельм IV с супругой Елизаветой Людовиковой Баварской

о древностях Палестины во второй половине 1840-х гг. продолжала обслуживать задачи комментирования/подтверждения Библейской истории.

Во главе этих библейско-географических исследований стоял основоположник современной географической науки К. Риттер¹ (ил. 7).

Общую для всех ситуацию с картографией Палестины в середине XIX в. описал К. Циммерман в предисловии к посмертной публикации материалов Э. Шульца, посвящённых созданию новой карты Галилеи. «Учёный-картограф, занимающийся варварскими странами удовлетворён, когда благодаря использованию всех имеющихся материалов

¹ Карл Риттер (1779–1859) — выдающийся немецкий географ, считающийся вместе с А. Гумбольдтом основателем современной географической науки. Главный труд «Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine, vergleichende Geographie, als sichere Grundlage des Studiums und Unterrichts in Physikalischen und Historischen Wissenschaften» издан в 1818–1852 гг. в 19 частях (21 т.). Риттер рассматривал географию планеты как жизнь единого организма, на который влияли исторические процессы и жизнедеятельность человека. О нём см.: [9, 13].

Ил. 5. План Иерусалима Г. Киперта из книги Е. Шульца «Иерусалим», 1845 г.

гидрография и номенклатура названий становятся гораздо более подробными и точными, когда основные направления

горных хребтов и впадин долин, морской берег, заливы и озёра показаны более чётко, чем на всех предыдущих картах; он

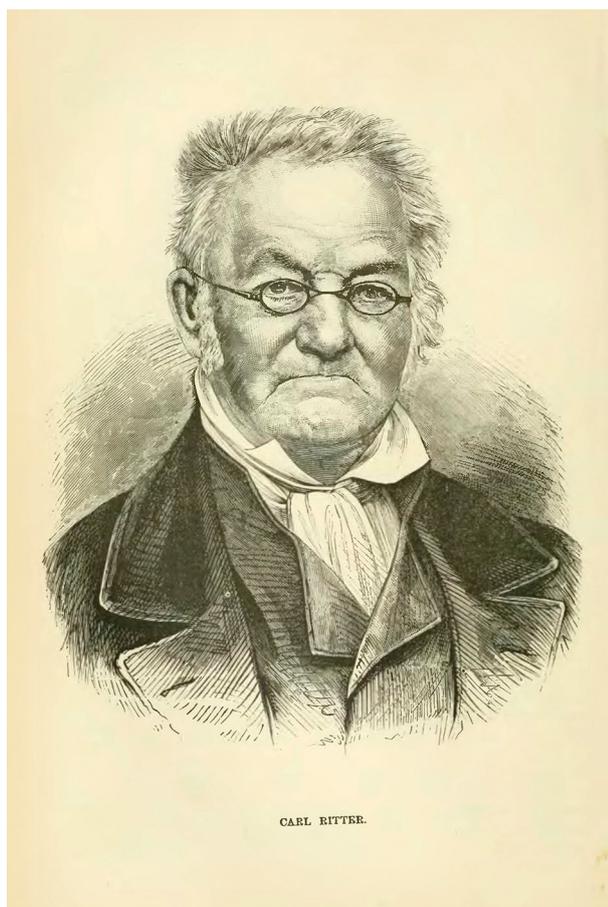

Ил. 6. Атлас Палестины и Синайского полуострова, изданный Г. Раймером как приложение для «Географии» К. Риттера. Берлин, 1850 г. (при построении карты были использованы сведения Е. Шульца)

удовлетворён, если новые качественные астрономические расчёты местоположения позволяют лучше ориентировать положение всего объекта в сетке карты, чем это было ранее. Ничего большего нельзя ожидать от построения карт стран Ближнего Востока. Даже самое лучшее построение — это только одна из попыток (как сказано в названиях наших карт). Но при всей очевидной условности результата эти повторные опыты всё же необходимы науке» [28, s. 2].

Таким образом, новая деятельность Э. Шульца в Палестине после 1845 г. была связана с задачами, поставленными перед ним прусским правительством. Он должен был собрать материал для построения подробных карт малоизвестных областей страны.

Вернувшись в Иерусалим с багажом специальной литературы и научной программой исследований Святой Земли, Э. Шульц делает разведку в регионах: обследует библейские города Бейт-Шеан и Газу,

Ил. 7. Карл Риттер (1779–1859)

расположенные в двух противоположных пределах Иудеи. Он собирался посетить и территории за Иорданом, но осуществить это ему не удалось [26, s. 209].

Изучение Иерусалима также продолжалось, но с меньшей интенсивностью. В 1846 г. топографией или, точнее, исследованием поверхности плотно застроенного и покрытого вековыми слоями мусора города при поддержке прусского консула занимался другой немецкий учёный Х. Гадоу. Фактически он продолжил исследования Э. Шульца первой половины 1840-х гг. Х. Гадоу проделал огромную топографическую работу, собирая материал для построения карты Иерусалима в трёх координатах: с фиксацией высот и перепадов почвы, описанием характера её наслоений и других особенностей рельефа [8, s. 35–45].

А Э. Шульц во второй половине 1840-х гг. сосредоточивает усилия на исследованиях Галилеи, отчасти уже знакомой ему благодаря поездкам из Иерусалима в Бейрут в 1844 и 1845 гг. [28, s. 39]¹. Кроме морского побережья, части Генисаретского озера и области Назарета остальная территория в те годы была ещё мало известна европейцам.

Бейт-Шеан (или Скифополис) считался одним из древнейших городов, который в эпоху, когда Ханаан перешёл под власть Египта, был крупнейшим торговым и административным центром [18, 19]. Начав с научной разведки в Бейт-Шеане, Э. Шульц в 1847 г. предпринимает более масштабное исследование топографии и памятников Самарии и Галилеи [23, s. 46–62]. «Осенью 1847 г. я отправился из Иерусалима в Бейрут, используя, как обычно, маршрут через Набулус, Дженин и Назарет, чтобы осмотреть до сих пор редко посещаемую Галилею и совершить разведку слева и справа от оживлённых дорог, в основном интересуясь Александрионом Ирода, Ветилуей Юдифи и долиной Иотапаты Иосифа Флавия» [23, s. 46].

Исследование Галилеи (в особенности территории между Бейт-Шеаном и Иерихоном) продолжались и после возвращения консула в Палестину в 1849 и 1850 гг. К. Риттер, использовавший собранные Э. Шульцем материалы для своей работы, сообщает, что консул занимался локализацией библейских местностей и городов: Вельфем (Иудифь. 7:3), Дофан (Быт. 37:17; 4 Цар. 6:13; Иудифь. 4:6) и других.

Предположив, что место продажи братьями Иосифа (Дофан) нужно искать к юго-западу от Дженина, где Ездрилонская равнина переходит в горы Самарии, Э. Шульц не смог, тем не менее, доехать туда в 1847 г. (позднее эту работу выполнил Э. Робинсон) [21, p. 331]. Но он определил местоположение древнего Фазаэ-лиса (соврем. Фасаил), построенного (или перестроенного) Иродом великолепного

¹ Об этих исследованиях при жизни консула практически не было известно.

города пальмовых деревьев, упомянутых Иосифом Флавием, и отмеченного на карте Мадебы¹, Архелаоса (основанного сыном Ирода Архелаем и развивавшимся в византийский период), Алесандриона (библейская Сартаба) — древней хасмонейской крепости на вершине горы, посередине между Бейт-Шеаном и Иерихоном, о которой упоминали многие античные историки². Последнюю он смог рассмотреть через телескоп: подняться на гору ему не удалось³.

По словам К. Риттера, именно Э. Шульцу «мы обязаны нашими знаниями о большей части водораздела, лежащего к востоку от главной дороги из Иерусалима в Наблус» [21, р. 342]. Этот учёный первым определил место Акрабы (Акрабаттена Иосифа Флавия)⁴, важного еврейского города в эпоху Второго Храма и в Византийский период.

Кроме библейской топографии он занимается определением мест, связанных с не-

мецкими рыцарскими орденами. По его словам, он нашёл многие объекты владений тевтонского ордена, зафиксированные в исторических документах, и нанёс их на свою карту Галилеи, которую он собирался создать вместе с К. Риттером. Собранные сведения он в 1850 г. планировал через А. Гумбольдта представить королю Фридриху Вильгельму IV.

На необходимость исследовать исторические документы крестоносцев внимание Е. Шульца обратили ещё в Берлине в 1845 г. Ему показали и даже скопировали часть рукописей немецкого рыцарского ордена Госпитальеров из секретного королевского архива⁵. Локализация орденских владений, информация о современном состоянии памятников и т.д., вероятно, позволили бы Пруссии предъявить имущественные права на некоторые территории, связанные с бывшими немецкими владениями в Галилее⁶. Во всяком случае, подобная ссылка

¹ Современных археологических исследований в деревне не проводилось. В 1870 г. развалины в окрестностях арабского поселения обследовал В. Герен [11, р. 228–232], а в 1874 — К. Кондер и Г. Киттченер [6, р. 392–393].

² «Кефр-Истуна — это деревня, расположенная на холме, отделённая от более высокого хребта на востоке. В деревне стоит древняя крепость, часть которой ещё в хорошем состоянии, а в других местах виден только фундамент. Камни во многих местах столь же колоссальны, как и те, что на внешней стене Харамы в Иерусалиме, и те, что у основания башни Давида (Гиппика). Он (Шульц. — К. Вах) предположил, что это место древнего Александриона, который прославился как крепость после времён Помпея, и особенно в связи с осадой Габиния» [21, р. 342].

³ «Прусскому консулу была показана высшая точка, названная им Карн-эль-Сартабе (Курн-Суртубе Робинсона), на которую ему указали из Иерихона: казалось, что она может предоставить хорошее место для такой крепости, как крепость Александрий; но ни один европейский путешественник ещё не взойшёл на неё. Говорят, что на нём есть руины; и крестьяне сказали Шульцу, что в стене было большое железное кольцо. Расстояние от Кареи не позволило Шульцу посетить его, и он был вынужден осмотреть его в телескоп, находившийся на расстоянии нескольких миль. Несомненно, восхождение на эту точку пролило бы много света на топографию всего прилегающего района». [21, р. 342].

⁴ В византийский период в городе были два монастыря. Сохранились развалины построек крестоносцев. Согласно сведениям из Википедии, после Э. Шульца описание Акрабы дал В. Герен в 1870 г. [12, р. 3–5], затем в 1873 г. Акрабу посетил Клермон-Ганно [5, р. 302–303], а в 1874 г. К. Кондер и Г. Киттченер исследовали её древние памятники [6, р. 389–390].

⁵ «Важнейшими материалами, которые я намерен, по возможности, использовать для географии страны, когда вернусь в Палестину, являются документы о владениях Церкви и духовных рыцарских орденов, сохранившиеся у нас. Богатейшей коллекцией таких документов является первая часть документального собрания Ордена Св. Иоанна: Codice diplomatico del sacro militare Ordine Gerosolimitano изданной Sebastiano Pauli Lussa в 1733 г., fol. У меня имеются важнейшие копии рукописей документов о владениях Немецкого ордена в Палестине, хранящиеся в Секретном государственном кабинет-архиве в Берлине (Шифр С. № 12.) Благодаря королевского советника доктора Фойгта в Кёнигсберге, который обратил моё внимание на эту рукопись; благодаря покровительству Его Светлости принца Сайн-Витгенштейнского, старший советник г-н фон Раумер любезно разрешил мне скопировать её и взять с собой в дорогу. В этом мне помог архивариус господин Хёфер». [22, р. 47].

⁶ «При осмотре местности я, как всегда, наносил на свою карту владения Тевтонского ордена, и многое из того, что записано в документах, я обнаружил и зафиксировал». [26, s. 211].

на принадлежность остатков Муристана в Иерусалиме немецким рыцарям позволила позднее решить вопрос с передачей Германии комплекса этих развалин, расположенных через улицу от Храма Гроба Господня.

В планах Э. Шульца было проведение в Иерусалиме первого съезда немецких учёных-востоковедов. Потенциал такого мероприятия для науки он мог видеть по тем результатам, которые дали его совместные с Дж. Уильямсом и лордом Ньюджентом исследования Иерусалима в 1843–1844 гг. Тогда резиденция прусского посла сделалась своеобразным европейским научным центром в Святом Граде.

Рассчитывая на то, что поездки учёных-востоковедов в Палестину будут становиться чаще, консул начал создавать в своём доме немецкую научную библиотеку, для чего попросил немецких книгоиздателей присылать ему соответствующую литературу [26, s. 203]. Библиотека прусского консульства сразу же получила статус королевской¹. В 1845 г. в Бадене было создано Немецкое восточное общество² — организация немецких востоковедов, в деятельности которой Э. Шульц принимал активное участие. Консул не сомневался, что в Иерусалим приедут многие учёные члены этой организации. Проведение съезда немецких ориенталистов в Иерусалиме было запланировано на 1848 г. и возможно привело бы к созданию первого специализированного научного общества исследователей Святой Земли. Однако революции, прокатившиеся по Европе в том же 1848 г., помешали воплощению этой идеи. А некоторое время спустя, 20 ноября 1849 г., британский иерусалимский консул Дж. Финн объявил

о создании в Иерусалиме английского «Литературного общества», которое стало прообразом британского научного Фонда исследований Палестины. Скорее всего, именно по инициативе Э. Шульца, который воспринимал инициативу англичан как общее дело, Фридрих Вильгельм IV официально объявил, что каждый член этого английского общества может свободно пользоваться королевской библиотекой прусского консульства [14, p. 265].

Революционные события 1848 г. повлияли на душевное и физическое здоровье Э. Шульца. Он выехал на родину, где вынужден был серьёзно лечиться. Только в начале 1850 г. он смог начать планировать своё возвращение в Иерусалим. Э. Шульц по-прежнему собирался заниматься исследованиями в Галилее, рассчитывал совместно с К. Риттером составить новую карту региона и обещал написать для его «Географии Палестины» главу «Иерусалим»; также он намеревался подготовить к печати небольшой сборник собственных исследований и заняться публикацией своей коллекции нумизматики [26, s. 211–212].

Это последнее пребывание Э. Шульца в Святой Земле было скоротечным. 30 августа 1850 г. у него поднялась температура, позднее проявились симптомы желтухи. Он вновь вынужден был долго лечиться, а через год, 27 августа 1851 г. он упал с лошади и сломал ногу. Его общее состояние здоровья стало ухудшаться, и консул уже не смог справиться с болезнью. Находившийся в пасхальные дни 1851 г. в Иерусалиме однофамилец консула пастор Э.В. Шульц посетил его примерно за полгода до смерти. «Консул — добропорядочный, научно образованный человек, но с меланхолическим характером. Черты лица его выражали глубокое внутреннее

¹ «Вы, наверное, уже знаете, что наш король основывает научную библиотеку в Иерусалиме. По поручению министерства профессор [Эмиль] Рёдигер подготовил список книг, которые составят основу библиотеки. Я ожидаю от этого много хорошего, потому что есть основания рассчитывать, что паломничества наших богословов, востоковедов, историков и естествоиспытателей будут только увеличиваться». Письмо Э. Шульца в редакцию Журнала Немецкого восточного общества. Бейрут. 05.07.1847. [27, s. 352–353].

² Краткие сведения и библиографию см.: [7]

страдание, но он был готов служить нам с величайшей учтивостью и дружелюбием» [24, s. 108]. Э. Шульц умер 22 октября 1851 г. Похоронен на Сионском протестантском кладбище в Иерусалиме.

Его письма к К. Риттеру и другим учёным, а также его записные книжки с результатами исследований в Галилее были использованы для подготовки новой карты региона [28, s. 1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Л.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения и современная археология Иерусалима // Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М.: Индрик, 2022. С. 15–36.
2. Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. М.: Индрик, 2015.
3. Bohlen P., van. Die Genesis historisch-kritisch erläutert. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Bornträger, 1835.
4. Champollion M. L'Égypte sous les Pharaons, ou Recherches sur la géographie, la religion, la langue, les écritures et l'histoire de l'Égypte avant l'invasion de Cambyse. Tome Premier. Description Géographique. Introduction. Paris: De l'Imprimerie de J.H. Peyronard, 1 Mars 1811.
5. Clermont-Ganneau C.S. Archaeological Researches in Palestine During the Years 1873–1874, translated from the French by J. McFarlane. Vol. 2. London: Palestine Exploration Fund, 1896.
6. Conder C.R., Kitchen H.H. The Survey of Western Palestine: Memoirs of the Topography, Orography, Hydrography, and Archaeology. Vol. 2. Sheets VII–XVI: Samaria. London: Committee of the Palestine Exploration Fund, 1882.
7. Die Deutsche Morgenländische Gesellschaft 1845–1895. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1895.
8. Gadow H. Mittheilungen über die gegenwärtigen Terrain verhältnisse in und um Jerusalem // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 3 (1849). S. 35–45.
9. Gage W.-L. The Life of Carl Ritter: Late Professor of Geography in the University of Berlin. New York: Charles Scribner and C°, 1867.
10. Gorem H. Edward Robinson, Eli Smith and the Cartography of Berghaus and Kieprt // Mapping the Holy Land. The Foundation of a Scientific Cartography of Palestine. London; New York, 2017. Pp. 5–55.
11. Guérin V. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine, accompagnée de cartes détaillées, par M.V. Guérin. Part 2: Samarie. T. 1. Paris: L'Imprimerie Nationale, 1874.
12. Guérin V. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine, accompagnée de cartes détaillées, par M.V. Guérin. Part 2: Samarie. T. 2. Paris: L'Imprimerie Nationale, 1875.
13. Hanno B. Carl Ritter, genius of geography: on his life and work. Bad Godesberg: Inter Nationes, 1979.
14. Hirschfeld Y. Some findings on Prussian and Ottoman policies in Palestine during the 1840s based on the writings of dr. Gustav E. Schultz, the first prussian vice-consul to Jerusalem 1842–1851 // Palestine in the late Ottoman period: political, social, and economic transformation / Ed. by David Kushner. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi, 1986. Pp. 263–279.
15. Jaubert C., Spach E. Illustrationes Plantarum Orientalium. Vol. 1–5. Parisiis: Apud Roret Bibliopolam, 1842.
16. Lengerke C., von. Das Buch Daniel. Verdeutscht und ausgelegt von Dr. Caesar von Lengerke Professor der Theologie zu Königsberg in Pr. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Bornträger, 1835.
17. Lengerke C., von. Kenáan: Volks und Religionsgeschichte Israel's. T. 1. Theil Kenáan Volks und Religionsgeschichte bis zum Tode des Josua. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Bornträger, 1844.

18. Mazar A. Excavations at Tel Beth Shean 1989–1996. Vol. 1. From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period. Jerusalem: Israel Exploration Society / Hebrew University of Jerusalem, 2006.
19. Mazar A. Excavations at Tel Beth Shean 1989–1996, Vol. 2. The Middle and Late Bronze Age Strata in Area R Jerusalem: Israel Exploration Society / Hebrew University of Jerusalem, 2007.
20. Quatremère E. Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines. Recueillis et extraits des manuscrits coptes, arabes, etc. de la Bibliothèque impériale. T. 1. Paris: F. Schoell Libraire, 1811.
21. Ritter K. The Comparative Geography of Palestine and the Sinaitic Peninsula Translated and Adapted to the Use of Biblical Students by W.L. Gage. Vol. 2. Edinburgh: T. & T. Clark, 1866.
22. Schultz E.G. Jerusalem. Eine Vorlesung von Dr. Ernst Gustav Schultz, Königlich Preufsischem Consul in Jerusalem. Berlin: Simon Schropp & C°, 1845.
23. Schultz E.G. Mittheilungen über eine Reise durch Samarien und Galilaea // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 3 (1849). S. 46–62.
24. Schulz E.W. Reise in das gelobte land im jahre 1851 von E.W. Schulz. Mülheim an der Ruhr: F.H. Nieten, 1855.
25. Tobler T. Denkblätter aus Jerusalem von Dr. Titus Tobler. St. Gallen; Konstanz, 1853.
26. Wolff Ph. Jerusalem. Nach eigener Anschauung und den neuesten Forschungen geschildert von Dr Philipp Wolff Evangelischem Stadtpfarrer zu Rottweil Mit 36 Illustrationen und einem Grundriß von Jerusalem. Leipzig: Verlagsbuchhandlung von J.J. Weber, 1857.
27. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 1. 1847.
28. Zimmermann C. Geographische Analyse zu dem Versuch einer Construction der Karte von Galiläa nebst den Beikärtchen des Gebirges Gilboa, des Felsens Dschafat und der Kreuzfahrer-Feste Accon. Vornämlich herausgegeben nach den Forschungen des verstorbenen Dr. Ernst August Schulz, ehemals Königl. Preuss. Consul in Jerusalem. Berlin: Dietrich Reimer, 1861.

Ernst Gustav Schulz — Scholar-Diplomat and Explorer of the Holy Land

Kirill Alekseevich Vakh — Researcher at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Chief Executive Officer of the Indrik Publishing House, Head of the project “History of the Russian Consulate in Jerusalem: 1858–1914”. (19–09–41008).

E-mail: K_vach@mail.ru

The article attempts to reconstruct the unknown scientific biography of one of the pioneers in the study of Palestine, the first Prussian consul in Jerusalem, E.G. Schultz. Based on the analysis of the materials involved, the participation of the Prussian government in setting scientific tasks and providing conditions for the scientific study of the Biblical region is shown. Systematic collection of information and fixation of monuments of the Age of the Crusades make it possible to draw a conclusion about the existence of Prussian property interests in the Holy Land, which were based on archaeological evidence. The works of other German scholars involved in the governmental program of research in the Holy Land, together with E.G. Schulz, have been used as sources to clarify the contribution of the consul to the study of biblical topography and Israeli monuments in Galilee, as well as his role in the construction of new modern maps of the area.

Keywords: Byzantine Palestine, Greek and Latin descriptions and testimonies, early Byzantine source studies

REFERENCES

1. Belyaev L.A., Chekhanovets Ya. Russkie raskopki u khrama Voskreseniya i sovremennaya arkhologiya Ierusalima // Belyaev L.A., Vakh K.A., Chekhanovets Ya. Russkie raskopki u khrama Voskreseniya v Ierusalime: istochniki, diskussii, sovremennaya interpretatsiya. M.: Indrik, 2022. S. 15–36 (in Russian).
2. Smirnova I.Yu. Rossiya i Angliya v Svyatoi Zemle v kanun Krymskoi voyny. M.: Indrik, 2015 (in Russian).
3. Bohlen P., van. Die Genesis historisch-kritisch erläutert. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Bornträger, 1835.
4. Champollion M. L'Égypte sous les Pharaons, ou Recherches sur la géographie, la religion, la langue, les écritures et l'histoire de l'Égypte avant l'invasion de Cambyse. Tome Premier. Description Géographique. Introduction. Paris: De l'Imprimerie de J.H. Peyronard, 1 Mars 1811.
5. Clermont-Ganneau C.S. Archaeological Researches in Palestine During the Years 1873–1874, translated from the French by J. McFarlane. Vol. 2. London: Palestine Exploration Fund, 1896.
6. Conder C.R., Kitchener H.H. The Survey of Western Palestine: Memoirs of the Topography, Orography, Hydrography, and Archaeology. Vol. 2. Sheets VII–XVI: Samaria. London: Committee of the Palestine Exploration Fund, 1882.
7. Die Deutsche Morgenländische Gesellschaft 1845–1895. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1895.
8. Gadow H. Mittheilungen über die gegenwärtigen Terrain verhältnisse in und um Jerusalem // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 3 (1849). S. 35–45.
9. Gage W.-L. The Life of Carl Ritter: Late Professor of Geography in the University of Berlin. New York: Charles Scribner and C°, 1867.
10. Gorem H. Edward Robinson, Eli Smith and the Cartography of Berghaus and Kieprft // Mapping the Holy Land. The Foundation of a Scientific Cartography of Palestine. London; New York, 2017. Pp. 5–55.
11. Guérin V. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine, accompagnée de cartes détaillées, par M.V. Guérin. Part 2: Samarie. T. 1. Paris: L'Imprimerie Nationale, 1874.
12. Guérin V. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine, accompagnée de cartes détaillées, par M.V. Guérin. Part 2: Samarie. T. 2. Paris: L'Imprimerie Nationale, 1875.
13. Hanno B. Carl Ritter, genius of geography: on his life and work. Bad Godesberg: Inter Nationes, 1979.
14. Hirschfeld Y. Some findings on Prussian and Ottoman policies in Palestine during the 1840s based on the writings of dr. Gustav E. Schultz, the first prussian vice-consul to Jerusalem 1842–1851 // Palestine in the late Ottoman period: political, social, and economic transformation / Ed. by David Kushner. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi, 1986. Pp. 263–279.
15. Jaubert C., Spach E. Illustrationes Plantarum Orientalium. Vol. 1–5. Parisiis: Apud Roret Bibliopolam, 1842.
16. Lengerke C., von. Das Buch Daniel. Verdeutscht und ausgelegt von Dr. Caesar von Lengerke Professor der Theologie zu Königsberg in Pr. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Bornträger, 1835.
17. Lengerke C., von. Kenáan: Volks und Religionsgeschichte Israel's. T. 1. Theil Kenáan Volks und Religionsgeschichte bis zum Tode des Josua. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Bornträger, 1844.
18. Mazar A. Excavations at Tel Beth Shean 1989–1996. Vol. 1. From the Late Bronze Age IIB to the Medieval Period. Jerusalem: Israel Exploration Society / Hebrew University of Jerusalem, 2006.
19. Mazar A. Excavations at Tel Beth Shean 1989–1996, Vol. 2. The Middle and Late Bronze Age Strata in Area R Jerusalem: Israel Exploration Society / Hebrew University of Jerusalem, 2007.
20. Quatremère E. Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines. Recueillis et extraits des manuscrits coptes, arabes, etc. de la Bibliothèque impériale. T. 1. Paris: F. Schoell Libraire, 1811.

21. Ritter K. The Comparative Geography of Palestine and the Sinaitic Peninsula Translated and Adapted to the Use of Biblical Students by W.L. Gage. Vol. 2. Edinburgh: T. & T. Clark, 1866.
22. Schultz E.G. Jerusalem. Eine Vorlesung von Dr. Ernst Gustav Schultz, Königlich Preussischem Consul in Jerusalem. Berlin: Simon Schropp & C°, 1845.
23. Schultz E.G. Mittheilungen über eine Reise durch Samarien und Galilaea // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 3 (1849). S. 46–62.
24. Schulz E.W. Reise in das gelobte land im jahre 1851 von E.W. Schulz. Mülheim an der Ruhr: F.H. Nieten, 1855.
25. Tobler T. Denkblätter aus Jerusalem von Dr. Titus Tobler. St. Gallen; Konstanz, 1853.
26. Wolff Ph. Jerusalem. Nach eigener Anschauung und den neuesten Forschungen geschildert von Dr Philipp Wolff Evangelischem Stadtpfarrer zu Rottweil Mit 36 Illustrationen und einem Grundriß von Jerusalem. Leipzig: Verlagsbuchhandlung von J.J. Weber, 1857.
27. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 1. 1847.
28. Zimmermann C. Geographische Analyse zu dem Versuch einer Construction der Karte von Galiläa nebst den Beikärtchen des Gebirges Gilboa, des Felsens Dschafat und der Kreuzfahrer-Feste Accon. Vornämlich herausgegeben nach den Forschungen des verstorbenen Dr. Ernst August Schulz, ehemals Königl. Preuss. Consul in Jerusalem. Berlin: Dietrich Reimer, 1861.

Индекс УДК 902/904

Код ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-101-111

**В.В. ЦЫСЬ,
О.П. ЦЫСЬ***

Палестинские чтения как форма культурно-просветительской работы епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского Общества с середины 1890-х по 1917 год

В статье рассмотрены основные направления культурно-просветительской деятельности епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского Общества в середине 1890-х – 1917 г., заключавшиеся в организации чтений о Святой Земле и русском паломничестве. В проведении Палестинских чтений выделены четыре этапа: 1) 1894–1896 гг.; 2) 1897–1905 гг.; 3) 1906 – первая половина 1914 г.; 4) середина 1914 – начало 1917 г. Отмечено, что наибольших масштабов данная работа достигла в первые годы XX в. Показана постепенная эволюция тематики религиозно-нравственных чтений для народа, в которую посвящённые Святой Земле сюжеты включаются в качестве одного из органических элементов. Обозначены проблемы и недостатки, с которыми приходилось сталкиваться при подготовке чтений: растущая конкуренция со стороны других просветительских, общественно-политических и иных организаций, исчерпание тематики, отсутствие координации по распространению наиболее эффективных приёмов просветительской работы. Делается вывод, что Палестинские чтения способствовали распространению духовного просвещения, росту паломничества в Святую Землю.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское Общество, епархиальные отделы, Палестинские чтения, Святая Земля, православные общественные организации, культурно-просветительская работа

* **Цысь Валерий Валентинович** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории комплексного исследования социальных систем Нижневартковского государственного университета, главный научный сотрудник МАУ «Экоцентр» г. Мегион, руководитель проекта «Палестинские чтения как форма культурно-просветительской работы региональных отделов Императорского Православного Палестинского Общества в середине 1890-х – 1917 г.» (21-09-41001).

E-mail: tsysv@rambler.ru

Цысь Ольга Петровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и документоведения Нижневартковского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: tsyso@rambler.ru

Публичные лекции, собеседования, вечера уже в период либеральных реформ Александра II становятся одними из важнейших внешних проявлений возрастающей общественной активности. Распространение просвещения, повышение уровня грамотности населения постепенно сформировали потребность в полезном досуге, в чтении, привели к росту спроса на дешёвые книги «для простого народа». К тому же постепенно ослабевал государственный контроль за проведением публичных мероприятий. Открывшиеся возможности и возникающие запросы следовало направить в конструктивное русло, нацелить на утверждение в народе духовных нравственных ценностей путём совместной деятельности государства и Русской православной церкви, поддержанной здоровыми общественными силами.

Одной из популярных форм религиозного просвещения в конце XIX в. становятся Палестинские чтения, проводившиеся епархиальными отделами Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) – старейшей православной общественной организации, созданной ещё в 1882 г. и сохранившейся до настоящего времени.

Историография и источники

Изучаемая тема находила преимущественно фрагментарное отражение в трудах по истории некоторых епархиальных отделов (см., напр.: [1–6]). Один из разделов монографии М.Ю. Нечаевой и В.П. Микитюка посвящён «религиозному просветительству» [7, с. 89–139]. В вышедшей в 2022 г. коллективной монографии, где исследовано влияние Святой Земли на формирование и сохранение русской идентичности, делаются выводы об успехе в распространении знаний о Палестине епархиальных отделов ИППО на территории Белоруссии и Сибири [8]. Специальные

исследования по заявленной проблематике построены на материалах Вятской, Олонецкой, Оренбургской, Харьковской, Донской епархий [9–13]. Однако в целом история такого направления деятельности епархиальных отделов, как Палестинские чтения, не освещалась сколько-нибудь последовательно и систематически.

Основой для исследования вопросов, связанных с организацией, проведением и результатами Палестинских чтений, послужила делопроизводственная документация ИППО, как опубликованная, так и хранящаяся в архивах. Использованы ежегодные отчёты почти 50 епархиальных отделов за период с середины 1890-х гг. до начала 1917 г. (изучено около 400 отчётов) (ил. 1).

Из Архива внешней политики Российской империи (Ф. 337/2 – РИППО) извлечены журналы и протоколы заседаний Совета ИППО, документы об издании и рассылке материалов для Палестинских чтений, письма разных лиц секретарям ИППО В.Н. Хитрово и А.А. Дмитриевскому. Впервые вовлечена в научный оборот переписка по вопросам деятельности епархиальных отделов секретаря канцелярии ИППО В.Д. Юшманова с различными корреспондентами, хранящаяся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей (Ф. 120 – РИПО).

Основные этапы, особенности проведения Палестинских чтений

Хотя первые епархиальные отделы были созданы в 1893 г. (Якутский и Одесский), их задачей являлось увеличение сбора пожертвований на нужды русских паломников и православных Святой Земли. В отчёте Черниговского отдела за 1895–1896 отчётный год (далее – о.г.) она называлась «главной» и по сути единственной¹. В первом годовом отчёте Волынского отдела указывалось, что основное внимание уделялось приготовлению прихожан к Вербо-

¹ См.: Отчёт о деятельности Черниговского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за второй год его существования (с марта месяца 1895 г. по март 1896 г.). Чернигов, 1896. С. 3.

ному сбору¹, в Вятском отделе – приглашению сотрудников («уполномоченных») для сбора пожертвований² и т.п.

Первые Палестинские чтения были проведены весной 1894 г. в Черниговском и Томском отделах ИППО, а со следующего 1895–1896 о.г. (начинался с 1 марта) они были организованы уже в 9 из 12, а ещё через год – в 17 из 19 отделов. Поначалу чтения на палестинскую тематику носили единичный характер и проводились без системы. Потом возникла необходимость шире распространить этот опыт, охватить им не только губернские и уездные центры, но и сельскую местность. Соответственно можно выделить организационный этап, когда происходило осознание значимости Палестинских чтений как основной формы работы епархиальных отделов, где культурно-просветительская функция выходила на первый план. Этот этап в целом продолжался до 1895–1896 о.г. включительно, хотя в некоторых епархиях он мог затянуться и на более длительный срок.

Если изначально чтения были на периферии внимания руководства ИППО, то постепенно приходило понимание их важности для популяризации знаний о Святой Земле в различных слоях русского общества. В разделе отчётов ИППО «Деятельность отдела» чтения стали выноситься на первое место. Так, на отчёте за 1897–1898 о.г. «против результатов производимых Отделами публичных чтений о Св. Земле», вел. кн. Сергей Александрович начертал: «Надо бы такие чтения всячески поощрять»³.

Краткая информация об основных, наиболее важных направлениях и результатах работы ИППО приводится в ежегодных всеподданнейших докладах на имя императора. О епархиальных отделах в пер-

Ил. 1. Обложка отчёта Пермского епархиального отдела ИППО за 1905–1906 о. г.

вый раз упоминается в докладе от 31 января 1898 г., но опять же в контексте роста доходов благодаря распространению сведений о целях и задачах организации (Там же. Д. 41. Л. 73.). Относительно подробная информация о Палестинских чтениях впервые приводится в докладе от 8 февраля 1901 г. (Там же. Д. 42. Л. 48). Примечательна и резолюция Николая II на документе: «Прочёл с удовольствием» (Там же. Л. 47). Как следствие, в докладе Совета ИППО его председателю о работе в 1902–1903 о.г. ознакомление населения с прошедшим и настоящим Св. Земли называется наиболее важной, заслужива-

¹ Отчёт о деятельности Волынского Отдела за время с 2 января 1894 года по 1 марта 1895 года // Волынские епархиальные ведомости. 1895. № 14. Часть офиц. С. 294.

² Отчёт Вятского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1894–1895-й год. Вятка, 1895. С. 9.

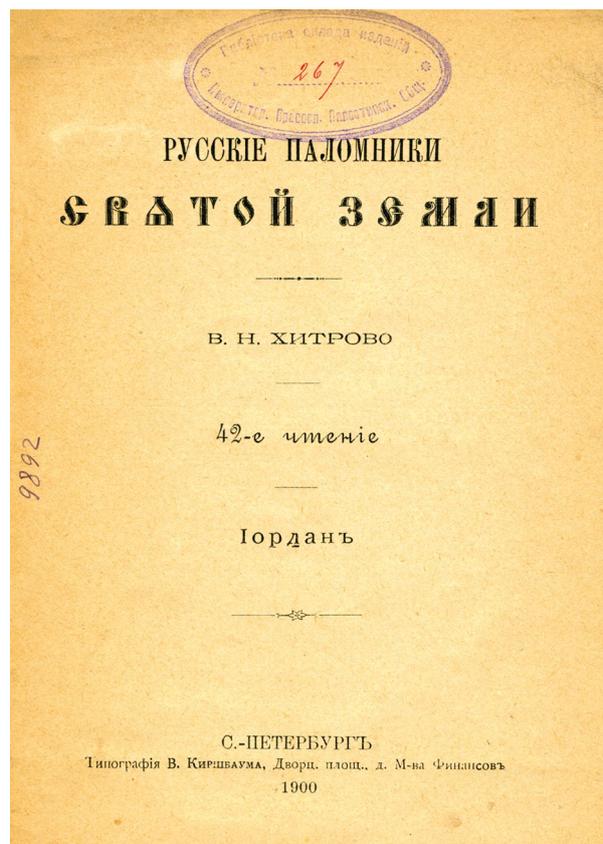
³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 337/2. Оп. 3. Д. 6. Л. 141–141об.

Ил. 2. Описание Святой Земли по протоиерею Н.А. Елеонскому. Общее понятие о Святой Земле. 1-е чтение. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1896 (обложка)

ющей особого внимания и поощрения стороной деятельности епархиальных отделов¹, а целью в отчёте за тот же год указывается «оторвать человека от житейской суеты, возбудить и укрепить его религиозное чувство»². Данные тезисы в том или ином виде повторялись и позднее в годовых отчётах ИППО³.

Местами проведения чтений являлись архиерейские дома, духовные семинарии, а круг посетителей был достаточно узок. С конца XIX в. происходит расширение как аудитории слушателей, так и географии за счёт образовательных учреждений и храмов. Разнообразнее становится и освещаемая тематика.

Ил. 3. Русские паломники Святой Земли. В.Н. Хитрово. 42-е чтение. Иордан. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900 (1-я стр.)

В качестве источника информации лекторы на первых порах использовали оказавшиеся доступными изданные ранее различными организациями и лицами материалы, а с 1896 г. начинается публикация серии изданий («чтений», «бесед», «листочков»), специально предназначенных для рассказов о Святой Земле (ил. 2, 3). Редакторские, контролирующие функции по их подготовке и выпуску взял на себя В.Н. Хитрово. Следует указать на тщательный подбор авторов текстов. Каждый из них имел, как правило, образование не ниже духовной академии, опыт публикации научных и научно-популярных статей, проповеднической или преподавательской деятельности.

¹ Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. М., 2020. Т. 3. Ч. 1. С. 269.

² Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1902/3 году. СПб., 1904. С. 28.

³ См., напр.: Общее годовое собрание Императорского Православного Палестинского Общества 20 апреля 1914 года // Сообщения ИППО. 1914. Т. XXV. Вып. 2. С. 226.

На *втором этапе* (1897–1905 гг.) наблюдается достижение максимальных показателей по числу как чтений, так и слушателей. Хотя храмы и являлись распространёнными местами их проведения, нужно отметить, что по объективным причинам это ограничивало тематику лекций и собеседований, формы подачи информации. Здесь невозможно было использовать проекционные аппараты или же сочетать религиозно-нравственные и светские жанры. В этом отношении оптимальным и наиболее подходящим вариантом оставались школы. Главные преимущества светских помещений – возможность более свободного, неформального общения с лектором и привлечение средств визуализации. К последним в рассматриваемый период относились так называемые волшебные фонари, демонстрировавшие «туманные» («световые») картины с видами Святой Земли, сюжетами из Библии, результатами деятельности ИППО по поддержке и развитию русского паломничества (ил. 4, 5).

Выстраивается тесное взаимодействие православных общественных организаций, включая ИППО, при проведении различных мероприятий, тем более, что их членами зачастую выступали одни и те же люди, а общее руководство осуществлялось епархиальным архиереем или его доверенным лицом.

В начале XX в. появилась, а в период после Первой русской революции широко распространилась практика рассылки по приходам полученных из Санкт-Петербурга готовых однотипных пакетов с вложенными в них печатными воззваниями и литературой. Посредниками в дальнейшем распространении служили духовные консистории, епархиальные братства, епархиальные училищные советы, попечительства о народной трезвости, но чаще всего благочинные.

На *третьем этапе* (1905 – первая половина 1914 г.) снижаются абсолютные показатели, характеризующие работу епархиальных отделов. В этот период

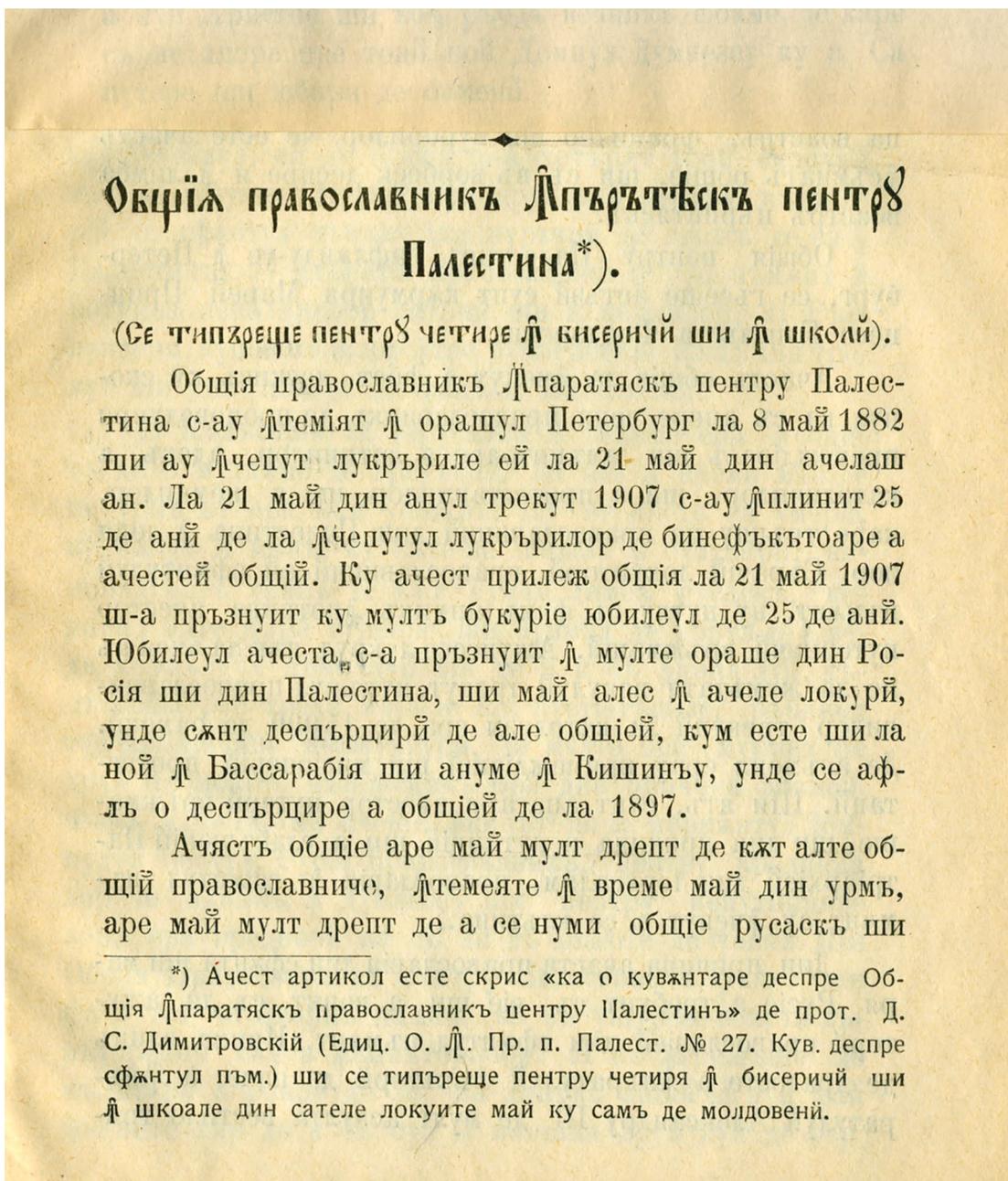

Ил. 4. «Жертвоприношение Авраама». Диапозитив цветной. Штмп чернилами «Всероссийская выставка, серебряная медаль, 1896 г., из Н-Новгорода». Из коллекции ИППО для временного пользования к чтению о Св. Земле, Вып. 10, 11. Государственный музей истории религии. Фонд «НВВР». № 1064/11

Ил. 5. «Возвращение Назаретского каравана». Диапозитив цветной. Из коллекции ИППО. Государственный музей истории религии. Фонд «НВВР». № 1064/992

Палестинские чтения включаются в систему религиозного, духовно-нравственного просвещения, организуемого приходским духовенством, происходит дифференциа-

Ил. 6. Пархомович А.М. Императорское Православное Палестинское Общество. Оттиск из журнала «Лумин торюл». 1909. № 1. С. 63 (на молдавском языке)

ция отделов по данным показателям: в одних снижение (Новгородский, Полтавский, Томский), в других — стабилизация (Вологодский, Вольнский, Кишинёвский, Черниговский), в третьих — рост (Минский, Оренбургский, Пензенский, Тульский) (ил. 6).

Каковы масштабы Палестинских чтений? Подсчёты их общего числа отличались приблизительностью, что замечали и составители отчётов ИППО. Тем не ме-

нее обобщающие сведения выглядят следующим образом (табл.).

После 1905–1906 о.г. ни в отчётах ИППО, ни в докладах на Высочайшее имя уже не предпринимаются попытки привести обобщающую статистику по чтениям, а ограничиваются показателями лишь некоторых епархиальных отделов. Однако подсчёты показывают, что в масштабах всей страны число слушателей стабилизировалось, оставаясь вплоть до начала Пер-

Таблица

Палестинские чтения, проведённые епархиальными отделами¹

Отчётный год	Число		
	местностей	чтений	слушателей
1897–1898	–	более 500	от 100 до 200 тыс.
1898–1899	–	–	от 0,5 до 1 млн
1899–1900	–	до 8 000	2 000 000
1900–1901	–	35 000	около 5 000 000
1901–1902*	2 617	18 779	2 353 894
1902–1903	более 5000	до 30 000	свыше 5 000 000
1903–1904	326 городов и 4891 селение	34 070 (в городах — 3756, в селениях — 30 314)	3 690 849
1904–1905	–	–	около 4 000 000
1905–1906	–	более 20 000	2 500 000

* по 29 из 42 отделов.

вой мировой войны в пределах нескольких миллионов в год.

Едва ли не ключевой вопрос, определявший успех Палестинских чтений, — формы подачи и содержание материалов. С самого начала лекторы ограничивались произнесением текстов по полученным из Канцелярии ИППО брошюрам («чтениям» и «беседам»). Новизна сообщаемой информации, её живая связь со знакомыми с детства по Священному Писанию образами производили впечатление, особенно на неискущённого слушателя. В качестве методических приёмов следует упомянуть пересказ прочитанного на прошлом собеседовании, упрощение некоторых текстов с целью лучшего восприятия малообразованными слушателями. В целом же можно выделить следующие основные формы организации и проведения Палестинских чтений.

1. В храмах после окончания богослужений. По сути напоминало проповедь на соответствующую тематику, проводилось священником. В тех епархиальных отделах, которые в отчётах приводили большие показатели по чтениям, данная форма преобладала. Фактически это были внебогослужебные собеседования для всех пришедших на службу прихожан, а иногда они воспринимались как часть или продолжение богослужения.
2. В учебных заведениях, общественных и – реже – производственных помещениях, где могли уже использоваться технические средства, а также шире привлекаться музыкальное и хоровое сопровождение. Здесь могли устраиваться собственно чтения и «чтения-концерты».
3. Собеседования в форме свободного общения, обмена мнениями и ответами

¹ Составлено по: Общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 8 апреля 1901 г. // Сообщения ИППО. 1901. Т. XII. № 1. С. 20; Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1901/02 году // Сообщения ИППО. Т. XIII. СПб., 1902. Приложения. С. 28; Доклад Совета ИППО председателю Общества великому князю Сергею Александровичу о деятельности епархиальных отделов ИППО в 1902/1903 отчётном году // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 2-х т. М., 2000. Т. I. С. 375–380; Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 12 декабря 1904 г. // Сообщения ИППО. Т. XVI. СПб., 1905. С. 350; Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 4 декабря 1905 г. // Сообщения ИППО. 1906. Т. XVII. Вып. 1. С. 119; Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 17 декабря 1906 г. // Сообщения ИППО. 1907. Т. XVIII. Вып. 1. С. 108; АВПРИ. Ф. 337/2. Оп. 13. Д. 357. Л. 215об.

на интересующие присутствующих вопросы для сравнительно небольшого числа специально подобранной публики, преимущественно учащихся или части прихожан.

Определённое значение имело сопровождение чтений совместным пением слушателей или исполнением специально приглашённого хора. Последнее встречалось значительно реже и только в особо торжественных случаях. Важным атрибутом Палестинских чтений стало применение доступных для того времени технических средств. Визуализация образов Святой Земли, а также основных направлений деятельности ИППО по организации русского паломничества играли огромную роль в закреплении полученных сведений в сознании слушателей чтений.

Четвёртый этап (вторая половина 1914 – начало 1917 г.) связан со сворачиванием Палестинских чтений, наблюдавшимся в большинстве епархиальных отделов в годы Первой мировой войны. В то же время для некоторых отделов они по-прежнему оставались важнейшим направлением культурно-просветительской работы.

Проблемы в организации и проведении чтений

Сдерживающими факторами служили постепенное исчерпание тематики чтений, растущая конкуренция со стороны других общественных, политических и иных организаций, которые также проводили чтения и иные мероприятия для широкой публики, а также то обстоятельство, что интересные находки, приёмы, предложенные и внедрённые в практику теми или иными епархиальными отделами, не анализировались и не обобщались, не становились предметом всеобщего внимания и тиражирования. Лишь в первое время сама новизна темы Святой Земли и русского паломничества могла привлечь слушателей. В дальнейшем требовалось предпринимать немалые усилия, чтобы это внимание поддерживать. Основной массив литерату-

ры, вспомогательных материалов, которые можно было бы использовать для подготовки Палестинских чтений, публиковался в течение первых 5–7 лет после создания епархиальных отделов. Затем рассчитывать на кардинальное обновление фонда изданий было уже затруднительно, что создавало существенную проблему для организаторов чтений. На снижение внимания к Палестинским чтениям повлияли и объективные причины: периодически повторяющиеся спады в русском паломничестве в Св. Землю из-за эпидемий и войн (итало-турецкой и балканских), начало Первой мировой войны, переключившее внимание российского общества на более актуальные проблемы борьбы с внешним врагом.

Можно также указать на большой разрыв в масштабах использования проекционной техники в крупных городах и деревне. Для большинства жителей сельской глубинки туманные картины всё ещё оказывались недоступны как средство усвоения и закрепления сведений о Палестине и русском паломничестве. Обеспечить повсеместное распространение весьма сложной для своего времени в обслуживании и недешёвой по стоимости аппаратуры с необходимым запасом иллюстративного материала ИППО оказалось не под силу, несмотря на огромный объём проделанной его руководством работы по подготовке и выпуску изображений на палестинскую тематику. Здесь нам видится весьма характерное для российского общества предреволюционного периода проявление неравномерности воздействия на его отдельные группы достижений современной цивилизации, включая такие, как новые формы получения и усвоения информации.

Заключение

Можно выделить три основных направления влияния Палестинских чтений: духовно-нравственное, научно-просветительское, материально-экономическое. Оно выражалось в лучшем понимании слушателями Евангельских текстов,

в борьбе с самозванными сборщиками с Афона и Палестины, в непосредственном воздействии на решение отправиться в паломничество. Важным представляется и тот факт, что тема Палестины органически включается в систему работы, проводимой Русской православной церковью в начальной школе и на приходах. В целом нельзя не отметить значитель-

ный вклад епархиальных отделов ИППО в распространение духовного просвещения [14].

Лекции и беседы на религиозно-нравственную тематику, открывавшие новые, ранее неизвестные страницы истории христианства и церкви, вызывали большой интерес со стороны слушателей различных званий, сословий и возрастов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б., Житенёв С.Ю. Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения. К 140-летию Императорского Православного Палестинского Общества. К 115-летию образования Московского отдела. М.: Индрик, 2021.
2. Матвеева Е.С. Орловский отдел Императорского Православного Палестинского общества во второй половине XIX – начале XX века // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5 (55). С. 15–19.
3. Тихон (Затекин), архим. История создания и деятельности Нижегородского отдела Императорского Православного Палестинского общества // Нижегородская старина. 2017. Вып. 51–52. С. 118–143.
4. Урванцева Н.Г. Олонецкий отдел Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX – начале XX века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7–2 (160). С. 44–48.
5. Хижняк Я.Г. История Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского общества // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2019. № 1 (11). С. 54–59.
6. Шушканова Е.А. История Императорского Православного Палестинского Общества в Енисейской губернии (1898–1917 гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 190–195.
7. Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М.: Индрик, 2014.
8. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XXI в.: Коллективная монография / М.С. Шаповалов и др. СПб.: Нестор-История, 2021.
9. Половникова М.Ю. Чтения о Святой земле Вятского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: вопросы организации и проведения // Общество. Наука. Инновации (НПК–2018): Сборник статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции: В 3 т. Т. 3. Киров: Изд-во ВятГУ, 2018. С. 641–646.
10. Сулова Е.Д. Палестинские чтения на северо-западной полиэтничной окраине Российской империи в политике государства и церкви в конце 1890 – начале 1910-х гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. № 3. С. 499–510.
11. Потехина Д.К. Проведение Палестинских чтений в Харьковской епархии в 1904–1917 гг. // Россия и мир: история и современность: X Всероссийская (с международным участием) конференция студентов и молодых учёных (Сургут, 22 апреля 2022 г.). Сургут, 2022. С. 22–24.
12. Потехина Д.К. Организация Оренбургским отделом Палестинского общества массовых духовно-нравственных чтений в середине 1890-х – 1917 г. // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, НВГУ, 5–6 апреля 2022 г.). Нижневартковск: изд-во НВГУ, 2022. С. 230–236.

13. Шарков И.Г., Томилина Л.Б. Палестинские чтения на Дону в конце XIX – начале XX века: история, динамика и социокультурное значение для региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 3. С. 63–80.
14. Цысь В.В., Цысь О.П. Палестинские чтения как форма культурно-просветительской работы епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества в середине 1890-х – 1917 г. М.: Индрик, 2023.

Palestinian Readings as a Form of Cultural and Educational Work of Diocesan Departments of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Middle of the 1890s–1917

Valery Valentinovich Tsys – Doctor of Historical Sciences (PhD), Professor of the Department of Russian History and Document Science, Leading Researcher of the research laboratory of the complex study of social systems of Nizhnevartovsk State University, Chief Researcher of the Municipal Autonomous Institution “Ecocenter” in Megion, Head of the project “Palestinian Readings as a Form of Cultural and Educational Work of Regional Departments of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Mid-1890s–1917” (21–09–41001).
E-mail: tsysv@rambler.ru

Olga Petrovna Tsys – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History and Document Science of Nizhnevartovsk State University, Project Manager of the same project.
E-mail: tsyso@rambler.ru

The article deals with the main directions of cultural and educational activities of diocesan departments of the Imperial Orthodox Palestine Society in the mid-1890s – 1917, which consisted of the organization of readings about the Holy Land and Russian pilgrimage. Four stages are distinguished in the organization of the Palestinian readings: 1) 1894–1896; 2) 1897–1905; 3) 1906 – the first half of 1914; 4) mid-1914 – early 1917. It is noted that this work reached its greatest scale in the first years of the twentieth century. The gradual evolution of the themes of religious and moral readings for the people is shown, in which subjects devoted to the Holy Land are included as one of the organic elements. The problems and shortcomings encountered in the preparation of the readings are outlined: growing competition from other educational, socio-political and other organizations, lack of topics, lack of coordination in the spread of the most effective methods of educational work. It is concluded that the Palestinian Readings contributed to the spread of spiritual enlightenment, the growth of pilgrimage to the Holy Land.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, diocesan departments, Palestinian Readings, Holy Land, Orthodox public organizations, cultural and educational work

REFERENCES

1. Lisovoi N.N., Butova R.B., Zhitenyov S.Yu. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v Moskve: iz istorii Moskovskogo otdeleniya. K 140-letiyu Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. K 115-letiyu obrazovaniya Moskovskogo otdela. M.: Indrik, 2021 (in Russian).
2. Matveeva E.S. Orlovskii otdel Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2013. № 5 (55). S. 15–19 (in Russian).

3. Tikhon (Zatekin), arkhim. Istoriya sozdaniya i deyatel'nosti Nizhegorodskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva // Nizhegorodskaya starina. 2017. Vyp. 51–52. S. 118–143 (in Russian).
4. Urvantseva N.G. Olonetskii otdel Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v kontse XIX – nachale XX veka // Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 7–2 (160). S. 44–48 (in Russian).
5. Khizhnyak Ya.G. Istoriya Penzenskogo otdeleniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva // Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi dukhovnoi seminarii. 2019. № 1 (11). S. 54–59 (in Russian).
6. Shushkanova E.A. Istoriya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Eniseiskoi gubernii (1898–1917 gg.) // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: Materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ivanovo: Ivanovskii gos. un-t, 2019. S. 190–195 (in Russian).
7. Nechaeva M.Yu., Mikityuk V.P. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v kul'turnoi srede rossiiskoi provintsii. M.: Indrik, 2014 (in Russian).
8. Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XXI v.: Kollektivnaya monografiya / M.S. Shapovalov i dr. SPb.: Nestor-Istoriya, 2021 (in Russian).
9. Polovnikova M.Yu. Chteniya o Svyatoi zemle Vyatskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: voprosy organizatsii i provedeniya // Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK–2018): Sbornik statei XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: V 3 t. T. 3. Kirov: Izd-vo VyatGU, 2018. S. 641–646 (in Russian).
10. Suslova E.D. Palestinskie chteniya na severo-zapadnoi polietnichnoi okraine Rossiiskoi imperii v politike gosudarstva i tserkvi v kontse 1890 – nachale 1910-kh gg. // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. 2022. T. 16. № 3. S. 499–510 (in Russian).
11. Potekhina D.K. Provedenie Palestinskikh chtenii v Khar'kovskoi eparkhii v 1904–1917 gg. // Rossiya i mir: istoriya i sovremennost': X Vserossiiskaya (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsiya studentov i molodykh uchyonykh (Surgut, 22 aprelya 2022 g.). Surgut, 2022. S. 22–24 (in Russian).
12. Potekhina D.K. Organizatsiya Orenburgskim otdelom Palestinskogo obshchestva massovykh dukhovno-nravstvennykh chtenii v seredine 1890-kh – 1917 g. // XXIV Vserossiiskaya studentskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Nizhnevartovsk, NVGU, 5–6 aprelya 2022 g.). Nizhnevartovsk: izd-vo NVGU, 2022. S. 230–236 (in Russian).
13. Sharkov I.G., Tomilina L.B. Palestinskie chteniya na Donu v kontse XIX – nachale XX veka: istoriya, dinamika i sotsiokul'turnoe znachenie dlya regiona // Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2022. T. 15. № 3. S. 63–80 (in Russian).
14. Tsys' V.V., Tsys' O.P. Palestinskie chteniya kak forma kul'turno-prosvetitel'skoi raboty eparkhial'nykh otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v seredine 1890-kh – 1917 g. M.: Indrik, 2023 (in Russian).

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Индекс УДК 94 (47)

Код ГРНТИ 03.23.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-112-122

С.Ю. ЖИТЕНЁВ*

История развития паломничества русских православных богомольцев в Святую Землю в XIX – начале XX века

Представленная статья основана на научном исследовании «История русского православного паломничества в XIX в.», которое было проведено по гранту РФФИ и по замыслу автора является продолжением его известной монографии «История русского православного паломничества в X–XVII веках», изданной в 2007 г.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с историей русского православного паломничества к святым местам Вселенского Православия в XIX столетии. В тысячелетней истории русского православного паломничества богомольные путешествия в XIX в. занимают особое место и во многом отличались от предшествующих столетий, прежде всего, своей массовостью. На основе изучения архивных и литературных источников анализируются причины значительного увеличения паломнических потоков в Святую Землю именно в тот период. Автор предлагает рассмотреть основные аспекты истории паломничества в XIX в. с позиции как внутренней, так и внешней политики Российской империи. Особое значение в развитии паломничества во второй половине столетия играло Императорское Православное Палестинское Общество.

Ключевые слова: Святая Земля, русское паломничество, Российская империя, Палестина, Иерусалим, Императорское Православное Палестинское Общество, Османская империя

В тысячелетней истории русского православного паломничества богомольные путешествия в XIX в. занимают особое место и во многом отличаются от предшествующих столетий. Это связано, прежде всего, с изменивши-

мися внешними условиями. В результате военных побед русской армии над турецкими войсками были заключены в XVIII–XIX вв. мирные договоры между Российской империей и Османской Портой, в которых появились статьи, напря-

* **Житенёв Сергей Юрьевич** — историк и культуролог, советник директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, руководитель Научной секции МОО «ИППО», руководитель проекта «История русского православного паломничества в XIX в.» (20-09-41002).

E-mail: zhitenev@bk.ru

мую связанные с безопасностью и определением юридического статуса русских паломников. Большое значение для развития как внутреннего, так и зарубежного русского паломничества имело появление транспортных средств на паровой тяге: паровозов и паровозов, которые были намного надёжнее и быстрее, чем парусные корабли и гужевой транспорт. При этом необходимо отметить, что в XIX в. в Российской империи интенсивно строились дороги и мосты, которые связывали между собой не только различные населённые пункты, но монастыри и храмы, а также морские порты, из которых богомольцы могли направляться к святым местам Вселенского Православия.

Также росло благосостояние жителей Российской империи, поэтому дорогую паломническую поездку в Москву, Санкт-Петербург и Киев, а тем более в Константинополь, Иерусалим и Афон могли уже позволить себе не только дворяне, купцы и монахи, но также крестьяне и мещане, простые городские жители и сельские священники. Развитие российской паспортной системы также создавало возможность для легальных путешествий с паломническими целями.

Здесь уместно отметить, что современные исследователи иногда пишут о том, что в результате османского железного занавеса выездное паломничество в Святую Землю в конце XVIII – начале XIX в. практически прервалось, а в Российской империи внутреннее паломничество было очень слабым и почти иссякло в связи с тем, что крестьяне были прикреплены к месту своего проживания и не имели возможности путешествовать, в том числе с паломническими целями. Такой подход – явное упрощение, не имеющее ничего общего с реальной действительностью.

Безусловно, крепостное право существенно ограничивало возможности для передвижения крестьян по территории России, но помещики отпускали своих крепостных не только на заработки в города, но и на совершение богомолья, осо-

бенно к местночтимым святым местам и источникам. Возможности для путешествий с паломническими целями внутри страны и за рубеж имели также купцы, ремесленники, рабочие, мещане, отставные офицеры и солдаты, а также государственные крестьяне, проживавшие на Русском Севере, Урале и Сибири. Некоторые из них, обладающие литературными талантами, писали воспоминания о своих богомольных путешествиях, которые были напечатаны или дошли до нашего времени в виде рукописей.

Военные действия между Российской империей и Османской Портой, которые велись в первой половине XIX в., безусловно, являлись важной помехой для совершения паломнических путешествий к святым местам Вселенского Православия. Однако неизбывное стремление русских православных людей посетить Святую Землю и Афон преодолевало все препятствия и сложности дальнего пути и позволяло нашим паломникам достигать Иерусалима и поклоняться Гробу Господню.

Исследование охватывает период от начала правления императора Александра I Павловича и практически до окончания царствования императора Николая II Александровича и подразделяется на три большие части. Первая часть включает историю паломничества в первой половине XIX в. до начала Крымской войны, которая связана с важнейшими вехами русского присутствия в Святой Земле – созданием Русского дипломатического консульства и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Вторая часть охватывает 1856–1882 гг., – время начала Великих реформ в Российской империи и зарождения феномена Русской Палестины. Третья часть распространяется на период 1882–1914 гг. – время деятельности Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) до начала Первой мировой войны.

Автор рассматривает внешнюю политику Российской империи на Ближнем Востоке, которая была связана с защитой интересов христиан на территории Осман-

Ил. 1. Великий Князь Константин Николаевич, председатель Палестинского Комитета в 1859–1862 гг.

ской Порты, а также с поддержкой русских паломников, совершавших богомольные путешествия к святым местам Вселенского Православия. В XIX в. зарубежные паломнические путешествия совершали многие известные отечественные деятели науки, искусства и литературы России, которые отразили в своих произведениях образы Святой Земли, евангельские сюжеты земной жизни Спасителя и Богородицы, а также историю и повседневную жизнь народов, живших в тот период на Ближнем Востоке. Русские деятели науки и культуры внесли весомый вклад в изучение древних цивилизаций региона и развитие культуры местных народов. В середине и второй половине XIX в. началось массовое паломничество русских людей в Святую Землю, была создана Русская Палестина, комплекс российских построек в Иерусалиме, а позже — образовано ИППО, которое помогало паломникам совершать путешествия к святыням Вселенского Православия.

Большинство русских богомольцев совершали в первой половине XIX в. палом-

нические путешествия в Палестину из различных русских черноморских городов в Константинополь, продолжая так называть Стамбул, столицу Османской империи. На кораблях, как правило, из Одессы они прибывали в Царьград и приходили в русскую дипломатическую миссию для получения османских паспортов и обмена денег, чем занималась коммерческая канцелярия посольства. «Для приёма паломников при миссии был построен специальный дом, однако мест на всех не хватало, и прибывшие размещались на прибрежных греческих судах на набережной Перы. Паломники могли довольно долго ожидать австрийских пароходов, следовавших в Яффу» [1, с. 268]. Поэтому финансовая помощь, которую малоимущим паломникам оказывало посольская канцелярия, имела существенное значение и спасала русских паломников от голодной смерти или порабощения. «Имевшиеся на руках русских путешественников “султанские грамоты” (фирманы) выполняли функцию “охранных грамот” (аманов) <...> Фирманы с вписанными в них именами обеспечивали лицам, ими обладающим, большую степень безопасности, поскольку на документе стояла печать султана» [2, с. 156].

Богатые русские паломники, как правило, путешествовали в Святую Землю через Европу: на корабле или на поезде они доезжали до Германии, далее через территорию Австрийской империи добирались до портовых городов, расположенных на побережье Адриатического или Средиземного моря, откуда на кораблях шли в Грецию, Египет и Палестину.

Общее количество русских православных паломников, ежегодно направлявшихся в Святую Землю в первой половине XIX в., колебалось, по данным русских дипломатов, служивших в Константинополе, от 100 до 250 человек в год. В основном это были бедные люди из крестьян и городских жителей, для которых паломническое путешествие было тяжёлым и в то же время радостным испытанием веры и личного благочестия. Большую помощь в поддер-

жании русских православных паломников на их пути к святым местам Вселенского Православия оказывали русское посольство в Константинополе, консульства в Бейруте и Яффе. Сотрудники этих зарубежных дипломатических учреждений Российской империи заботились о быте и организации путешествий богомольцев, оказывали им при необходимости финансовую помощь.

В 1847 г. начала свою деятельность Русская Духовная Миссия (РДМ) в Иерусалиме. В 1858 г. в Иерусалиме впервые было открыто российское дипломатическое консульство. Деятельность всех этих учреждений была направлена, прежде всего, на поддержку русских богомольцев, которые приезжали с паломническими целями в Святую Землю.

Победы русских войск и старания отечественных дипломатов принесли свои плоды. Если в 30–40 гг. XIX в. число наших паломников насчитывало десятки, иногда сотни человек в год, то «сразу после Крымской войны начинается настоящий паломнический бум» [3, с. 18]. Начиная

с середины XIX в. тысячи русских паломников ежегодно стали посещать Святую Землю. В этот период духовная устремлённость простых верующих людей к святыням Православного Востока совпала с интересами российской имперской геополитики.

Чтобы компенсировать неблагоприятные для России последствия Крымской войны, в ходе которой русская армия потерпела поражение, была выдвинута идея «формирования сферы собственных интересов в Святой Земле» [4, с. 109]. Удобным средством для этого как раз и стали в то время развитие и организация массового паломничества к святым местам Палестины. Эти идеи были разработаны и выдвинуты Великим Князем Константином Николаевичем¹ (ил. 1), выдающимся отечественным реформатором и сподвижником Императора Александра II Николаевича Освободителя² в деле государственных преобразований в России. В начале 1856 г. в окружении Великого Князя Константина Николаевича

¹ Константин Николаевич (1827–1892), Великий Князь из Императорского Дома Романовых, выдающийся российский государственный и военный деятель, паломник в Святой Земле, генерал-адмирал, председатель Государственного Совета Российской империи в 1865–1881 гг., второй сын Императора Николая I Павловича и Императрицы Александры Фёдоровны, брат и соратник Императора Александра II Николаевича, известный государственный и военно-морской деятель. Назначенный ещё в детском возрасте генерал-адмиралом, он всю жизнь посвятил русскому военному флоту и его преобразованию. В 1845 г., будучи командиром парового фрегата «Бессарабия» и находясь в плавании по Средиземному морю, он совершил паломничество на Святую Гору Афон. В 1852 г. Константин Николаевич был назначен товарищем (заместителем) начальника Главного морского штаба, в 1855 г. — управляющим флотом и Морским министерством (на правах министра). В 1859 г. совершил государственный визит в Османскую империю. В ходе большого плавания с посещением Палермо, Мессины, Неаполя, Пирея, Яффы, Бейрута совершил с супругой Великой Княгиней Александрой Иосифовной и сыном Николаем паломничество в Иерусалим и Святую Землю. По возвращении в Россию назначен председателем Палестинского Комитета, созданного в марте 1859 и руководившего возведением Русских построек в Иерусалиме (занимал этот пост до отъезда в Польшу в 1862). Инициатор и активный участник реформ Императора Александра II. В 1860 г. — председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1861–1881 гг. — председатель Главного комитета по устройству сельского состояния, в 1862–1863 гг. — наместник в Царстве Польском, в 1865–1881 гг. — председатель Государственного совета Российской империи. В 1880–1881 гг. он содействовал В.Н. Хитрову в организации Православного Палестинского Общества. Почётный член ИППО с 1882 г.

² Александр II Николаевич Освободитель (1818–1881), Император Всероссийский в 1855–1881 гг. из династии Романовых, старший сын Императора Николая I Павловича и Императрицы Александры Фёдоровны. Он начал эпоху Великих реформ, положивших конец крепостническому строю и направленных на уничтожение сословных противоречий. Первым в ряду главнейших преобразований Императора стала отмена крепостного права в 1861 г. Реформы коснулись практически всех сторон жизни государства и общества. Внутренние и внешние войны в период его правления были победоносными. Во внешней политике на Ближнем Востоке проводил линию по поддержанию Православия и развитию русского православного паломничества в Святую Землю. Император был убит террористами на Екатерининском канале в Санкт-Петербурге.

Ил. 2. Архимандрит Антонин (Капустин),
начальник РДМ в Иерусалиме

ча был подготовлен масштабный проект по созданию российской инфраструктуры в Святой Земле для развития русского паломничества и поддержки Православия на Ближнем Востоке.

В 1856 г. была создана общественная организация Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), занимавшееся перевозкой русских паломников из Одессы и других черноморских городов в Яффу. Здесь уместно будет обратить внимание на то, что дирекция РОПиТ создала по всему Средиземноморью систему агентств, в которых работали представители пароходства.

О деятельности агентов РОПиТ Великий Князь Константин Николаевич писал Министру иностранных дел Российской

империи князю А.М. Горчакову следующее: «Директор Общества Пароходства в Чёрном море Н.А. Новосельский предполагает в непродолжительном времени отправиться на Архипелаг, Сирию и Средиземное море для назначения, между прочим, агентов Общества в разных местах. Подобный агент в Иерусалиме будет иметь предметом заботиться о наших богомольцах и для успеха его действий было бы весьма полезно придать ему какое-либо дипломатическое значение...»¹.

В 1857 г. возобновилась деятельность РДМ в Иерусалиме, которая была создана ещё в 1847 г., но из-за военных действий в период Крымской войны была эвакуирована из Палестины. В 1858 г. в Иерусалиме впервые было открыто российское дипломатическое консульство. Первым русским августейшим паломничеством в Святую Землю стало прибытие в Иерусалим Великого Князя Константина Николаевича с семьёй² в 1859 г. Августейшее паломничество оказалось поворотным моментом во внешней политике России в Палестине: у нашего государства появились на Ближнем Востоке «собственные интересы», т.е. оно приобрело крупные земельные участки, на которых стало возводить храмы и подворья для русских православных паломников. В 1859 г. в Санкт-Петербурге был образован «Комитет для принятия мер по устройству богоугодных заведений для православных поклонников» (Палестинский комитет), преобразованный в 1864 г. в Палестинскую комиссию при Азиатском департаменте МИД России.

Весомый вклад в развитие паломничества сделала РДМ в Иерусалиме и особенно один из её начальников архимандрит Антонин (Капустин)³ (ил. 2), выдающийся церковный дипломат, писатель

¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Т. II. 1857. Д. 51. Л. 53.

² Вместе с Великим Князем Константином Николаевичем в паломническом путешествии в Иерусалим принимали участие его супруга Великая Княгиня Александра Иосифовна и старший сын Николай.

³ Антонин (Капустин) (1817–1894), архимандрит, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1865–1894 гг., известный церковный дипломат, историк, археолог, археограф, византист, востоковед, нумизмат, писатель, паломник. Он был одним из выдающихся создателей Русской Палестины в Святой Земле.

Ил. 3. Троицкий собор Русской Духовной Миссии в Иерусалиме

и учёный. Он был начальником Миссии в 1865–1894 гг. и более сорока лет отдал служению интересам России на Православном Востоке. Благодаря трудам архимандрита Антонина были приобретены и обустроены 14 земельных участков. Их суммарная стоимость оценивалась в конце XIX в. в один миллион золотых рублей. На этих участках по его проектам воздвигнуты три храма (Вознесенский — на Елеоне, Казанский — в Горнем, святого Апостола Петра и праведной Тавифы — в Яффе), построены шесть странноприимных домов для русских паломников (в Хевроне, Иерихоне, Тивериаде, на Елеоне, в Горнем и Яффе), в Горнем и на Елеоне основаны

женские монастыри. Стараниями архимандрита Антонина русским достоянием стал один из важнейших библейских символов — Мамврийский дуб в Хевроне.

В октябре 1872 г. в ходе длительной ознакомительной поездки по Османской империи Святую Землю посетил Великий Князь Николай Николаевич Старший¹, будущий герой освободительной Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Паломничество Великого Князя сыграло существенную роль: были проведены важные переговоры с султаном Османской империи Абд аль-Азизом², укрепившие русское влияние в Палестине, освящён Троицкий собор (ил. 3), тем самым в целом завершён

¹ Николай Николаевич Старший (1831–1891), Великий Князь из Императорского Дома Романовых, российский военный и государственный деятель, паломник в Святой Земле; третий сын Императора Николая I Павловича и Императрицы Александры Фёдоровны; генерал-фельдмаршал (1878). Именовался Старшим с 24 ноября 1856 г. для отличия от родившегося тогда его первого сына, наречённого тем же именем. Член Государственного совета (1855) и почётный член Императорской Академии наук. В 1872 г. он в составе многочисленной свиты совершил паломничество в Святую Землю. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Николай Николаевич был главнокомандующим русской армией на Балканах. После 1880 г. он по болезни в государственных делах не участвовал.

² Абд аль-Азис (1830–1876), султан Османской империи в 1861–1876 гг. из рода Османов.

Ил. 4. Великий Князь Сергей Александрович,
Председатель ИППО в 1882–1905 гг.

первый этап строительства Русских построек в Иерусалиме. С тех пор в Иерусалиме паломники из России могли слушать богослужение на привычном церковнославянском языке.

Особое значение имело августейшее паломничество в Святую Землю Великих Князей Сергея¹ (ил. 4) и Павла² Александровичей и их двоюродного брата Константина Константиновича³ 21–31 мая 1881 г. Между Великими Князьями и архимандритом Антонином сложились тёплые и доверительные отношения. Искренний интерес Сергея Александровича к русско-палестинским проблемам позволил в следующем, 1882 г., создать в Санкт-Петербурге под его председательством Православное Палестинское Общество, впоследствии получившее почётное добавление к названию – «Императорское»⁴. За несколько лет интенсивной и продуктивной деятельности ИППО успешно реализовало ряд важных научных, паломнических и строительных проектов. Поэтому 24 марта 1889 г. Указом Императора Алек-

¹ Сергей Александрович (1857–1905), Великий Князь из Императорского Дома Романовых, выдающийся российский государственный и общественный деятель, пятый сын Императора Александра II Николаевича и Императрицы Марии Александровны, генерал-лейтенант, один из учредителей и первый Председатель Императорского Православного Палестинского Общества, паломник в Святой Земле. С 1884 г. супруг Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, старшей сестры Императрицы Александры Фёдоровны. С 1887 г. командир Лейб-гвардейского Преображенского полка. С 1891 г. генерал-губернатор Москвы, с 1896 г. командующий Московским Военным округом. Дважды совершал паломничество в Святую Землю, неоднократно поклонялся отечественным святыням. Погиб в Москве от бомбы, брошенной в него террористом.

² Павел Александрович (1860–1919), Великий Князь из Императорского Дома Романовых, младший, шестой сын Императора Александра II Николаевича и Императрицы Марии Александровны, генерал от кавалерии, паломник. Совершил паломничество в Святую Землю в 1881 г. После Февральской революции 1917 г. уволен от службы. Расстрелян большевиками в Петрограде.

³ Константин Константинович (1858–1915), Великий Князь из Императорского Дома Романовых, сын Великого Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Иосифовны, государственный и общественный деятель, паломник, известный переводчик и поэт (литературный псевдоним КР). Он был главным начальником военно-учебных заведений России, генералом от инфантерии, избран почётным членом по разряду изящной словесности в 1882 г. и президентом Императорской Академии наук в 1889–1915 гг. В 1881 г. он совершил путешествие в Святую Землю, в 1882 г. избран почётным членом ИППО.

⁴ Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) — российская общественная организация, учреждённая в 1882 г. по высочайшей воле Императора Александра III Александровича с целью поддержания Православия в Святой Земле, организации и помощи русским паломникам в их путешествиях в Палестину и пребывании в ней, а также научной и гуманитарной деятельности. Инициатором создания общества был В.Н. Хитрово. Первым председателем Общества стал Великий Князь Сергей Александрович, после его трагической смерти в 1905 г. ИППО возглавила его супруга, преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. После 1917 г. ИППО сохранилось в виде Российского Палестинского общества в составе Академии наук СССР. В 1992 г. Общество восстановило своё историческое название и продолжило традиционную деятельность в России и Святой Земле.

Ил. 5. Сергиевское подворье ИППО в Иерусалиме

сандра III Александровича¹ Палестинская комиссия при Азиатском департаменте МИД была упразднена, её функции, капиталы и имущества, в том числе подворья в Иерусалиме (ил. 5) и другая российская недвижимость в Святой Земле, были переданы ИППО. Таким образом, взамен не всегда согласованной деятельности разноместных российских учреждений – Духовной миссии, Консульства и Палестинской комиссии – была создана новая, более удобная и отвечающая потребностям времени организационная система обеспечения русских паломников в Святой Земле.

ИППО уникально по своему значению в истории отечественной и зарубежной культуры. Уставные задачи Общества – содействие паломничеству в Святую Землю, научное палестиноведение и гуманитарно-

просветительное сотрудничество с народами стран Библейского региона, поддержка Православия на Ближнем Востоке – тесно связаны с традиционными духовными и культурными ценностями русского народа и приоритетами российской внешней политики. Одним из главных источников финансирования Общества был так называемый Вербный сбор, т.е. церковные пожертвования верующих, проходивший ежегодно во всех храмах Российской империи в Вербное Воскресенье.

К 1914 г. в ИППО состояли около трёх тысяч членов, его отделы действовали в 52 губерниях Российской империи. Обществу принадлежало 28 земельных участков (26 – в Палестине и по одному – в Ливане и Сирии) общей площадью более 23,5 га. В 24 учебных заведениях Общества в Палестине обучались 1576 человек, в 77 школах

¹ Александр III Александрович (1845–1894), Император Всероссийский в 1881–1894 гг. из династии Романовых, второй сын Императора Александра II Николаевича и Императрицы Марии Александровны. В 1882 г. державной волей Государя было создано Императорское Православное Палестинское Общество. Он лично руководил внешней политикой Российской империи и содействовал укреплению её влияния на Ближнем Востоке.

Сирии и Ливана – 9974 ученика. Подворья и странноприимные дома, принадлежавшие Обществу в Палестине, одновременно вмещали до шести тысяч паломников.

В конце XIX – начале XX в., за несколько десятилетий до начала Первой мировой войны, произошёл всплеск богомольного интереса русских православных паломников к святыням Вселенского Православия, находившимся в Европе, и в первую очередь, в Италии. М.Г. Талалай писал, что до этого периода «паломничества на Запад были единичны и выбивались из общего русла благочестивых путешествий россиян. Христианский Восток воспринимался как свой, единоверный (с рядом оговорок), чего нельзя было сказать о католическом и тем более о протестантском Западе. Даже путеводители по святым местам Европы появились только на рубеже XIX–XX вв., причём их составителям приходилось проделывать кропотливый труд по выявлению истинно «православных» святынь. Однако к началу XX в. естественное влечение православных христиан к множеству святынь, находящихся на италийской земле, вылилось в массовое паломничество» [5, с. 38–39]. При этом надо заметить, что ИППО так же, как и на Ближнем Востоке, оказывало помощь русским богомольцам и в Италии, в частности в Бари, где благодаря Обществу накануне Первой мировой войны было построено православное подворье с храмом во имя св. Николая Чудотворца и странноприимным домом.

В начале XX в. из-за войны России с Японией и революционных волнений паломничество к святым местам Вселенского Православия стало менее интенсивным и массовым. После окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции 1905–1907 гг. постепенно начало восстанавливаться русское православное паломничество в Святую Землю, которое к 1909–1910 о.г. достигло почти 9 тысяч человек, посетивших Палестину в течение года, из которых свыше 6 тысяч прибыли в Иерусалим на праздник Святой Пасхи.

В конце XIX – начале XX в. паломничество в Святую Землю по линии ИППО стало необыкновенно популярным среди преподавателей и учащихся высших и средних учебных заведений России. Поездки в Палестину групп учащейся молодёжи во главе с преподавателями получили название «экскурсий». Особенно многочисленными были паломнические «экскурсии» русской молодёжи летом 1909 г. Тогда в Иерусалим прибыли семь групп учащихся и преподавателей из Санкт-Петербурга, Москвы, Петергофа, Саратова, а также ещё несколько сборных групп преподавателей из разных городов России.

В 1910–1911 о.г. на подворьях ИППО в Святой Земле проживали 8994 паломника, из них 5003 богомольца прибыли одновременно к празднику Святой Пасхи. В течение года Общество устроило путешествия 27 паломнических караванов, охраняемых вооружёнными проводниками, к месту крещения Христа на р. Иордан, в Назарет, на гору Фавор и Тивериадское озеро. Общее число паломников, принявших участие в этих караванах, превысило 10 тысяч. Каждый такой караван сопровождали священники для совершения церковных треб, а также фельдшер с походной аптечкой для оказания медицинской помощи заболевшим паломникам.

В 1912 г. Император Николай II Александрович собственноручно написал на докладе о работе Общества за 1910–1911 о.г. Председателя ИППО Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны (ил. 6) следующую резолюцию: «Вполне одобряю Совет в намерении его и в дальнейшем усовершенствовать быт паломников. Необходимо ему помочь в этом деле. Николай» [6, с. 253]. Высочайшее внимание Государя к деятельности ИППО по развитию русского православного паломничества стало выражением государственной поддержки масштабной работы Общества в Святой Земле по поддержанию отечественного богомолья.

В 1910–1914 гг. почти каждое из русских военных судов, находившихся в плавании по Средиземному морю, считало своей свя-

Ил. 6. Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна, Председатель ИППО в 1905–1917 гг.

щенной обязанностью посетить Яффский порт, откуда судовая команда, как правило, поделившись на группы, направлялась в Иерусалим для поклонения Гробу Господню и другим святым местам Палестины.

К 1914 г. подворья и странноприимные дома, принадлежавшие ИППО в Палестине, одновременно вмещали до 6–7 тысяч паломников. Общество реально добилось снижения стоимости паломнического путешествия из Российской империи в Святую

Землю, благодаря этому Палестину и Афон ежегодно по линии ИППО посещали от 2 до 10 тысяч человек. Деятельность Общества по направлению и приёму православных богомольцев, прибывавших в Иерусалим, продолжалась до июля 1914 г.

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, вследствие этого остановилось выездное зарубежное паломничество русских людей к святым местам Вселенского Православия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцева Е.П. Русские на Босфоре: русское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010. – 348 с.
2. Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османно-русских отношений. (1774–1847 гг.). М.: Индрик, 2018. – 512 с.
3. Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Русское паломничество в Святую Землю в XIX–XX вв. // Каталог выставки «1000 лет русского паломничества». М.: ГИМ, 2009. С. 18–23.
4. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006 г.
5. Талалай М.Г. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011.
6. Летопись Палестинского Общества. // СИППО. Т. XXIII. Вып. II. СПб., 1912. С. 228–254.

History of the Development of Russian Orthodox Pilgrimage to the Holy Land in the 19th – Early 20th Centuries

Sergey Yurievich Zhitenev – Historian and Culturologist, Advisor to the Director of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev, Head of International Public Organization "Imperial Orthodox Palestine Society", Project Manager of the "History of Russian Orthodox Pilgrimage in the 21st century" (20–09–41002).

The article is based on the scientific research "The History of Russian Orthodox Pilgrimage in the 21st century", which was conducted supported by the RSIC grant and, as the author intended, is a continuation of his famous monograph "The History of Russian Orthodox Pilgrimage in the 10th – 17th centuries", published in 2007.

The article addresses issues related to the history of Russian Orthodox pilgrimage to the holy sites of Universal Orthodoxy in the 21st century. In the millennial history of Russian Orthodox pilgrimage, the pilgrimage in the 21st century occupies a special place and differed in many respects from the previous centuries, first of all, by its massiveness. Based on the analysis of archival and literary sources, the reasons for the significant increase in pilgrimage flows to the Holy Land in that period are analyzed. The author proposes to consider the main aspects of the history of pilgrimage in the 21st century from the perspective of both domestic and foreign policy of the Russian Empire. The Imperial Orthodox Palestine Society played a special role in the development of pilgrimage in the second half of the century.

Keywords: Holy Land, Russian pilgrimage, Russian Empire, Palestine, Jerusalem, Imperial Orthodox Palestine Society, Ottoman Empire

REFERENCES

1. Kudryavtseva E.P. Russkie na Bosfore: russkoe posol'stvo v Konstantinopole v pervoi polovine XIX veka. M., 2010 (in Russian).
2. Yakushev M.M. Russkoe pravoslavnoe palomничество na Blizhnii Vostok v kontekste osmano-russkikh otnoshenii. (1774–1847 gg.). M.: Indrik, 2018 (in Russian).
3. Butova R.B., Lisovoi N.N. Russkoe palomничество v Svyatuyu Zemlyu v XIX–XX vv. // Katalog vystavki «1000 let russkogo palomничества». M.: GIM, 2009. S. 18–23 (in Russian).
4. Lisovoi N.N. Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. M., 2006 g. (in Russian).
5. Talalai M.G. Russkaya tserkovnaya zhizn' i khramostroitel'stvo v Italii. SPb., 2011 (in Russian).
6. Letopis' Palestinskogo Obshchestva. // SIPPO. T. XXIII. Vyp. II. SPb., 1912. C. 228–254 (in Russian).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Индекс УДК 94 (47)
Код ГРНТИ 03.23.31; 03.23.55
DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-123-138

И.Ю. СМИРНОВА*

«Дело о ремонте Купола храма Гроба Господня»: дипломатический проект России XIX века

Процесс реконструкции Большого купола храма Гроба Господня в Иерусалиме — так называемое «Дело о Куполе» — является важнейшим проектом русско-французского сотрудничества второй трети XIX в. В условиях острого соперничества великих держав в Святой Земле в период обострения Восточного вопроса, вызванного спором о святых местах между основными христианскими конфессиями (православными греками, католиками и армянами), по инициативе российских светских и церковных дипломатов был осуществлён ремонт Большого купола храма Гроба Господня. В статье прослеживаются несколько этапов этого процесса — от обострения спора о святых местах (1830-е гг.) до заключения соглашения между Францией, Россией и Османской империей о совместном ремонте Купола (5 сентября 1862 г.). Показана роль российской дипломатии в успешном завершении «Дела о Куполе», несмотря на противостояние французской дипломатии и конфессиональное соперничество.

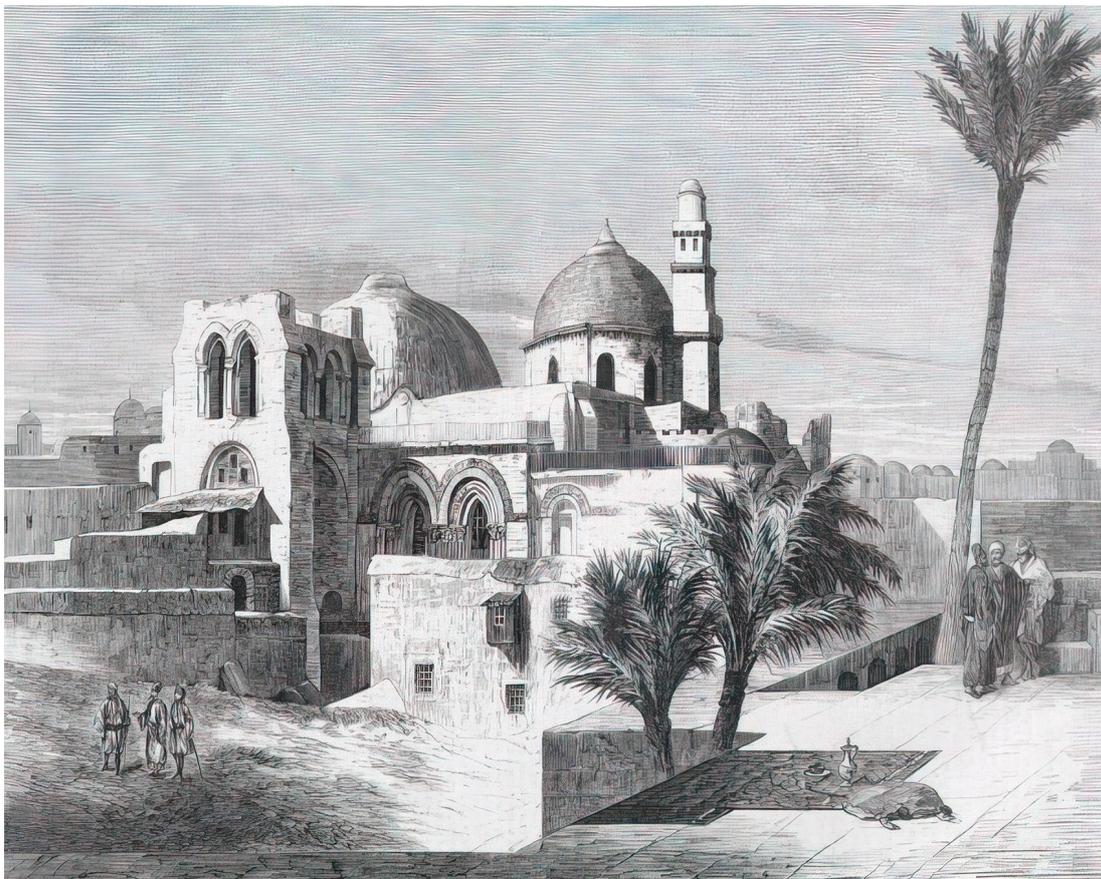
Актуальность исследования определяется тем, что этот проект, являвшийся выдающимся примером международной кооперации, практически не нашёл отражения в историографии. Между тем изучение опыта взаимодействия России и Франции в ближневосточном регионе имеет большое значение в современных условиях.

Ключевые слова: Святая Земля, храм Гроба Господня, Россия, Франция, спор о святых местах

На протяжении веков Святая Земля с её историей и культурой, напластованием памятников и святынь, архитектуры и церковного зодчества оказывается в центре внимания историков, архитекторов, византо-

логов. Не меньший интерес к этому региону проявляют историки дипломатии и политологи, которые рассматривают Сирию и Палестину в качестве одной из основных площадок конкуренции государств и народов в сфере политики и религии.

* **Смирнова Ирина Юрьевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель проекта «Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX вв.)» (19-09-41010).
E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Ил. 1. Храм Гроба Господня в Иерусалиме в первой половине XIX в.

В XIX в. соперничество держав проявлялось не только в дипломатии, но также в области культуры, архитектуры, науки. Одним из ярких примеров европейского (прежде всего российско-французского) взаимодействия и конкуренции является уникальный проект реконструкции Большого купола над ротондой храма Гроба Господня в Иерусалиме, осуществлённой Россией и Францией после Крымской войны в 1862–1869 гг. История этого сотрудничества представляет большой интерес как в связи с её слабой изученностью, так и в силу своей важности для истории российской дипломатии и русского присутствия в Святой Земле. Здесь как в капле воды отразились все аспекты Восточного вопроса: дипломатическое противостояние великих держав, духовное соперничество христианских конфессий, проблема святых мест и совместный вклад держав в сохранение христианских святынь. Большой купол храма Гроба Господня стал одним

из ключевых пунктов в споре о святых местах, приведшем к Крымской войне [1–3].

Процесс реконструкции Купола осуществлялся в течение трех лет (1866–1869). Это был преимущественно архитектурно-строительный период, когда на основе подписанных соглашений архитекторы России и Франции совместно осуществили строительные и художественные работы, завершившиеся торжественным освящением нового Купола в 1869 г. Но этому периоду предшествовала длительная работа представителей двух держав, связанная с усилиями дипломатов по защите и продвижению интересов своих конфессий в деле ремонта Купола [4–6]. Этот период охватывает более трёх десятилетий (1834–1866), и его можно поделить на два этапа: до Крымской войны и после неё.

Первый этап — до Крымской войны

В динамике развития вопроса о святых местах Палестины в первой половине XIX в. главными участниками были армя-

не, католики и православные, интересы последних представляло Святогробское братство в Иерусалиме. К документам, регламентировавшим принадлежность христианских святынь, относились: 1) договор между Францией и Портой 1740 г. (так называемые капитуляции), подтверждавший фирман 1689 г., согласно которому католическим монахам было обеспечено «обладание всеми святыми местами в Иерусалиме в том виде, как они владели ими до тех пор», включая Гроб Господень [7, с. 109]; 2) фирман, выданный грекам в 1757 г., по которому католики утрачивали значительное число принадлежавших им святых мест: храм Гроба Господня, базилику Рождества Христова в Вифлееме и др., а права на них перешли к греческому духовенству.

Отправной точкой спора о святых местах в XIX в. стал пожар в храме Воскресения (1808 г.). За разрешением к султану обратились и греки, и армяне, но в силу фирмана 1757 г. право на ремонт было предоставлено грекам, которые «не только починили купол, но и перестроили весь храм» [8, с. 125] (ил. 1). Но в 1809 г., во время русско-турецкой войны, когда отношения между султаном и православными греками крайне обострились, Порта «из мести к России, как православной» уступила «половину Гефсимании и половину Вифлеема» армянам [9, с. 189–190]. Это привело к обострению спора между греками и армянами о праве владения палестинскими святынями.

В дальнейшем вопрос о святых местах находился в прямой корреляции с внешнеполитической ситуацией. Так, в период египетской оккупации Палестины армянская диаспора в Иерусалиме, располагая большими средствами и пользуясь влиянием в египетском правительстве, стала добиваться особых привилегий по отношению к святым местам, традиционно принадлежавших грекам [10, с. 33–34]. Армяне «убедили султана дать им позволение служить при Гробе Господнем — «право, какого они не имели

Ил. 2. Андрей Николаевич Муравьев

во все предыдущие времена». По словам иерусалимских иерархов, «армяне насильно отняли у нас половину Святого Гроба, потому что никто им не препятствовал в этом» [9, с. 190].

В начале 1830-х гг. А.Н. Муравьев (ил. 2) писал в МИД, что «если не будут ограничены взаимные права трёх конфессий, то каждая захочет исключительно владеть ключами Святого Гроба, а чрез то и целым святилищем». Для предотвращения споров Муравьев считал целесообразным, чтобы «все три исповедания имели у себя свои ключи от храма, или чтобы, подобно как в Вифлееме, каждое из них имело свой особенный вход» [9, с. 223–224].

«Дело о Куполе»

Начало «Делу о Куполе», центральному вопросу европейской дипломатии в Святой Земле на протяжении трёх десятилетий, положило землетрясение 23 мая 1834 г., в результате которого пострадали многие святые места в Палестине: церковь в монастыре Саввы Освященного, церковь св. Иоанна Предтечи; растрескались стены

храмов в Вифлееме и монастыре Святого Креста; на Елеонской горе совершенно разрушилась священная часовня. Пострадали и другие святые места. Значительные разрушения произошли в храме Гроба Господня в Иерусалиме, в том числе был серьёзно повреждён купол его ротонды. Как писал своему представителю в России Патриарх Иерусалимский Афанасий, «Большой каменный свод всечестного храма [Гроба Господня] растреснул так, что едва совсем не упал» [9, с. 185].

С самого начала ремонт Большого купола храма Гроба Господня, главной святыни христианства, воспринимался международной дипломатией как вопрос политический и конфессиональный: кто будет осуществлять ремонт – православные греки как законные владельцы святых мест в Иерусалиме, турки или те, кому турки его поручат. Обновление купола требовало особенной осторожности, потому что «в Иерусалиме, – писал Муравьёв, – обновить какую-либо святыню значит приобрести её во владение» [11, с. 97]. Казалось бы, решения требовала стандартная архитектурно-финансовая задача, однако вопрос о ремонте стал предметом ожесточённых споров между греками, армянами и католиками – трёх Церквей, в совместном владении которых находится храм Гроба Господня.

Святогробское братство в Иерусалиме незамедлительно поставило вопрос о ремонте главного христианского храма. В октябре 1834 г. Иерусалимский Синод через своего представителя, архиепископа Фаворского, обратился к Русской Церкви за материальной помощью. В России был объявлен сбор пожертвований для Иерусалимского престола. В Москве, в ответ на обращение митрополита Московского Филарета, было собрано около шести тысяч рублей. Всероссийский Святейший Синод также принял постановление в пользу сборов для Иерусалимского престола.

Внимание России к бедствиям в Палестине, а главное, доставленные в Иерусалим денежные вспомоществования

склонили правителя Сирии Ибрагима-пашу в пользу православных. Грекам было позволено починить повреждённые землетрясением стены и открыть закрытые ещё по приказанию султана Саладина окна в храме Воскресения.

Признанные за греческим духовенством права на ремонт храма положили начало длительному армяно-греческому конфликту, в разрешении которого приняла участие и Россия [12]. В процессе работ по восстановлению стен храма Рождества Христова в Вифлееме в декабре 1835 г. разгорелись ожесточённые споры между греками и армянами. Армяне ценой крупных бакшишей добились издания фирмана, который отменял действие более ранних султанских грамот, что грозило Иерусалимской Патриархии утратой почти всех святых мест, традиционно принадлежавших православным.

В силу проармянского фирмана 1836 г. армяне не позволили грекам возобновить большой купол Храма Воскресения, сгнивший от ветхости и пострадавший от землетрясения, «воспрепятствовали также возобновить паперть Святого Вифлеема, ищут овладеть святою Гефсиманиею и вообще стараются совершенно выгнать православных из отечественных святых мест и похитить чуждую собственность» [9, с. 192].

Ситуацию удалось переменить в пользу греков благодаря вмешательству российского посольства. В ответ на послания Иерусалимского Патриарха последовала реакция российского МИД, Синода и лично государя императора, и в результате «тайных внушений посланника Бутенева» в начале 1837 г. был издан новый фирман, отменявший действие проармянских фирманов. Однако до начала 1840-х гг. движения новому фирману так и не было дано: одновременно с изданием фирмана иерусалимские власти получили устное распоряжение во всём препятствовать грекам. Двойная игра была характерна для Порты, что с особой силой проявилось в канун Крымской войны.

Ил. 3. Константин Михайлович Базили

Для предотвращения споров о святых местах русское правительство настаивало на издании хатт-и-шерифа, подтверждавшего прежние договоры о принадлежности святых мест. В итоге в начале сентября 1841 г. был издан хатт-и-шериф о проведении ремонтных работ в местах, «которые могут разрушиться и нуждаются в ремонте». В список таких мест входили: Большой купол храма Гроба Господня, Кувуклия, где землетрясением были повреждены несколько камней, коптская церковь позади Гроба Господня; опоры Большого купола, а также места, принадлежавшие армянам и католикам.

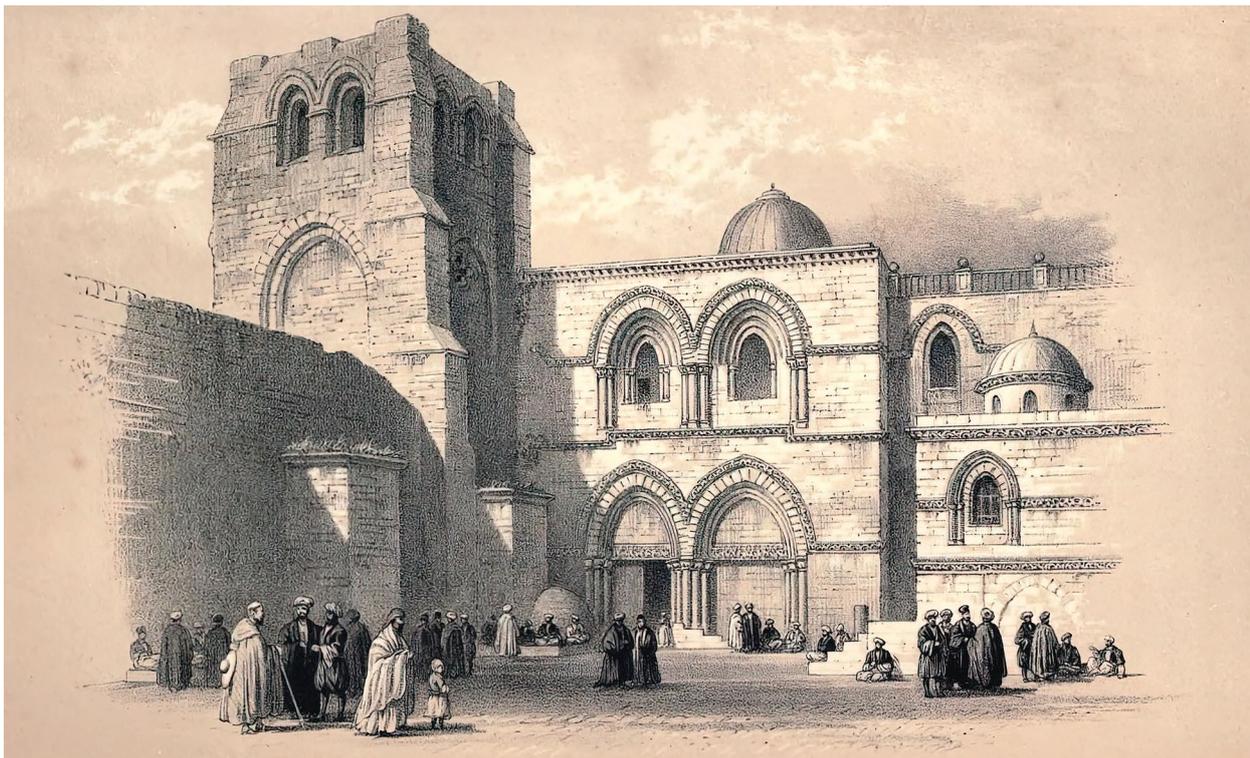
Ремонт и реставрацию указанных мест хатт-и-шериф 1841 г. предоставлял грекам при условии сохранения статус-кво [13] и строжайшего контроля, без каких-либо нововведений и посягательств на святые места. Греки успели осуществить лишь частичный ремонт пострадавших от землетрясения святых мест, который, однако, не коснулся главного предмета спора — повреждённого Купола над храмом Гроба Господня.

Весной 1842 г. наместники Патриарха Иерусалимского писали турецкому комиссару о суммах, потраченных на закупку материалов для ремонта Иерусалимского храма, и о необходимости как можно скорее приступить к работе. В мае 1842 г. в Иерусалим был послан «турецкий чиновник для надзора за починкою купола и за работами в Вифлеемском соборе» [14, с. 355]. Однако дело не сдвинулось с мёртвой точки, так как, помимо армян, в дискуссию включились новые участники — французские дипломаты, поддерживавшие латинское духовенство в их притязаниях на участие в реконструкции.

Позиция французских дипломатов сводилась к требованиям о совместном с греками ремонте Купола. Французские дипломаты настаивали на том, чтобы все имеющиеся у Патриарха султанские фирманы о признании прав на святые места были возвращены для рассмотрения в Иерусалим, т.е. туда, где при египетском правлении влияние французской дипломатии было наиболее эффективным. Более того, они рассчитывали запросить у Порты дополнительные льготы, чтобы выглядеть в глазах окружающих «главными партнёрами по роли и влиянию» [15, л. 18–19об.].

Когда в Иерусалим на Пасху (1844 г.) прибыл российский генконсул в Бейруте К.М. Базили (ил. 3), французский консул граф де Лантиви заявил паше, что если русский генконсул «прибыл сюда для того, чтобы починить купол храма», то он «не позволит ему этой починки». В результате в Иерусалим было доставлено «визирское повеление, воспрещавшее грекам починку купола» [14, с. 675].

В декабре 1844 г. на смену Лантиви консулом в Иерусалим был назначен известный археолог и дипломат Поль Эмиль Ботта — по отзыву Базили, «человек умный и добродетельный, но католик до изуверства». Он говорил: «Римская Церковь никогда не согласится не только на уравнение прав, но даже на признание какого-либо

Ил. 4. Вход в храм Гроба Господня в Иерусалиме. 1845 г.

права схизматикам и еретикам на святыя поклонения»¹ [17] (ил. 4).

Французы впрямую увязывали вопрос о ремонте Купола с общим вопросом о святых местах Палестины. Можно вспомнить известный эпизод с кражей серебряной звезды из греческого алтаря пещеры Воплощения в храме Рождества Христова в 1847 г., что российские дипломаты относили к проявлениям «латинской агрессии». Конечная цель этой кражи состояла в том, чтобы «завладеть алтарём двух других конфессий» [17, с. 380].

В июле 1850 г. французский посланник при Порте бригадный генерал Ж. Опик вручил великому визирю Мухаммеду Али официальную ноту с требованием «восстановить католическое духовенство в его прежних правах и привилегиях на святыя места», ссылаясь на франко-турецкий договор 1740 г. Аналогичные ноты поступили от дипломатических представителей Бель-

гии, Испании, Сардинии, Неаполитании, Португалии и Австрии» [18]. Поднятый католическими дипломатами вопрос Базили расценивал не иначе как повод начать новый процесс по возвращению католикам святых мест, и в первую очередь храма Гроба Господня².

Вопрос о святых местах вступил в фазу дипломатического противостояния Франции и России. Задача российских дипломатов состояла в сохранении прав греков на храм Гроба Господня и Большого купола («Греки не должны уступать права починки, дарованного Портою») и недопущении католикам «хода внутри Купола», иначе, как писал Базили, «террасы смежного монастыря греческого... будут в таком случае полем воздушных сражений между ими и греками». Впрочем, сохранение стабильности в Иерусалиме Базили признавал более важным, чем починку Купола: «Если же мы должны получить отказ, пускай будет

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/1. Д. 743. Л. 129об.

² Там же.

отказано наотрез, но с тем, чтоб это было залогом отказа католикам и всякому, дабы тем обеспечить status quo и предупредить воздушные драки между монахами»¹. Оптимальным вариантом, по мнению Базили, было бы осуществление ремонта силами Порты, к чему склонялось и турецкое правительство.

В сентябре 1851 г. возбуждённое католиками дело о святых местах было представлено на усмотрение султана, и в январе 1852 г. был подписан хатт-и-шериф, который квалифицировал притязания католиков как «безосновательные и несправедливые» и подтверждал статус-кво в вопросе принадлежности святых мест. Казалось бы, «права греков были полностью подтверждены», российские дипломаты торжествовали, но в силу всё той же агрессивной стратегии французской дипломатии церковно-дипломатическая борьба за святые места приобрела характер борьбы европейских дипломатий за политическое преобладание на Османском Востоке [18].

И здесь в полной мере проявилась двойственная позиция Порты, которая из страха перед Францией согласилась, вопреки фирману, удовлетворить два притязания Парижа: разрешить католикам проводить богослужения в Гефсимании внутри пещеры Гробницы Богородицы и передать им «ключ от пещеры Рождества в Вифлеемской базилике, который до этого находился в руках только греков и армян». Ботта настаивал и на передаче ключа от главных врат базилики, что «равнялось праву полной собственности» [17, с. 376–378]. Не обошлось и без прямых угроз: посол Франции Лаваллет заявлял: «Что скажет история, если прольётся кровь и французский флот осадит Сирию за ключ в церковь, в которую всякий христианин должен был бы иметь свободный вход».

Кроме того, обманом и хитростью в приделе Рождества Христова в Вифлеемской базилике в декабре 1852 г. была установлена латинская звезда, переданная туркам

французским посольством в Константинополе. Не был решён и вопрос о ремонте Купола. Как заявил министр иностранных дел Турции Аали-паша российскому поверенному в делах Озерову, «Порта никого не признаёт хозяином на святых местах... и потому намерена перестроить Купол на свой счёт» [19, с. 266].

Как стало известно из дипломатических источников, «католики питают тайную надежду втесниться в Храме со стороны купола, и, по примеру греков, иметь с оным внутреннее сообщение» [18, с. 257]. План католиков состоял в том, чтобы «стать хозяевами террас Святого Гроба и купола», завладеть помещением гарема шейха между куполами, где впоследствии можно было бы «разместить в десять раз больше монахов, чем живёт в Храме» [Там же, с. 380].

25 сентября 1852 г. Афив-бей, присланный из Константинополя по делу о святых местах, совместно с представителями трёх конфессий, осмотрел Купол и храм Гроба Господня. Однако изданный султаном фирман, несмотря на все усилия российских дипломатов, так и не был зачитан в Иерусалиме, а значит, не приобрёл официального статуса. И это произошло отнюдь не «в нарушение султанского повеления», а «с согласия и по повелению султана» [Там же, с. 376–378].

В последних донесениях Озерова в Азиатский департамент МИД усматриваются признаки надвигавшегося конфликта. 15 ноября 1852 г. он писал о «дурном обороте», которое приняло иерусалимское дело: «Дело идёт о совершенном упадке нашего влияния... Порта сделалась биржею. Тут выгоды и влияние покупаются теперь только угрозами...» [Там же, с. 363].

В то же время Базили сообщал о сведениях из Иерусалима, что «эскадра французская из Пирея должна вскоре показаться у здешних берегов. Это равномерно приписывается делу иерусалимскому» [Там же, с. 428]. Ситуация в Константинополе становилась всё более взрывоопасной.

¹ Там же, л. 130–130об.

Ил. 5. Епископ Кирилл (Наумов)

Ил. 6. Вице-канцлер князь Александр Михайлович Горчаков

Уступки Порты католикам (вопреки хатт-и-шерифу 1852 г. и личному обещанию, данному султаном российскому императору) Николай счёл «оскорбительными для Православной Церкви, для России и лично для русского императора». Разочарованный и раздражённый, император вступил в переговоры с британским послом в Петербурге Сеймуром, рассчитывая на союз с Британией в вопросе раздела Османской империи. Спор о святых местах перешёл «из религиозной плоскости в сугубо политическую» [18]. Если в конце 1830-х гг. посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу удавалось сдерживать французских дипломатов и министров Порты, то в середине XIX в. вопрос о святых местах послужил поводом к Крымской войне [20].

В декабре 1853 г. Порты прислала в Иерусалим архитекторов (турка, грека и армянина) «для починки купола над Гробом Господним». Был намечен план работ; од-

нако из-за отсутствия строительных материалов работы так и не начались. Ремонт оказался «замороженным», а Купол продолжал разрушаться.

За годы Крымской войны ситуация усугубилась. «Храм произвёл на меня грустное впечатление, — писал один русский путешественник, — недостроенный Купол, завешанный циновками и полотном в ломотях, бегающие и ругающиеся монахи разных сект. Всё это поражает и глубоко оскорбляет непривычного поклонника» [21, с. 675]. Несколько позже британский консул в Иерусалиме Джеймс Финн писал в Форин Офис: «Купол сейчас представляет собой не только печальное зрелище, но и опасность для близлежащих зданий, а также для самих прихожан»¹. В журнале «Современник» за 1859 г. встречается весьма колоритное описание ситуации, связанной с ремонтом Купола, который, по словам автора, «светился как решето» [22, с. 281].

¹ The National Archives (GB, Kew). FO 78/1521. P. 31–31b.

Второй этап – после Крымской войны

Своё продолжение «Дело о Куполе» получило только после Крымской войны, когда в условиях послевоенного сближения России с Францией «Дело о Куполе» стало поводом и предметом первых проявлений «доброй воли двух императоров» (русского царя Александра II и французского императора Наполеона III) [2, с. 66]. Инициирование этого вопроса архимандрит Антонин (Капустин) приписывал исключительно преосвященному Кириллу (Наумову), назначенному в 1857 г. начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (ил. 5).

В записке по делу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме от 10 февраля 1880 г. о. Антонин писал: «В 1861–1862 гг. вдруг, совсем неожиданно, устроилось в Иерусалиме дело, представлявшееся дипломатам безысходным, неразрешимым и немислимым. Личным соглашением начальника нашей Миссии и тогдашнего французского консула в Иерусалиме устроилось дело перестройки большого купола над Гробом Господним, грозившего ежеминутным и неминуемым падением» [23, с. 668].

О важной роли епископа Кирилла в «Деле о Куполе» говорит и тот факт, что, когда Морское министерство и Палестинский Кабинет потребовали удаления преосвященного Кирилла, МИД пытался отстоять русского епископа ради продолжения начатых переговоров и наблюдения за ходом дела. Были и другие мнения, например, что инициатива принадлежала консулу в Иерусалиме А.Н. Карцову, однако в то время, когда начались переговоры, Карцова ещё не было в Иерусалиме. В связи с этим встаёт вопрос: кто же на самом деле является автором «проекта двух императоров».

Вопрос о реконструкции Купола как дело чрезвычайной важности был внесён в повестку МИД вскоре после окончания войны: к докладу князя А.М. Горчакова «О преобразовании Иерусалимской Духовной Миссии» от 23 марта 1857 г. прилагался проект инструкции Миссии, в по-

следнем пункте которого шла речь о ремонте Купола как о деле крайне срочном и безотлагательном, но до сих пор не решённом (ил. 6).

В Министерстве не верили, что Порта реализует довоенный план по ремонту Купола. Учитывая усиление Франции в Константинополе, наши дипломаты допускали, что на этот раз у Иерусалимской Патриархии не будет возможности осуществить ремонт самостоятельно. «Кажется, придётся грекам согласиться на участие латин в его возобновлении, и здесь посредничество нашей Духовной Миссии будет весьма полезно для соглашения взаимных непомерных требований»¹. В Св. Синоде, мнения которого испрашивал МИД в церковных вопросах на Востоке, находили целесообразным, по аналогии с реставрацией Купола после пожара 1808 г., предоставить починку Купола грекам, поручив российским дипломатам добиться восстановления соответствующего фирмана.

Несмотря на секретность переписки, в Иерусалиме распространялись слухи о том, что русские намерены «отремонтировать или перестроить Большой Купол на свои деньги». Между тем у французского консула к этому времени уже был подготовлен проект перестройки Большого купола, основанный на договоре 1740 г. Направляя план и проект в МИД Франции, консул предполагал рассмотреть два варианта действий: либо в одиночку договориться с Турцией, либо получить на воплощение плана де Баррера согласие всех держав, подписавших Парижский договор. Де Баррер продвигал в Иерусалиме именно второй вариант: привлечение к ремонту Купола и других держав.

Французская дипломатия рассчитывала на коллективное финансирование работ европейскими христианскими державами — гарантами Парижского мира, ставя во главу угла «охранение законных прав своих официальных подопечных — европейского католического духовенства ла-

¹ АВПРИ. Ф. 337/2 (фонд РИППО). Оп. 873/1. Д. 694. Л. 74–82.

Ил. 7. Николай Павлович Игнатьев

тинского обряда». Иными словами предполагался чисто светский проект, исключавший участие Иерусалимской Патриархии, а возможно, и Латинского Патриарха Вальерги. Безусловно, французская дипломатия продвигала прежде всего интересы католиков в Святой Земле.

Из донесения британского консула в Иерусалиме Дж. Финна к послу Великобритании при Порте лорду Г. Бульверу известно, что на протяжении 1859 г. его французский коллега провёл целый ряд переговоров для обсуждения предложенного им проекта. Австрийский консул «согласился принять в нём участие». Британский консул сначала отказывался от вмешательства Великобритании в «Дело о Куполе», но де Баррер в ответ на возражения Финна прибегнул к аргументу, что в стране много английских, ирландских и мальтийских католиков, от которых можно было бы ожидать поступления «большой части пожертвований», а потому он считал привлечение

британского консульства «верным шагом, полезным для всего проекта». В конце концов Финн признал правоту де Баррера и в последующих депешах сообщал, что «в некоторых моментах они с французским консулом придерживаются одних и тех же взглядов»¹.

Воспользовавшись приездом великого князя в Иерусалим, де Баррер сообщил ему о своём проекте «нейтрализации Купола», о чём сохранилась запись в дневнике Константина Николаевича от 7 мая 1859 г. [24, с. 167]. Под так называемой нейтрализацией понималось коллективное участие в реконструкции Купола держав, подписавших Парижский мир. Подобное решение предполагало совершенное отеснение православной Иерусалимской Патриархии. При этом о «проекте двух императоров», автором которого был якобы епископ Кирилл (Наумов), на протяжении 1857–1860 гг. речи не шло.

Проект де Баррера в том виде, в каком он распространялся среди представителей великих держав в Константинополе, вызвал озабоченность Азиатского департамента МИД, уже «почти жалевшего» о возобновлении «Дела о Куполе», которое, по словам директора департамента Н.П. Игнатьева (ил. 7), стало принимать «весьма невыгодное для всего Православия и в особенности для нас направление», — вновь возникала перспектива упорной дипломатической и межконфессиональной борьбы за влияние в Святой Земле и очередного обострения спора за святые места Палестины, уже приведшего ранее к военному конфликту.

В отношении от 5 января 1861 г. Игнатьев писал князю А.Б. Лобанову-Ростовскому, назначенному после отъезда А.П. Бутенева: «Если французам удастся устроить дело мимо нас, то моральное значение наше в Турции будет сочтено окончательно погибшим». Если же осуществится предположение Фуад-паши (по-видимому, турки вновь заявили о готовности взять ремонт

¹ The National Archives (GB, Kew). FO 78/1521. P. 31–33.

на себя) — «греки и всё православное духовенство будут роптать». Решение этого «многосложного вопроса» МИД возлагал на нового посланника: «Мы убеждены, что Вы найдёте возможным кончить его желаемым образом и со свойственным Вам искусством» [23, с. 632].

Князь Лобанов-Ростовский, блистательный дипломат (впоследствии канцлер России) в полной мере оправдал надежды Игнатьева. Именно ему принадлежала мысль о мирном урегулировании конфессиональных притязаний греков и католиков на починку Купола храма Гроба Господня в Иерусалиме путём отстранения их от реставрации Купола. Посланник запросил у преосвященного Кирилла отзыв о возможном ходе «Дела о Куполе». В конфиденциальном отношении епископ выразил твёрдое убеждение, что султан как законный владетель Святой Земли имеет право и на храм Гроба Господня, таким образом предоставление Порте права на починку Купола будет «нравственно справедливо» [25, с. 385–387].

Князь Лобанов-Ростовский, рассмотрев предложения всех сторон, пришёл к «соломонову решению», а именно: что «исправление купола, угрожающего падением, было бы удобно произвести совместным попечением и иждивением Его Императорского Величества Государя Императора Всероссийского и Его Величества Императора французов». Тем самым от участия в проекте отстранялось высшее духовенство католической и православной церкви, т.е. достигалась своего рода «нейтрализация» «Дела о Куполе» по религиозной составляющей; отстранялись и все другие державы, кроме Франции и России; число участников сводилось к минимуму при их авторитетности и неуязвимости. Единственное, что вызывало озабоченность посланника, это то, «как будет принята в православном духовенстве и народе, на Востоке и у нас, весть о соучастии Государя Императора и Наполеона III в исправлении купола над Гробом Господним, с отстранением от сего православного духовенства» [23, с. 633–634].

Ил. 8. Филарет, митрополит Московский

Обер-прокурор Св. Синода граф А.П. Толстой обратился с просьбой к митрополиту Московскому Филарету написать отзыв по этому вопросу (ил. 8). В отзыве от 28 июня 1861 г. митрополит подверг серьёзной критике суждения начальника Миссии в Иерусалиме, доказывая, что у султана нет прав ни на храм, ни на Купол и что ремонт силами одного султана станет «оскорблением для христианских государей». Сложившиеся обстоятельства — бессилие и безденежье Иерусалимской Патриархии, консолидация западных держав против России, укрепление политического влияния Франции и её влияния на Порту, а вместе с тем наметившееся российско-французское «потепление» — утверждали архипастыря в мысли, что предложенный посланником проект является на данный момент единственно возможным и наиболее конструктивным.

Для предотвращения какого-либо дипломатического или церковного вмешательства митрополит Филарет призывал преследовать единственную цель: «пре-

Ил. 9. Храм Гроба Господня в 1870-е гг.

дотвратить угрозу падения купола и дать храму подобающий вид». Для этого он выдвигал необходимое условие: «не касаться каких-либо прав, признанных или подлежащих разбирательству». В таком случае, полагал архипастырь, «дело будет иметь чистый характер дела благочестия и благотворения» [25, с. 387].

Но были и другие воззрения по делу о восстановлении Купола. Так, в отзыве от 28 июня 1861 г. митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского), составленном им «по частном совещании с членами Святейшего Синода», предлагалось, чтобы греки, как и после 1808 г., исправили Купол своими силами, «при посредстве российской дипломатии в устранении препятствий со стороны запада и материальной помощи со стороны России с назначением ответственного лица для наблюдения за правильным употреблением пожертвований» [23, с. 635].

Мнение высокопреосвященного Исидора, которое разделял и синодальный обер-прокурор, лишний раз показывает сложность межконфессиональных противоречий

и препятствий, стоявших на пути к реализации, казалось бы, чисто строительно-архитектурного проекта реконструкции Купола храма Гроба Господня. Однако проект Лобанова-Ростовского при строгом соблюдении ряда обязательных условий – и прежде всего межконфессиональной и дипломатической нейтрализации – позволял преодолеть сложности как конфессионального, так и политического характера, что и постарался обосновать митрополит Филарет в частном письме к обер-прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому.

На предположение митрополита Исидора привлечь российских дипломатов к устранению препятствий грекам со стороны Запада митрополит Филарет возразил: «Легко предъявлять требования: не всегда так же легко исполнять их. Дипломатия не всемогуща. Против дипломатии российской по сему делу есть дипломатия других держав, имеющая также свою силу. Дипломатия Императора Николая I, видно, сильно действовала по сему делу, когда её не преодолели противоположною дипломатиею и призвали на помощь войну» [25, с. 390–394].

Филарет Московский не только подтвердил приемлемость предложения князя Лобанова-Ростовского, но и всесторонне обосновал его, показав, что в сложившихся условиях этот проект является единственно возможным — при соблюдении условия: «не касаться вопроса о правах на владение храмом и купола». Соображения митрополита Филарета встретили полное согласие императора Александра II: «Всё это так ясно и справедливо, что не понимаю, чтобы можно было иначе смотреть на это дело».

Отзывы московского архиепископа сыграли важную роль в «Деле о Куполе» как при утверждении проекта, так и при дальнейшей его реализации.

Примерно тогда же Н.П. Игнатьев, в то время директор Азиатского департамента, напомнил слова Муравьёва о том, что обновление Купола, являвшееся «одним из самых важных и щекотливых вопросов, относящихся до святых мест», уже послужило однажды «*casus belli*, потому что на Востоке, совершенно наперекор Западу, религия имеет перевес над политикой, которая должна с ней соотноситься» [11, с. 97].

Князь Лобанов-Ростовский успел довести дело до заключения тройственного соглашения между Францией, Россией и Османской империей, так как Султан выразил намерение непременно участвовать в реконструкции Купола на паритетных началах. В протоколе, подписанном 5 сентября 1862 г., отмечалось, что ремонт будет проведён без промедления за общий счёт и в равных долях, а Османское правительство предоставит все административные и материальные льготы, необходимые для быстрого и полного выполнения работ [26, с. 41–43].

По настоянию российского министерства иностранных дел к соглашению был добавлен отдельный дополнительный параграф: «что настоящее соглашение не даёт никаких новых прав ни одной из различных христианских общин или кому-либо из участников, подписавших этот протокол, и не посягает на какое-либо из прав, которые были получены ими прежде» [29, с. 43]. Последний пункт, составленный в соответствии с отзы-

вами Филарета Московского и касавшийся правового аспекта вопроса, служил гарантом соблюдения статус-кво для всех христианских конфессий, владеющих участками в храме Гроба Господня [27] (ил. 9).

Таким образом, после интенсивной дипломатической переписки русской и французской дипломатий в Константинополе, русского посольства в Париже и французского в Санкт-Петербурге и соответственно стоящих за ними министерств иностранных дел было достигнуто дипломатическое соглашение, подписанное в 1862 г. в Константинополе, согласно которому все ремонтно-восстановительные работы должны были быть выполнены совместно русскими и французскими специалистами и оплачены русским и французским правительствами при участии турецкого правительства. Это тройственное соглашение явилось политической основой завершающей стадии «Дела о Куполе», непосредственно связанной с архитектурно-художественными задачами.

Этот проект, завершившийся в 1869 г. торжественным освящением нового Купола, можно рассматривать как уникальную модель сотрудничества и противоречий русской и европейских дипломатий, Российской империи и западного мира. Благодаря последним архивным изысканиям становится возможной детальная реконструкция общей картины восстановления Большого купола храма Гроба Господня и прежде всего сложнейших процессов, имевших место в дипломатической сфере, когда высокий профессионализм российских дипломатов позволил не только сохранить важнейший памятник христианской истории и культуры, но и не допустить изменения статус-кво с нарушением прав Иерусалимского престола. Изучение опыта взаимодействия России и Франции, православной и католической держав, на поприще дипломатической, религиозной и гуманитарной деятельности имеет важное значение для выработки концепции современного международного взаимодействия в таком сложном и неоднозначном регионе, как Ближний Восток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисовой Н.Н. Откровение Святой Земли. М.: ДАРЪ, 2012.
2. Лисовой Н.Н., Кроза Д., Смирнова И.Ю., Микилева М.А. Проект двух императоров: Россия и Франция в Святой Земле // Российская история. 2013. № 6. С. 65–86.
3. Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. История совместного русско-французского ремонта купола по документам МИД Франции // Православный палестинский сборник. Вып. 112. М., 2016. С. 13–28.
4. Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за святые места Палестины. М.: Индрик, 2014.
5. Граф Н.П. Игнатъев и православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 1: Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. / Сост. О.В. Анисимов, К.А. Вах; Отв. ред. П.В. Стегний. М.: Индрик, 2015.
6. Жомини А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны: история русской политики на Востоке. М.: Индрик, 2017.
7. Тимошук В.В. Дипломатические переговоры перед Восточною войною 1853–1856 гг. // Русская старина. СПб., 1902. Т. 111. № 7. С. 115–240.
8. Муравьев А.Н. Письма с Востока: 1849–1850 гг.: В 2 т. Т. 1. М.: ИХТИОС, 2005.
9. Религии мира. История и современность. 2005. М.: Наука, 2007.
10. Никодим (Ротов), митрополит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов: Серпуховский Высоцкий муж. монастырь, 1997.
11. Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И.Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019.
12. Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. СПб.: Нестор-История, 2015.
13. Маковецкий А.В., священник. Храм гроба Господня: статус-кво и христианские Церкви в храме воскресения // Наследие христианской церкви: богословие, история, культура. Владимир: Транзит-ИКС, 2023. Вып. 5 (5). С. 317–323.
14. Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки / Под ред. П.А. Сырку. Т. I. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1894.
15. Ministère des affaires étrangères / Centre des archives diplomatiques de Nantes / Etat de versement des archives rapatriées du consulat général de France à Jérusalem. Série A. 1840–1914 (Архив министерства иностранных дел Франции. Фонд французского консульства в Иерусалиме. Фонд французского консульства в Иерусалиме: Папка А, шифр 294 PO/1/1–140. Иерусалим, Храм Гроба Господня, Большой Купол I).
16. Williams G., Willis R. The Holy City: historical, topographical and antiquarian notices of Jerusalem, with additions, including an architectural history of the church of the Holy Sepulchre. 2-edition. London., Cambridge: John W. Parker: John Deighton, 1849.
17. Popoff Alexandre, prot. La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIXme siècle. St. Petersburg, 1910.
18. Якушев М.И. Иерусалимский Патриархат и святые Палестины // Режим доступа: <http://www.radonezh.ru/analytic/8727.html> (дата обращения: 30.01.2024).
19. Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. IV. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1896.
20. Якушев М.И. Casus belli Крымской войны // Свободная мысль. № 9. 2007. С. 139–147.
21. Сатин А.Д. Поездка в Палестину в 1857 г. Из записок черноморского офицера // Русский Вестник. 1873. № 8. С. 670–688.
22. А.Д. Иерусалим в 1859 году и русские поклонники // Современник. 1859. Т. 78. № 12. Современное обозрение. С. 277–290.
23. Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Подгот. текста, предисл., коммент. Н.Н. Лисового. В 3 т. М.: Индрик, 2015. Т. 1.

24. Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М.: Терра, 1994.
25. [Филарет (Дроздов), митрополит]. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке. СПб.: Синод. тип., 1899.
26. Rock A., ofm. The Status Quo in the Holy Places. Jerusalem, 1989.
27. Collin B. Les lieux saints. Presses universitaires de France, 1969.

The Case of the Repair of the Dome of the Church of the Holy Sepulchre: a Diplomatic Project of Russia in the 19th Century

Irina Yurievna Smirnova – Doctor of Historical Sciences (PhD), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Project “Russia in the Holy Land. Personalities and Institutions of Russian Palestine (19th – 20th XX cc.)” (19-09-41010).
E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

The process of reconstruction of the great dome of the Church of the Holy Sepulchre in Jerusalem – the so-called “Dome Case” – is the most important project of Russian-French cooperation in the second third of the 19th century. In the conditions of acute rivalry between the great powers in the Holy Land during the aggravation of the Eastern Question, caused by the dispute over the holy sites between the main Christian confessions (Orthodox Greeks, Catholics and Armenians), at the initiative of Russian secular and church diplomats, the repair of the Great Dome of the Church of the Holy Sepulchre was carried out. The article traces several stages of this process – from the aggravation of the dispute over the holy sites (1830s) to the agreement between France, Russia and the Ottoman Empire on the joint repair of the Dome (September 5, 1862). The role of Russian diplomacy in the successful completion of the “Dome Case” is shown, despite the opposition of French diplomacy and confessional rivalry.

The relevance of the study is defined by the fact that this project, which was an outstanding example of international cooperation, has barely been reflected in the historiography. Meanwhile, the study of the experience of cooperation between Russia and France in the Middle East region is of great importance in present-day conditions.

Keywords: Holy Land, Church of the Holy Sepulchre, Russia, France, dispute over holy sites

REFERENCES

1. Lisovoi N.N. Otkrovenie Svyatoi Zemli. M.: DAR", 2012 (in Russian).
2. Lisovoi N.N., Kroza D., Smirnova I.Yu., Mikileva M.A. Proekt dvukh imperatorov: Rossiya i Frantsiya v Svyatoi Zemle // Rossiiskaya istoriya. 2013. № 6. S. 65–86 (in Russian).
3. Lisovoi N.N., Smirnova I.Yu. Istoriya sovmestnogo russko-frantsuzskogo remonta kupola po dokumentam MID Frantsii // Pravoslavnyi palestinskii sbornik. Vyp. 112. M., 2016. S. 13–28 (in Russian).
4. Anisimov O.V. Rossiya i Napoleon III: bor'ba za svyatye mesta Palestiny. M.: Indrik, 2014 (in Russian).
5. Graf N.P. Ignat'ev i Pravoslavnyi Vostok: dokumenty, perepiska, vospominaniya. T. 1: Zapiski o russkoi politike na Vostoke. 1864–1887 gg. / Sost. O.V. Anisimov, K.A. Vakh; Otv. red. P.V. Stegnii. M.: Indrik, 2015 (in Russian).

6. Zhomini A.G. Rossiya i Evropa v epokhu Krymskoi voiny: istoriya russkoi politiki na Vostoke. M.: Indrik, 2017 (in Russian).
7. Timoshchuk V.V. Diplomaticheskie peregovory pered Vostochnoyu voinoyu 1853–1856 gg. // Russkaya starina. SPb., 1902. T. 111. № 7. S. 115–240 (in Russian).
8. Murav'yov A.N. Pis'ma s Vostoka: 1849–1850 gg.: V 2 t. T. 1. M.: IKHTIOS, 2005 (in Russian).
9. Religii mira. Istoriya i sovremennost'. 2005. M.: Nauka, 2007 (in Russian).
10. Nikodim (Rotov), mitropolit. Istoriya Russkoi Dukhovnoi Missii v Ierusalime. Serpukhovskii Vysotskii muzh. monastyr', 1997 (in Russian).
11. Andrei Nikolaevich Murav'yov i rossiiskaya diplomatiya na Pravoslavnom Vostoke. Diplomaticheskie zapiski i perepiska / Sost. I.Yu. Smirnova. M.: Indrik, 2019 (in Russian).
12. Lisovoi N.N., Smirnova I.Yu. Rossiya i Svyataya Zemlya v pervoi polovine XIX veka: tserkovnaya politika na Pravoslavnom Vostoke. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015 (in Russian).
13. Makovetskii A.V., svyashch. Khram groba Gospodnya: status-kvo i khristianskie Tserkvi v khrame voskreseniya // Nasledie khristianskoi tserkvi: bogoslovie, istoriya, kul'tura. Vladimir: Tranzit-IKS, 2023. Vyp. 5 (5). S. 317–323 (in Russian).
14. Porfirii (Uspenskii), episkop. Kniga bytiya moego. Dnevnik i avtobiograficheskie zapiski / Pod red. P.A. Syrku. T. I. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1894 (in Russian).
15. Ministere des affaires etrangeres / Centre des archives diplomatiques de Nantes / Etat de versement des archives rapatriées du consulat general de France a Jerusalem. Série A. 1840–1914 (Arkhiv ministerstva inostrannykh del Frantsii. Fond frantsuzskogo konsul'stva v Ierusalime. Fond frantsuzskogo konsul'stva v Ierusalime: Papka A, shifr 294 RO/1/1–140. Ierusalim, Khram Groba Gospodnya, Bol'shoi Kupol I).
16. Williams G., Willis R. The Holy City: historical, topographical and antiquarian notices of Jerusalem, with additions, including an architectural history of the church of the Holy Sepulchre. 2-edition. London., Cambridge: John W. Parker: John Deighton, 1849.
17. Popoff Alexandre, prot. La question des Lieux Saints de Jerusaleme dans la correspondance diplomatique Russe du XIX me siècle. St. Petersbourg, 1910.
18. Yakushev M.I. Ierusalimskii Patriarkhat i svyatyni Palestiny // Rezhim dostupa: <http://www.radonezh.ru/analytic/8727.html> (data obrashcheniya: 30.01.2024) (in Russian).
19. Porfirii (Uspenskii), episkop. Kniga bytiya moego. T. IV. SPb.: tip. V. Kirshbauma, 1896 (in Russian).
20. Yakushev M.I. Casus belli Krymskoi voiny // Svobodnaya mysl'. № 9. 2007. S. 139–147 (in Russian).
21. Satin A.D. Poezdka v Palestinu v 1857 g. Iz zapisok chernomorskogo ofitsera // Russkii Vestnik. 1873. № 8. S. 670–688 (in Russian).
22. A.D. Ierusalim v 1859 godu i russkie poklonniki // Sovremennik. 1859. T. 78. № 12. Sovremennoe obozrenie. C. 277–290 (in Russian).
23. Rossiya v Svyatoi Zemle. Dokumenty i materialy / Podgot. teksta, predisl., komment. N.N. Lisovogo. V 3 t. M.: Indrik, 2015. T. 1 (in Russian).
24. Perepiska Aleksandra II s velikim knyazem Konstantinom Nikolaevichem. Dnevnik velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha. M.: Terra, 1994 (in Russian).
25. [Filaret (Drozdov), mitropolit]. Sobranie mnenii i otzyvov Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo, po delam pravoslavnoi tserkvi na Vostoke. SPb.: Sinod. tip., 1899 (in Russian).
26. Rock A., ofm. The Status Quo in the Holy Places. Jerusalem, 1989.
27. Collin B. Les lieux saints. Presses universitaires de France, 1969.

Индекс УДК 433 (914)/(919)

Код ГРНТИ 03.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-118-03-139-159

**А.В. ФЕДОРЧЕНКО,
А.В. КРЫЛОВ***

Влияние Иерусалима на культуру России

Иерусалим и Россию связывают не годы, а века. Со времён Крещения Руси Иерусалим ассоциировался со средоточием мироздания и духовных основ всего человечества, с центром зарождения трёх основных монотеистических религий. Начиная с XI в. тысячи паломников направлялись из русской земли на Восток «в Иерусалим Град помолитися, Господню Гробу поклонитися». История Иерусалима и библейские сказания о нём нашли свое отражение в древнерусском фольклоре, полотнах известных русских живописцев, произведениях классиков отечественной литературы, воспоминаниях прославленных представителей российской культуры и общественной мысли. В статье раскрываются некоторые сюжеты и аспекты этой необъятной темы.

Ключевые слова: Иерусалим, Палестина, Россия, древнерусские былины о Иерусалиме, паломничество на Святую Землю, Святой Град в русской культуре

*«Светися, светися, новии Иеросалиме,
слава бо Господня на Тебе восия»
(Чин православного Пасхального
Богослужения)*

Влияние Иерусалима на российскую культуру многогранно и имеет давнюю историю. Образ Святого города присутствует ещё в былинах — древнерусских, русских народных эпических песнях о героических событиях или примечатель-

ных описаниях эпизодов национальной истории XI–XVI вв. [1, с. 152–159]. Легенда о том, что именно в Иерусалиме находится пуп земли (центр земного мироздания), передавалась веками из уст в уста многими паломниками, направлявшимися из Руси на Святую Землю. Не случайно тема Иерусалима часто звучит в наиболее примечательном русском народном эпосе, получившем название «Голубина книга»:

* **Федорченко Андрей Васильевич** — доктор экономических наук, профессор, директор Центра ближневосточных исследований Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России, руководитель проекта «Иерусалим и Святая Земля в ретроспективе российской внешней политики на Православном Востоке» (21-014-41001).

E-mail: a.fedorchenco@inno.mgimo.ru

Крылов Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований МГИМО МИД России, исполнитель того же проекта.

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

«Иерусалим-город городам отец,
Почему тот город городам отец?
Потому Иерусалим городам отец;
Во тем во граде во Иерусалиме
Тут у нас среда земле.
Собор-церковь всем церквам мати.
Почему же собор-церковь всем церквам мати?
Стоит собор-церковь посреди града
Иерусалима,
Во той во церкви соборней
Стоит престол божественный;
На том на престоле на божественном
Стоит гробница белокаменная;
Во той гробнице белокаменной
Почивают ризы самого Христа,
Самого Христа, Царя Небесного, —
Потому собор-церква церквам мати.
Ильмень-озеро озерам мати:
Не тот Ильмень, который над Новым
градом,
Не тот Ильмень, который во Цареграде,
А тот Ильмень, который в Турецкой земле
Над начальным градом Иерусалимом»
[2, с. 37].

Стих о Каменной, или Голубиной, книге, по праву занявшей место священного сказания русского народа, был сложен в конце XV – начале XVI в. в форме вопросов и ответов, дающих в простой и доходчивой форме сведения о происхождении мира, людей, сословий, а также неординарную фольклорную космографию. Стих восходит преимущественно к ряду переводных апокрифических сочинений, которые в процессе бытования на Руси подверглись влиянию фольклора. В своём первоначальном виде этот памятник древнеславянской литературы не сохранился, но с XVII в. стали появляться разные рукописные списки. Устное народное сказание повествует о том, что в городе Иерусалиме при царе Давиде из небесной тучи выпадала огромных размеров книга за семью печатями, заключающая в себе все тайны бытия. Наиболее красочно рассказ о нисхождении с Небес рукописного слова Всевышнего изложен в народном эпосе «Свиток Иерусалимский»:

«Во светлом граде Иерусалимове
В третьем часу воскресения Христова
Из седьмого неба выпадши камень,
Камень ни огнен, ни студен, ширины
об аршин.
Тяготы ему не споведать никому.
Съезжались к камню цари и патриархи,
Игумены, папы, священники,
Церковные причетчики, христиане
православные,
Служили над камнем три дни и три ночи.
Камень распадохом на две половины.
В том же камне есть свиток,
Иерусалимский список.
Кто ж его писал?
Ни патриарх и ни ангел Божий, —
Во прети Бог написал, Господа нашего
Исуса Христа,
Его рукописание Духом Святым
напечатано» [3, с. 233].

В народе священная книга стала называться «Голубиной», символизируя нисхождение Святого Духа, или «Глубинной» — от глубины её премудрости. В русском фольклоре Святой Град Иерусалим ассоциировался прежде всего с местом, где пошёл на мученическую смерть во имя спасения рода человеческого Иисус Христос, при этом сам Спаситель именовался не только Царём Небесным, но и повелителем царства Московского:

«Почему Ерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нём Исус Христос,
Исус Христос, сам небесный царь,
Опречь царства Московского» [4, с. 173].

Иерусалим неоднократно упоминается в сказании о Егории Храбром, сыне св. Софии Премудрой и её трёх дочерях — Вере, Надежде и Любви:

«Как во городе, во Ерусалиме,
При царе было, при Фёдоре,
При царице было, при Софее,
Породила она Фёдору три дочери,
Ещё четвёртого Егория Храброго...» [5, с. 103].

Далее стих повествует о необычайной встрече Егория Храброго в Иерусалиме с почитаемой на христианской Руси его матерью Софией Премудрой (ил. 1):

*«Выходит Егорий на святую Русь.
Идёт во свой во Ерусалим-град.
Ерусалим-град – он пуст стоит;
Одни церкви! и стоит одна
Церковь Божия соборная, богомольная:
Во той во церкви его матушка,
Святая Софея премудрая,
На святые иконы Богу молится;
Молитва её к Богу доносится» [Там же,
с. 107].*

О нравах, быте и традициях русского паломничества на Святую Землю и в Иерусалим повествует былина «Сорок калик со каликою»:

*«А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова
Начинали калики наряжаться
Ко святому граду Иерусалиму, –
Сорок калик их со каликою...
А и будут в граде Ерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленную ризою утиралися» [Там же,
с. 93].*

Обычно русские «калики перехожие» собирались в дружины и ходили в Иерусалим через Балканский полуостров. В русских былинах рассказывается о каликах, совершающих восхождение в Святую Землю, в «славный город Иерусалим». В былинах «Сорок калик» молодой богатырь Касьян Афанасьевич держит такую речь перед своими товарищами:

*«Ходили калики в Ерусалим град вперёд шли...
В граде Ерусалиме святой святыни
помолилися,
Господню гробу прилояшился,
во Ердане реке искупалися,
нетленную ризою утиралися» [Там же, с. 97].*

Ил. 1. Особо почитаемая икона Софии Премудрой в софийском Соборе в Новгороде

Народная фантазия зачастую живописала причудливые сюжеты, в которых воспроизводились необычайные странствия легендарных русских богатырей в Палестину и град Ерусалим. Так, в былинах о Василии Буслаеве из города Господина Великого Новгорода рассказывается о том, что тот, осознавая, что «много дел неправедных совершил», решается со своей дружиною держать путь на Святую Землю, дабы там искупить вину за грехи и «укроти-тко своё сердце богатырское»:

*«И поедем мы ко граду Ерусалиму,
Ко святой гробнице Христовой
приложитися,
Святой святыне помолилися.
И склались молодцы-те на лодочку,
И поехали ко граду к Ерусалиму,
Ко святой гробнице Христовой
приложитися.
Тогда никакая погода молодцов
не сдерживает,
Против ветра едут, как сокол летит.*

*И приезжали они ко граду к Еерусалиму,
Пошли во Иордань-реку купатися;
И все купаются братья в рубашечках,
А молодой Василий Буславьевич телом
нагим» [6, с. 16].*

В наиболее полных версиях сказаний о Василии Буслаеве говорится о том, что ему не суждено было вернуться на родину: и он и ещё один русский богатырь Василий Игнатьевич погибли в сражении с сарацинами. Его сотоварищи хоронят их на Святой Земле и ставят на могиле крест с такой надписью:

*«Лежат два удала добра молодца,
Два сильни могучи богатыри:
Да один-то Василей сын Игнатьевич,
Другой-то Василей сын Буславевич,
Их убила сорочина долгополая,
Да та же ли чудь двоеглазая» [Там же, с. 107].*

Самый известный богатырь русских народных сказок Илья Муромец в своей жизни часто встречался с каликами и жадно внимал их рассказам о Святой Земле. В былине «Илья Муромец и Идолище» сообщается о встрече богатыря с неким каликом Иваном, и тот поведал ему историю о своём хождении на Святую Землю:

*«Сходил (Иван) к городу еще Еросолиму,
Там Господу-то Богу он молился есть,
Во Ердань-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шёл мимо Царь-от-град»
[7, с. 237].*

Под впечатлением рассказа калика сам собрался в поход на Святую Землю, но дошёл только до Царьграда:

*«Как приходил Илюшенька
во Царь-от-град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его он на чисто поле,*

*Как начал у татарина доспрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолище?» [Там же,
с. 238–239].*

В России восемнадцатого столетия в эпоху классицизма и правления первого русского императора стараниями М.В. Ломоносова зарождается одическая поэзия. В этом особом лирическом жанре, призванном восхвалять величие царствующих особ, тема Святого Града и его наиболее выдающихся правителей времён процветания Иудейского царства, часто использовалась для возвеличивания сначала Петра I, в последствии – преемников его трона. В одной из первых своих од, посвящённых Петру Великому, М.В. Ломоносов восторженно восклицал:

*«Великолепно облекися,
Российский радостный Сион,
Главой до облак вознесися:
Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голияфов презирают.
Сильнее тигров Он и львов,
Геройска бодрость в нём избрана:
Иссохнет на земли попрунна
Свирепость змиевых голов» [8, с. 759].*

В Оде Императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 г., составитель первого нормативного описания русского языка писал:

*«Отверзся в славе Божий град.
Ефир, земля и преисподняя
Зиждителя со страхом ждуть!
Я вижу отрока Господня;
Приемлюща небесный суд» [9, с. 649].*

Г.Р. Державин в Оде «На поднесение Его Императорскому Величеству Великого Магистерства Ордена святого Иоанна Иерусалимского и на победу над

французами российским флотом, одержанную 1798 года», так представил образ Святого Города:

*«Кто ж горня Иерусалима
Наследник сей и друг Христов?
В ком доблесть благодати зрима
И соподвижник кто Петров?» [10, с. 13].*

Классики российской поэзии А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов никогда не были в Иерусалиме, но иерусалимская тема не могла обойти стороной их творчество. Первая поэма А.С. Пушкина «Монах» (написана предположительно в 1813 г.) — почти дословное повторение начала 6-й главы книги пророка Исая:

*«Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».
При сих словах Монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
«В Иерусалим! — да, да, свезу тебя».
— Ну, если так, тебя избавлю я.
Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним» [11].*

Путешествие благочестивого праведника в Иерусалим на бесе — одно из наиболее ярких и известных повествований, включённых даже в житие святителя Иоанна Новгородского, избранного во служение с 1165 по 1186 г.: «За твою бесстыдную дерзость повелеваю тебе сею ночью отнести меня в Иерусалим и поставить у храма, где находится Гроб Господень; из Иерусалима тотчас же ты должен обратно перенести меня сюда в мою келлию в ту же самую ночь, и тогда я отпущу тебя» [12]. Похожий сюжет, согласно которому бес выступает в качестве спутника праведника, использовал Н.В. Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», а Н.С. Лесков — в повести «Очарованный странник».

М.Ю. Лермонтов размышлял о Святой Земле и Иерусалиме в знаменитой «Ветке Палестины» (1838 г.):

*«Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была? ...
Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!» [13]*

На создание произведения М.Ю. Лермонтова вдохновила пальмовая ветвь в квартире путешественника А.Н. Муравьёва, стоявшая рядом с иконами. Этот трофей приятель поэта, брат декабриста Александра Николаевича Муравьёва, привёз из своего путешествия в Палестину. Время написания стихотворения стало предметом спора для биографов, но большинство из них считает верным 1837 г.

Поэт в творении обращается к пальмовой ветке. Ветвь — это символ веры и мира. Идея сюжета была почерпнута из христианской традиции. Об этом свидетельствуют многочисленные образы, характерные для христианского мировоззрения: «Воды чистые Иордана», «Молитву ль тихую читали», «Всё полно мира и отрады». В его монологе затронуты многие религиозно-философские темы. Здесь читатель созерцает пейзажные зарисовки, знакомые по библейским сказаниям, мысли о жизни и смерти, размышления о Родине, разлуке и вере.

В другом стихотворении М.Ю. Лермонтова «Спор» (1841 г.) есть такие слова:

*«Вот у ног Ерусалима
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мёртвая страна» [Там же, с. 73].*

Интерпретация сюжета о Святом Граде как средоточии бытия нашла отражение в творчестве таких известных поэтов и писателей Земли русской, как Константин

Бальмонт, Борис Зайцев, Николай Заболоцкий, Михаил Пришвин, Александр Блок, Вячеслав Иванов.

Целый пласт более близкой к нам по времени русской поэзии пронизывают библейские мотивы, темы, образы. И не так важно, были авторы этих произведений паломниками на Святой Земле, как, например, П.А. Вяземский, И.А. Бунин, С.Я. Маршак, или не были — О.Э. Манделштам, Б.Л. Пастернак, А.А. Ахматова, Н.С. Гумилёв, М.И. Цветаева... Все они без исключения любили библейскую обетованную землю, с любовью её воспевали, сопереживали трагическим событиям в её судьбе и истории.

В апреле 1850 г. П.А. Вяземский совершил поездку в Иерусалим. Впечатления от этого события были сохранены в путевом дневнике и стихах: «Иерусалим» (1850), «Палестина» (1853), «Одно сокровище» (1853), «Александр Андреевичу Иванову» (1858). Стихотворение «Иерусалим» стало первым, открывшим «палестинскую страницу» в лирике поэта. В произведении П.А. Вяземского выстраивается духовная вертикаль: «Иерусалим как крест спасения, Гефсимания — как образ меры Божественной любви и сострадания к человеку, как готовность Господа отдать себя на страдание во имя человека и, наконец, Елеонская гора, на которой произнеслись пророческие слова Господа о втором пришествии — как символ надежды и одновременно предостережения заблудившемуся человечеству» [14].

Иван Бунин посетил Палестину в 1907 г., и его путевые заметки вылились в цикл очерков и стихов о погранной чужими языками древней земле Израиля. Несколько произведений были непосредственно посвящены Иерусалиму:

*«Это было весной.
За восточной стеной
был горячий и радостный зной,
зеленела трава.
На припёке во рву мак кропил огоньками
траву.
... и сказал проводник: господин, я еврей
и, быть может, потомок царей...»*

*Посмотри на цветы по Сионским стенам —
это всё, что осталось нам.*

*... кровь погибших в боях:
каждый год, как весна,
красным маком восходит она» [15].*

О том, насколько глубоко проникся Иван Бунин географией, атмосферой и неисчерпаемой для вдохновения и творчества библейской тематикой, можно судить по следующим строкам:

*«У ворот Сиона, над Кедром,
На бугре, ветрами обожжённом,
Там, где тень бывает от стены,
Сел я как-то рядом с прокажённым,
Евшим зёрна спелой белены.
Он дышал невыразимым смрадом,
Он, безумный, отравлялся ядом,
А меж тем, с улыбкой на губах,
Поводил кругом блаженным взглядом,
Бормоча: “Благословен Аллах!”
Боже милосердый, для чего ты
Дал нам страсти, думы и заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, идиоты,
Прокажённый радостнее всех» [Там же, с. 417].*

Иван Бунин настолько точно передал в своих стихотворных воспоминаниях пейзажи и фрагменты иерусалимских достопримечательных мест, что некоторые русскоязычные гиды зачитывают его палестинские строфы туристам, как бы говоря, что лучше того, что было прочувствовано поэтом, вряд ли можно повторить:

*«Но вот вам отдых, мир и тишина.
Гора полдневным солнцем сожжена,
Русло Кедрона ветры иссушили,
Но в прах отцов вы посохи сложили.
Вас обрела родимая страна.
В ней спят цари, пророки и левиты;
В блаженные обители ея
Всех, кто в чужбине не были убиты,
Сбирает милосердный судия.
По горным склонам каменные плиты
стоят открытой книгой Бытия» [Там же,
с. 225].*

Трагическая тема падения Иерусалима и разрушения храма – одна из основных в русской «библейской» поэзии XIX – начала XX в. Причин тому множество: от огромного впечатления, производимого книгой пророка Иеремии, до попыток проведения аналогии между минувшим и настоящим. Но если стихи XIX столетия являются в основном парафразой строк из Священного писания или псалмов, то поэзия Серебряного века поражает новизной восприятия знакомой тематики. В стихах Александра Блока Иерусалим был подобен птице феникс: с одной стороны, это город страдания и горести, разрушенный, по предсказанию Христа, за прегрешения и высокомерие его жителей, а с другой – это символ будущего возрождения, вселяющий надежду на лучшее будущее. Его Иерусалим накануне заката эры иудейского Второго Храма ассоциируется с революционными событиями в Петрограде, а воскресший Спаситель, увенчанный уже не терновым венцом, а розами, – с духовным лидером строителей нового мира. Это шествие в сопровождении «двенадцати человек», явно олицетворяющих новое поколение апостолов, происходит «тёмным вечером» на фоне «чёрного, чёрного неба». И размышляя над происходящим, Александр Блок не знает ответа на волнующий всех вопрос: «Что впереди?» [16].

В этом блоковском «чёрном, чёрном небе» зарождается «Чёрное солнце» О. Мандельштама:

*«Эта ночь непоправима,
А у вас ещё светло.
У ворот Ерусалима
Солнце чёрное взошло.
Солнце жёлтое страшнее –
Баю-баюшки-баю.
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.
Благодати не имея
И священства лишены,
В светлом храме иудеи
Отпевали прах жены.*

*И над матерью звенели
Голоса израильтян.
Я проснулся в колыбели,
Чёрным солнцем осиян» [17].*

Иудейская традиция толкует чёрный цвет как символ праведных, достойных мужей, а жёлтый – цвет тревоги, предвестник беды. Флаг Мессии, Посланника Божия – жёлтый с эмблемой в виде чёрной короны. Нет ли горькой иронии в том, что точно такая же цветовая гамма у российского императорского стяга. Стихотворение Мандельштама 1917 г., посвящённое А.В. Карташёву, также навеивает эсхатологическую параллель между захлестнувшим революционным цунами Петербургом и погибающим по предсказанию Христа Иерусалимом:

*«Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалась над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.
Он говорил: небес тревожна желтизна!
Уж над Евфратом ночь: бегите, иереи!
Но старцы думали: не наша в том вина –
Се чёрно-жёлтый свет, се радость Иудеи.
Он с нами был, когда на берегу ручья
Мы в драгоценный лён субботу пеленали
И семисвещником тяжёлым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия» [Там же,
с. 117–118].*

Эти же переживания о печальной судьбе растерзанного Иерусалима отчётливо выражаются в поэтическом наследии Анны Ахматовой. В стихотворении «Эпические мотивы», написанном за год до революции в России, есть такие строки:

*«Смеркается, и в небе тёмно-синем,
Где так недавно Храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток» [18].*

Революционные времена в России, оказавшейся в плену идеологии, которая требовала – вопреки здравому смыслу и гу-

манистическим ценностям — уничтожения существующего правопорядка и обустройства общества с нуля (*tabula rasa*), побуждают М.А. Цветаеву сравнить век Иисуса Христа с XX в.:

*«Век коронованной Интриги,
Век проходимцев, век плаща!
— Век, коронованный Голгофой!» [19].*

Мотивы, связывающие образ Святого Города с трагическим этапом в истории России, наполняют стихотворение Н.С. Гумилёва «У ворот Иерусалима»:

*«У ворот Иерусалима
Ангел душу ждёт мою,
Я же здесь, и, Серафима
Павловна, я Вас пою. Мне пред ангелом
не стыдно,
Долго нам ещё терпеть,
Целовать нам долго, видно,
Нас бичующую плоть. Ведь и ты,
о сильный ангел,
Сам виновен, потому
Что сбежал разбитый Врангель
И большевики — в Крыму» [20].*

Несмотря на трагизм положения в России, Н.С. Гумилёв не пессимистичен в отношении её будущего, он верит в её возрождение, как и в явление нового Иерусалима, предсказанного в последнем апокалиптическом видении тайнозрителя и апостола Иоанна Богослова:

*«Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены нового Иерусалима
На полях моей родной страны» [Там же, с. 92].*

Даже уйти из жизни поэт мечтал на Святой Земле:

*«И последнюю милость, с которой
Отойду я в селенья святые:
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария» [Там же, с. 92].*

Б.Л. Пастернак никогда не посещал Палестину, но это стихотворение по праву считается вершиной его творчества. Именно этим проникновенным поэтическим шедевром писатель завершает главный труд своей жизни — роман «Доктор Живаго». Именно здесь, у подножия Елеонской горы в Иерусалиме происходит центральное евангельское событие: в Гефсиманском саду Христос молит Всевышнего, «чтоб эта чаша смерти миновала», но он понимает, что ход событий уже предрешён и ему, согласно древнему пророчеству, суждено добровольно пойти на смерть (Ис. 53:7):

*«Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного её величья
Я в добровольных муках в гроб сойду» [21].*

Именно в Гефсиманском саду Христос осознаёт, что его предстоящая мученическая смерть — это лишь конец земного жизненного пути; главное впереди — воскресение и вечная жизнь в лучшем из миров. Именно эта история, произошедшая у стен старого города Иерусалима, вдохновляла и вселяла надежду мастеру, подвергавшемуся гонениям и травле со стороны властей и многих, кого он недавно считал своими друзьями. Именно эта история в трагические дни для него стала спасением и главной святыней:

*«Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пусть же сбудется оно. Аминь» [Там же].*

Особо хотелось бы отметить палестинский цикл из пяти стихов, принадлежащий перу С.Я. Маршака, который отечественному читателю в основном знаком по произведениям детской литературы и блестящим переводам зарубежной классики. Мало кто знает, но в 1911 г., когда он был молодым литератором, его послали коррес-

пондентом «Всеобщей газеты» на Ближний Восток. Маршак с детства мечтал побывать на родине своих предков. О его любви к земле Израиля и Иерусалиму он признался уже в своём первом опубликованном сборнике стихов, который назывался «Сиониды»¹. В этом сочинении мы находим такие слова:

*«Снятся мне: в родную землю
Мы войдём в огнях заката
С запылённой одеждой,
Замедлённой стопой.
И войдя в святые стены,
Подойдя к Ерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благословим.
И с холмов окинем взглядом
Мы долину Иордана,
Над которой пролетели
Многоскорбные века»².*

В советское время С.Я. Маршак старался отречься от своих первых поэтических опытов. Приведём отрывок из наиболее полной биографии писателя, составленной М.М. Гейзером. Поэт Арон Вергелис вспоминал, что «не многим сегодня известно, что Маршак начал с маленькой книжечки «Сиониды». Ещё молодым пареньком написал он её. Я принёс ему как-то эту книжечку и сказал: «Вот ваша первая книжечка». Он был до крайности озабочен: «Голубчик, неужели я не всё уничтожил?..» [22].

Стихотворения, написанные С.Я. Маршаком в 1911 г. в Палестине, тоже не были опубликованы на родине писателя, а если и публиковались, то из них вырезались четверостишья с библейскими персонажами и топографией. Так, в стихотворении «Мы жили лагерем в палатке», изданном

в солидном издании «Библиотека поэта», отсутствуют строки, указывающие на то, что они посвящены Святой Земле [23]:

*«В прибытья час мой спутник старый
Мне указал на ближний склон
С древней бедной. Это – Цара³,
Здесь жил в младенчестве Самсон.
Теперь здесь нужен труд Самсонов:
С утра до поздней темноты
Здесь гонят змей и скорпионов,
Сдвигают камни, жгут кусты» [24].*

В Иерусалиме в 1970-х гг. был впервые опубликован палестинский цикл стихов С.Я. Маршака, в том числе ключевое произведение этого восточного путешествия поэта «Иерусалим»:

*«По горной царственной дороге
Вхожу в родной Иерусалим
И на святом его пороге
Стою смущён и недвижим.
Меня встречает гул знакомый,
На площадях обычный торг
Ведёт толпа. Она здесь дома,
И чужд ей путника восторг.
Шумят открытые харчевни,
Звучат напевы чуждых стран,
Идёт, качаясь, в город древний
За караваном караван.
Но пусть виденья жизни брэнной
Закрыли прошлое, как дым, –
Тысячелетья неизменны
Твои холмы, Иерусалим!
И будут склоны и долины
Хранить здесь память старины,
Когда последние руины
Падут, веками сметены.
Во все века, в любой одежде
Родной, святой Иерусалим*

¹ Сиониды — жанр еврейских литургических песнопений, в которых выражается страстное желание еврейского народа увидеть холм Сион, расположенный в Иерусалиме. Самая древняя песнь о Сионе в еврейской литературе была написана примерно в V в. до н.э. и представляет собой плач в связи с вынужденным пребыванием народа Израиля на чужой земле (Пс. 137:1–3).

² Стихотворение «Снятся мне...» из цикла «Сиониды» было опубликовано с разрешения Алексея Сперанского-Маршака, сына С.Я. Маршака, в журнале Союза писателей Израиля (Слово писателя. 2004. № 7. С. 82).

³ Цара (Цора) — название надела Израилева колена Дана. Согласно Библии, здесь явился ангел жене Маноаха и сообщил доселе бесплодной женщине, что она родит будущего судьё-богатыря Самсона (Суд. 13:2).

*Пребудет тот же, что и прежде, –
Как твердь небесная над ним!» [Там же,
с. 130–131].*

Несмотря на то что впоследствии по понятным причинам С.Я. Маршак всячески избегал даже упоминаний о своём поэтическом творчестве на Святой Земле, эта поездка стала наиважнейшей в его судьбе: именно там он встретил свою единственную любовь – Софью Михайловну Мильвидскую, с которой не расставался всю жизнь.

Ещё в молодом возрасте С.Я. Маршаку предстояло сделать непростой выбор: либо примкнуть к набиравшему популярность среди еврейской интеллигенции России сионистскому движению, либо принять революцию и поверить в способность советской власти перестроить жизнь в стране к лучшему. Самуил Яковлевич выбрал второе. Не случайно даже в Еврейской энциклопедии он назван «русским писателем» [25]. Многие его коллеги пошли по стопам известного еврейского средневекового поэта Иегуды бен Галеви, автора известных строк: «Я на Западе крайнем живу, – а сердце моё на Востоке» [26]. Х.Н. Бялик, А. Шленский, Ш. Черниховский, Л. Гольдберг, З. Шнеур, Я. Штейнберг, Александр Пэнн и др. осуществили восхождение к Сиону (алию) и стали участниками возрождения иврита как языка формирующейся новой израильской нации. Многие из них были в Иерусалиме и писали о нём, как, например, Владимир (Зев) Жаботинский:

*«Этот призрак – Город Мира,
это – Мать того народа.
Каждый год она рыдает
над Сионом с небосвода
и зовёт из стран изгнанья
в тихий рай своих полей
Божьей карой многолетней
истомлённых сыновей...» [27]*

Однако это уже другая история и повод для написания другого исследования о месте Иерусалима в русско-еврейской

поэзии. Наша же история была бы неполной, если бы мы не упомянули Андрея Дмитриевича Дементьева, замечательно-советского и российского поэта, публициста, радио- и телеведущего, долгое время работавшего, жившего, искренне полюбившего Иерусалим и вдохновенно писавшего о Вечном Городе. Одно из его стихотворений из иерусалимской антологии так и называется «Вечный Город»:

*«Наступит день – сюда сойдёт Мессия.
И, встав у замурованных ворот,
Он усмехнётся мрачному бессилью
Своих врагов, не веривших в приход.
В долине состоится страшный суд.
Восстанут из могил Иерусалима
Умершие
И нас судить придут.
И только совесть будет несудима» [28].*

Образ Святого города на протяжении многих лет вдохновлял российских литераторов. Как писал Н.В. Гоголь В.А. Жуковскому, «все Святые места должны быть в твоей душе» [29].

Близкий друг и постоянный корреспондент А.С. Пушкина князь П.А. Вяземский, путешествуя в 1850 г. по Святой Земле, записал в своём дневнике:

«Как поживёшь в Святом Граде, проикнешься убеждением, что судьбы его не исполнились. Тишина в нём царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожидания» [30].

У П.Я. Чаадаева своё восприятие Иерусалима:

«Все европейские народы шли вперёд в веках рука об руку; и как бы ни старались они теперь разойтись каждый своей дорогой, – они беспрестанно сходятся на одном и том же пути. Чтобы убедиться в том, как родственно развитие этих народов... вы увидите их всех простёртыми ниц у подножия Иерусалимских стен. вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был один язык для обращения к Богу, одна духовная власть и одно убеждение... Слабость

нашей веры или несовершенство наших догматов до сих пор держали нас в стороне от этого общего движения, где развилась и формулировалась социальная идея христианства, и низвели нас в сон народов, коим суждено лишь косвенно и поздно воспользоваться всеми плодами христианства, то ясно, что нам следует прежде всего оживить свою веру всеми возможными способами и дать себе истинно христианский импульс... Вот что я подразумевал, говоря, что мы должны от начала повторить на себе всё воспитание человеческого рода» [31].

О творчестве великого писателя Николая Васильевича Гоголя написано множество трудов, в которых его сочинения анализируются с литературоведческих позиций. Но в большинстве из них либо ничего не говорится о религиозных воззрениях автора, его «размышлениях о Божественной Литургии», либо кратко упоминается о его обращении ко Христу в последние годы жизни. А ведь отрывочные сведения о паломничестве Н.В. Гоголя на Святую Землю содержатся в его письмах к разным лицам. Сопоставление и анализ этих источников позволяют более полно осветить важный этап в жизни писателя-христианина.

Н.В. Гоголь совершил паломничество в Иерусалим в 1848 г. Всю ночь он молился перед причастием в Храме Гроба Господня. Мысль писателя о поездке и её осуществление находились в неразрывной связи с развитием его религиозно-нравственного мировоззрения. Поэтому и сам Гоголь смотрел на путешествие в Палестину как на важнейшее из событий своей жизни. В то же время нельзя не заметить двойственность его впечатлений от увиденного в древнем Иерусалиме. После посещения христианской Святыни он с грустью отмечал:

«Я не стал лучшим, тогда как всё земное должно было бы во мне сгореть и остаться одно небесное» [32].

На Святой Земле Гоголь испытал момент высшего подъёма религиозного чувства. Благодаря паломничеству в Иеруса-

лим классик ещё чаще стал вовлекать читателя в процесс внутреннего самоочищения, совершенствования всех устоев человеческой жизни, мучительного поиска путей её обновления, духовного очищения и возвышения человека [33].

У Ф.М. Достоевского в «Преступлении и наказании» тоже часто возникает образ Иерусалима. В первом разговоре следователя Порфирия с Раскольниковым тот говорит о новом Иерусалиме как о цели всей истории человечества. Совершенно поражённый Порфирий спрашивает его:

«Так вы всё-таки верите же в Новый Иерусалим?»

– Верую, – твёрдо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

– И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.

– Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

– И-и в воскресение Лазаря веруете?

– Ве-верую. Зачем вам всё это?

– Буквально веруете?

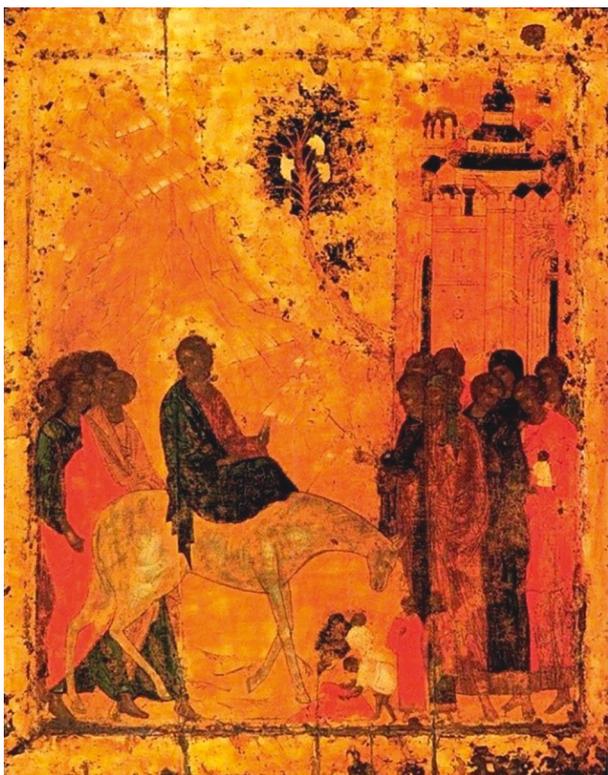
– Буквально [34].

Устами князя Василия Куракина Л.Н. Толстой доносит до читателя романа «Война и мир» следующие слова:

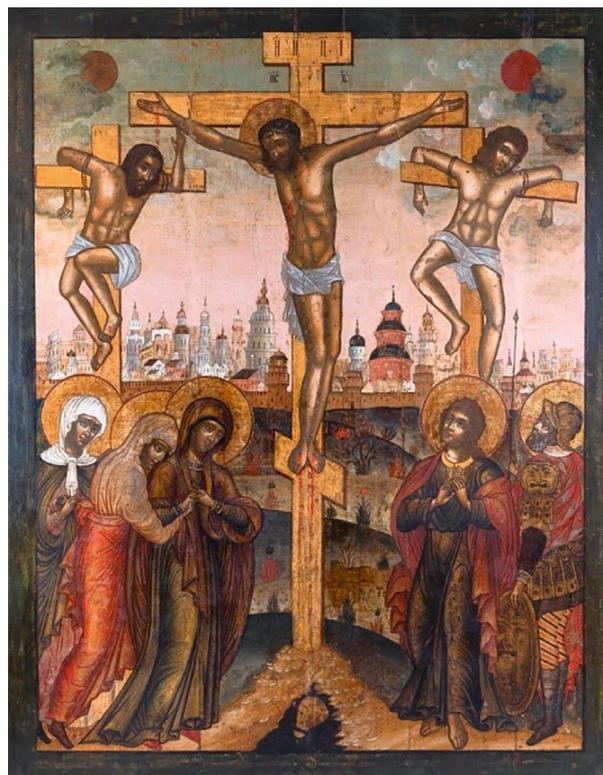
«Первопрестольный град Москва, Новый Иерусалим, приемлет Христа своего», – вдруг ударил он (князь Василий) на слове своего, – «яко мать во объятия усердных сынов своих, и сквозь возникающую мглу, провидя блистательную славу твоя держава, поёт в восторге: Осанна, благословен грядый!» [35].

Авторство этой цитаты принадлежит Митрополиту Платону, основавшему в 1785 г. Спасо-Вифанский монастырь в пяти верстах от Троицкой Лавры или от дома Преподобного Сергия Радонежского.

Произведения, содержащие индивидуальное осмысление библейских сюжетов, созданы лучшими, талантливейшими писателями, писателями-новаторами: В.А. Жуковским («Египетская тьма»), А.И. Куприным («Суламифь»), Л.Н. Андреевым («Иуда Искариот»),

Ил. 2. Андрей Рублёв. Вход Господень в Иерусалим (ок. 1405 г.). Благовещенский собор Московского Кремля

Ил. 3. Иконописцы Фома и Василий Потаповы. Страсти Христовы (1698 г.). Успенский собор Иосифо-Волоколамского монастыря

М.А. Булгаковым («Мастер и Маргарита»), Д.С. Мережковским («Антихрист»).

Российских живописцев Иерусалим привлекал с древности и до нашего времени. Прежде всего к образу Святого города обратились основатели отечественной школы иконописи. Выше представлены некоторые из их работ (ил. 2–3).

Одним из первых известных нам профессиональных художников, посетивших Святую Землю и посвятивших во многом свою творческую жизнь палестинской теме, был Максим Никифорович Воробьёв. В 1820–1821 гг. по высочайшему повелению Максим Никифорович был направлен в Святую Землю, где он путешествовал вместе с Д.В. Дашковым. Поездка М.Н. Воробьёва к святым местам Православного Востока была устроена наследником престола и великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I), который, желая привести в надлежащий вид храм Воскресения Христова в Ново-

Иерусалимском монастыре под Москвой, хотел ясно представлять оригинал. Главной задачей художника в этом путешествии были «снятия видов и планов» храма Воскресения Господня в Иерусалиме. Трудность этого предприятия заключалась в том, что все измерения и рисунки надо было делать тайком от надзора местных мусульманских властей. Кроме храмов М.Н. Воробьёв нарисовал несколько пейзажных видов Иерусалима и Мёртвого моря, а по пути в Палестину – виды Константинополя, острова Родоса, Смирны, Яффы и другие. Все эти материалы для будущих картин заключались в 90 листах акварельных рисунков, частью эскизных, хотя некоторые имели весьма законченный вид. Как глубоко верующий человек Максим Никифорович во время своего паломничества смог поклониться святыням Константинополя, Иерусалима, Вифлеема и другим.

Из своей паломнической поездки художник привёз в Петербург целую кол-

лекцию рисунков и на их основе написал несколько знаменитых картин: «Иерусалим днём» (ил. 4) и «Иерусалим ночью» (ил. 5) (1830-е гг., Третьяковская галерея) (ил. 5), «Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме» (1822) и «Внутренний вид придела Голгофы в храме Воскресения Христова в Иерусалиме» (1824, Эрмитаж). Он был награждён пожизненной пенсией за успешное выполнение палестинского поручения.

В XIX в. традицию творческого паломничества на Святую Землю по-своему продолжили известные художники реалистической живописи [36]. В.В. Верещагин и В.Д. Поленов совершили в 1884 г. путешествие в Палестину и Сирию (ил. 6, 7). В общей сложности цикл картин «Из жизни Христа», осуществлённый В.Д. Поленовым на Святой Земле, состоял из 64 картин, которые с восторгом были встречены публикой на выставках, организованных в Санкт-Петербурге, Москве и Твери. Весь цикл картин состоял из небольших по размеру работ, разбитых в соответствии с евангельской историей на разделы: 1. Детство и юность. 2. У Иордана. 3. В Галилее. 4. Вне Галилеи. 5. В Иерусалиме. 6. Последние дни. Картины, посвящённые Христу, которые были написаны до того, как В.Д. Поленов начал работать над циклом в целом («Христос и грешница», «На Геннисаретском озере», «Среди учителей»), вошли в него уменьшенными повторениями.

Образ Святых мест передали русские живописцы Григорий Григорьевич и Никанор Григорьевич Чернецовы, побывавшие с паломнической миссией на Востоке в середине XIX в. (ил. 8).

В своих путешествиях Чернецовы зарисовывали всё достойное внимания. Эти

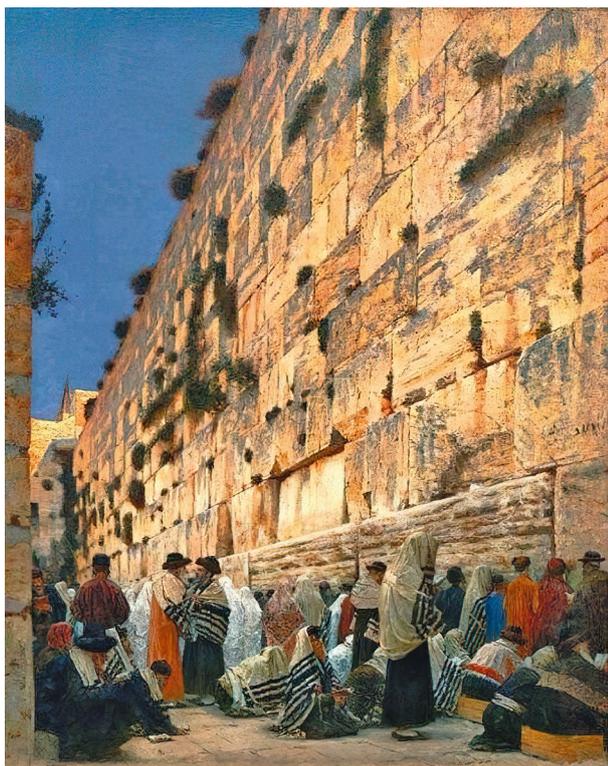

Ил. 4. М.Н. Воробьёв. Иерусалим днём (1830 г.). Государственная Третьяковская галерея

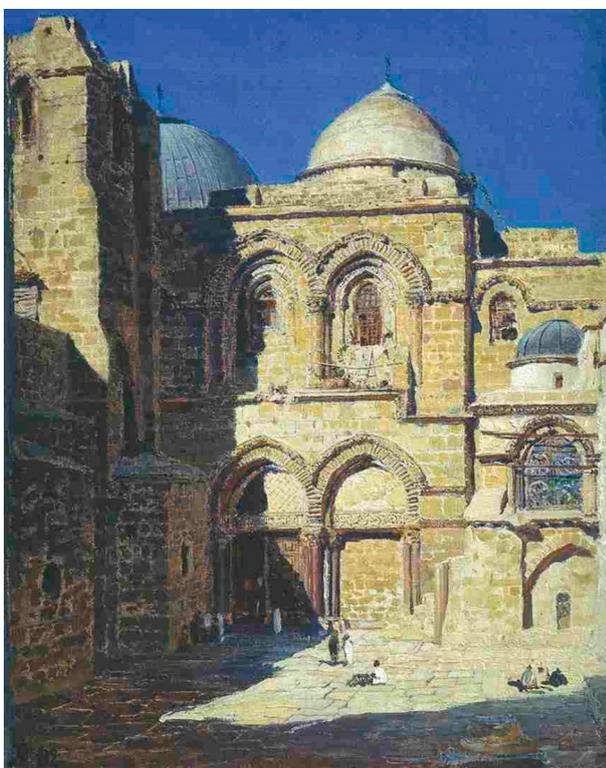

Ил. 5. М.Н. Воробьёв. Иерусалим ночью (1830 г.). Государственная Третьяковская галерея

рисунки послужили художникам в дальнейшем темами для картин. За целый альбом видов Палестины им по решению Совета Императорской Академии художеств была назначена награда в 1000 рублей каждому. В 1844–1845 гг. был издан альбом «Палестина. Виды, рисованные с природы академиками Г. и Н. Чернецовыми в 1842–1843 годах». Издание это выходило четырьмя тетрадями с шестью рисунками в каждой. Ко всем тетрадям приложен лист объяснительного текста, а обложки весьма красиво иллюстрированы.

Ил. 6. В.В. Верещагин.
Стена Соломона (Стена Плача) (1884–1885 гг.).
Частная коллекция

Ил. 7. В.Д. Поленов.
Вид храма Гроба Господня снаружи (1882 г.).
Государственная Третьяковская галерея

В 1860-х гг. совершил путешествие в Палестину и на Афон московский пейзажист Константин Карлович Герц (ил. 9), брат известного российского историка, археолога, искусствоведа, заслуженного профессора Московского университета Карла Карловича Герца. В Россию Герц привёз альбом акварелей с видами Иерусалима и других Святых мест.

В октябре 1872 г. Евгений Кириллович Макаров совершил путешествие в Святую Землю в свите великого князя Николая Николаевича Старшего. Рисунки художника были использованы для оформления книги «Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году», которая была издана в 1881 г. в Санкт-Петербурге.

В 1888 г. Великого князя Сергея Александровича во время путешествия на православный Восток сопровождал живописец-пейзажист академик Императорской Академии художеств Ефим Ефимович Волков.

В 1891–1892 гг. в составе археологической экспедиции Н.П. Кондакова в Палестине побывал русский художник Алексей Данилович Кившенко. Его акварели были опубликованы в качестве иллюстраций в путеводителе А.А. Суворина под названием «Палестина» (ил. 10).

А.Д. Кившенко оставил в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме блестящий портрет в полный рост арх. Антонина (Капустина) (ил. 11).

Илья Ефимович Репин посетил Иерусалим в июне–июле 1898 г. (ил. 12). Он желал проникнуться духом Святой Земли перед тем, как начать работу над главным шедевром своей жизни – картиной «Искушение Христа в пустыне». Сам он так отзывался о своём пребывании в Палестине:

«Я почти ничего не писал там. Некогда. Хотелось больше видеть. Впрочем, написал образ в русскую церковь на раскопках, голову Спасителя, несение креста. Хотелось и свою лепту положить в Иерусалим, куда идёт так много денег из России, много ещё веры, но так мало разума, без которого ничтоже бысть все» [37]. Воспоминания

Ил. 8. Н.Г. Чернецов. Вид Иерусалима с Елеонской горы (1854 г.). Третьяковская галерея

Ил. 9. К.К. Герц. Крестный путь (ок. 1860 г.). Государственный исторический музей

Ил. 10. А.Д. Кившенко. Арка «Ессе Номо» («Се Человек») на Скорбном пути в Старом Городе Иерусалима (Суворин А.А. Палестина. СПб., 1898. С. 98)

Ил. 11. А.Д. Кившенко. Архимандрит Антонин Капустин (Суворин А.А. Палестина. СПб., 1898. С. 98)

о паломническом путешествии в Святую Землю сохранились в памяти великого русского художника на всю жизнь и, возможно, отразились в его последней работе на евангельскую тему — «Голгофа».

В основе картины Н.К. Рериха лежит популярный в начале XX в. сюжет о «Книге голубиной» из древнерусских сказаний.

Уже в наше время академик Императорской Академии художеств Николай Андреевич Кошелев, участвовавший в создании иконописных росписей в Храме Христа Спасителя в Москве и Храме Спаса на крови в Санкт-Петербурге, посетил в 1990–1991 гг. Палестину. Во время путешествия он написал серию пейзажей и набросков к будущим полотнам и росписям на библейские темы. В Александровском подворье в Старом Иерусалиме сохранился впечатляющий образ Спасителя в терновом венце (ил. 13). Серия больших икон,

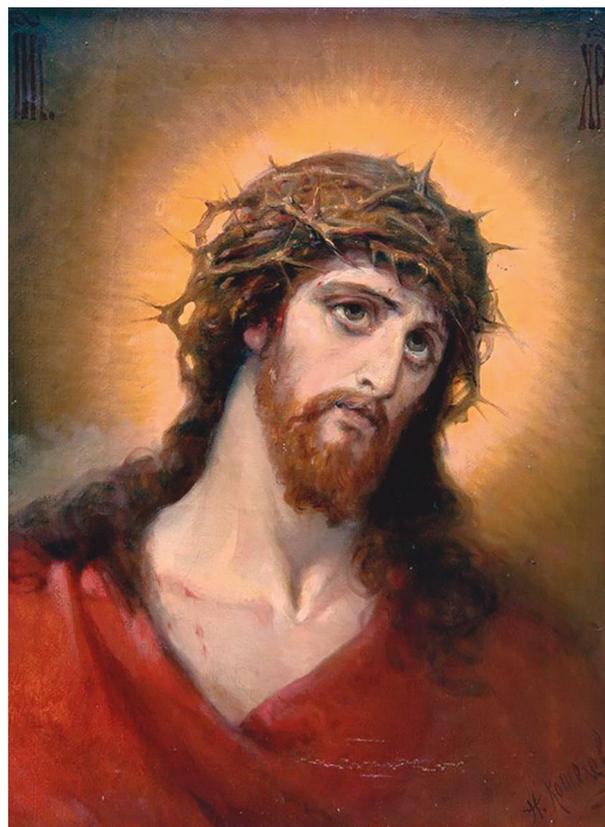
написанных Н.А. Кошелевым по заказу Императорского Православного Палестинского Общества для русского храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в Иерусалиме, является одной из вершин в творчестве художника.

В 1960-х гг. после завершения строительства Собора Святой Троицы — главного Храма Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Московского Патриархата — русский художник Михаил Феофанович Грановский выполнил работу по росписи стен и декоративному убранству внутреннего интерьера (ил. 14). Пётр Кириллович Соколов (1829–1898), русский художник и реставратор, по заданию ИППО аналогичную работу осуществил в Храме св. равноапостольной Марии Магdalены на Елеоне.

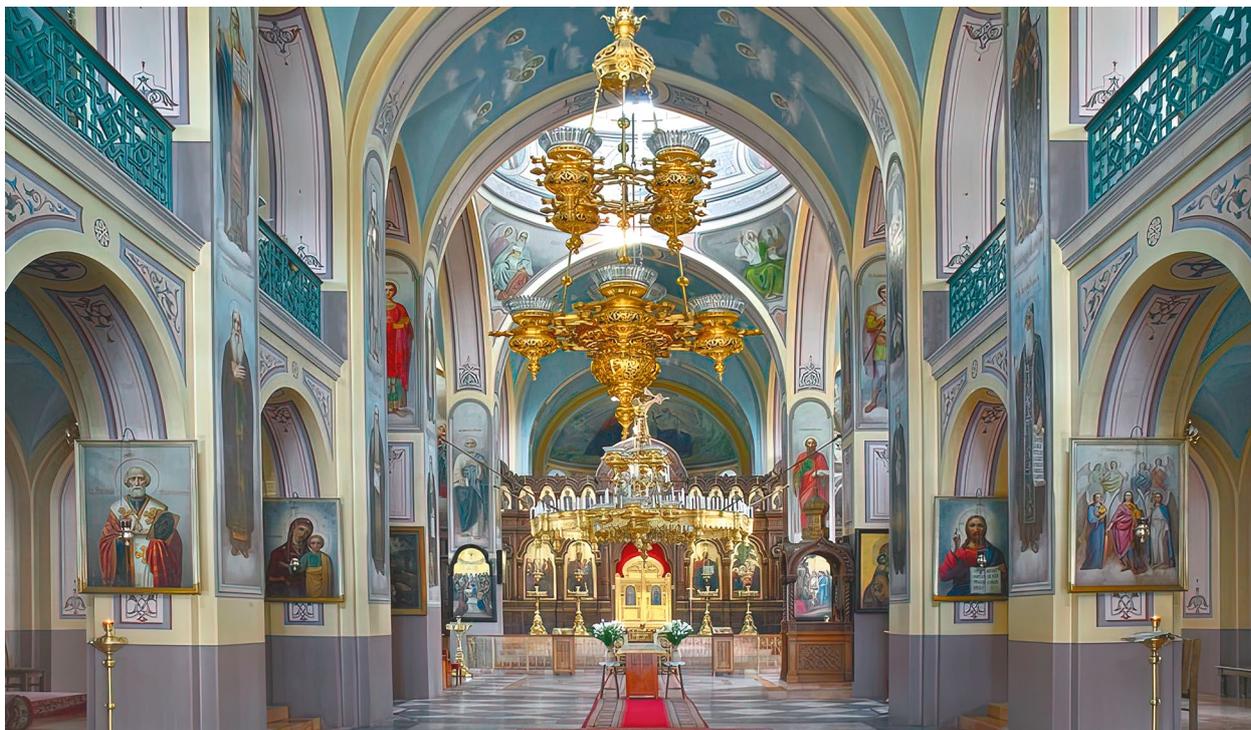
В этой статье упомянуты далеко не все российские художники, совершившие па-

Ил. 12. И.Е. Репин. Несение Креста (1890 г.).
Александровское подворье. Иерусалим

Ил. 13. Н.А. Кошелев.
Христос в терновом венце (1990 г.).
Александровское подворье. Иерусалим

Ил. 14. Вид на алтарную часть Собора Святой Троицы в Иерусалиме
с настенными росписями М.Ф. Грановского

ломничество в Палестину и запечатлевшие самые разные сюжеты, связанные со Святой Землей и её центром — Иерусалимом. И в наши дни отечественные живописцы приезжают туда, и результатом их путешествия становятся новые достойные внима-

ния шедевры. Сказанное выше позволяет утверждать, что исторические связи России и Святой Земли с её центром в Иерусалиме оказали существенное влияние на формирование духовных и культурных основ и ценностей Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. текста, ст. и коммент. С.К. Шамбинаго. М.: Художественная литература, 1938.
2. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост., вступ. ст., прим. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991.
3. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина: В 2 т. Л.: Наука, 1983–1986. Т. 1.
4. Голубина книга сорока пядень. Сборник Кирши Данилова / Под ред. П.Н. Шеффера. СПб.: Изд. Императорской публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в библиотеку князем М.Р. Долгоруковым, 1901.
5. Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. М.: Книгоизд-во «Современные проблемы», 1914.
6. Василий Буслаев Во славно во Нове-городе. // Новгородские былины / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М.: Наука, 1978.
7. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб.: Типография Импер Академии наук. Т. 1. 1873.
8. Ломоносов М.В. Ода Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Феодоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, и протчая, Всемиловнейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинных радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. 1959.
9. Ломоносов М.В. Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства Ея Величества Сентября 5 дня 1759 года и на преславных Ея победы, одержанных над королём прусским нынешняго 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова. Там же.
10. Державин Г.Р. Ода на поднесение его императорскому величеству великого магистерства ордена святого Иоанна Иерусалимского, и на победу над французами, российским флотом одержанную, 1798 года. СПб.: Типография Г.М. Коллегии, 1798.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3: Поэмы, Сказки. С. 379.
12. Житие святого отца нашего Иоанна, архиепископа Новгородского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. 12 кн. Кн. 2 доп. М.: Моск. Синод. тип., 1903–1916. Т. I. С. 169.
13. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. Т. 2: Стихотворения и поэмы. 1837–1841. С. 14.
14. Александрова-Осокина О.Н. Стихотворение П.А. Вяземского «Иерусалим» в контексте «паломнической темы» русской литературы: опыт интерпретации духовной лирики // Вестник Челябинского государственного университета. № 12 (408). Филологические науки. Вып. 110. 2017. С. 8.
15. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 1: Стихотворения (1888–1911). Рассказы (1892–1901). С. 197–198.

16. Блок А. Двенадцать. Петербург: Алконост, 1918. С. 18.
17. Осип Манделштам. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения, переводы / Сост. С. Аверинцев и П. Нерлер. М.: Художественная литература, 1990. С. 114.
18. Ахматова А.А. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1976. С. 325.
19. Цветаева М.А. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1: Стихотворения (1906–1920). С. 388.
20. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Воскресение, 2001. Т. 4: Стихотворения. Поэмы 1918–1921. С. 98.
21. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. IV. С. 547.
22. Гейзер М.М. Маршак. ЖЗЛ. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая Гвардия, 2022. С. 80.
23. Маршак С.Я. Стихотворения и поэмы. М.: Библиотека поэта, 1973. С. 167–168.
24. Маршак С.Я. Палестина. Еврейские мотивы в русской поэзии. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1974. С. 29.
25. Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим: Кетер, 1990. Т. 5. С. 140.
26. Галеви Иегуда. Сердце моё на Востоке. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990. С. 35.
27. Еврейские мотивы в русской поэзии. М.; Иерусалим: Менора, 1993. С. 111–112.
28. Дементьев А.Д. Вирази времени. М.: Эксмо, 2004. С. 135.
29. Письма Н.В. Гоголя / Под ред. В.И. Шенрока. СПб., 1902. Т. IV. С. 301.
30. Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского. СПб., 1883. С. 83.
31. Чаадаев П.Я. Первое философическое письмо // Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 41.
32. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской патриархии. Т. 15. С. 303.
33. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М.: Правда. 1984. С. 37.
34. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 6. С. 224.
35. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 7: Война и мир. Том четвёртый. С. 10.
36. См.: Житенёв С.Ю. Русские художники XIX века у святынь Вселенского Православия // Русский мир — 2011: Сборник статей. М. Магистр: ИНФРА-М, 2011. С. 65–86.
37. Письма И.Е. Репина А.В. Жиркевичу. 1888–1906 // Третьяковская галерея. Приложение к выпуску № 1 (62), 2019. С. 145.

The Influence of Jerusalem on the Russian Culture

Andrey Vasilievich Fedorchenko — Doctor of Economics (PhD), Professor, Director of the Center for the Middle East Studies at the Moscow State Institute of International Relations (also known as MGIMO) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, head of the project “Jerusalem and the Holy Land in the Retrospective of the Russian Foreign Policy in the Orthodox East” (21-014-41001).

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Aleksandr Vladimirovich Krylov — Doctor of Historical Sciences (PhD), Professor, Leading Researcher at the Center for the Middle East Studies at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, executor of the same project.

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Jerusalem and Russia are bound not by years, but by centuries. Since the time of the Baptism of Russia, Jerusalem has been associated with the center of the universe and the spiritual foundations of all mankind, with the center of the origin of the three major monotheistic religions. Since

the 11th century, thousands of pilgrims have travelled from the Russian land to the East “to Jerusalem City to pray, to worship the Holy Sepulcher”. The history of Jerusalem and biblical tales about it were reflected in the Old Russian folklore, the paintings of famous Russian painters, the works of classic Russian literature, the memoirs of famous representatives of the Russian culture and public thought. The article reveals some plots and aspects of this immense topic.

Keywords: Jerusalem, Palestine, Russia, Old Russian heroic poems about Jerusalem, pilgrimage to the Holy Land, Holy City in Russian culture

REFERENCES

1. Drevnie rossiiskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym / Podgot. teksta, st. i koment. S.K. Shambinago. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1938 (in Russian).
2. Golubinaya kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv. / Sost., vstup. st., prim. L.F. Soloshchenko, Yu.S. Prokoshina. M.: Moskovskii rabochii, 1991 (in Russian).
3. Sbranie narodnykh pesen P.V. Kireevskogo. Zapisi P.I. Yakushkina: V 2 t. L.: Nauka, 1983–1986. T. 1 (in Russian).
4. Golubina kniga soroka pyaden'. Sbornik Kirshi Danilova / Pod red. P.N. Sheffera. SPb.: Izd. Imperatorskoi publichnoi biblioteki po rukopisi, pozhertvovannoi v biblioteku knyazem M.R. Dolgorukovym, 1901 (in Russian).
5. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie legendy. M.: Knigoizd-vo «Sovremennye problemy», 1914 (in Russian).
6. Vasilii Buslaev Vo slavnom vo Nove-gorode. // Novgorodskie byliny / Izd. podgot. Yu.I. Smirnov i V.G. Smolitskii. M.: Nauka, 1978 (in Russian).
7. Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda. SPb.: Tipografiya Imper Akademii nauk. T. 1. 1873 (in Russian).
8. Lomonosov M.V. Oda Vsepresvetleishemu Derzhavneishemu Velikomu Gosudaryu Imperatoru Petru Feodorovichu, Samoderzhitsu Vserossiiskomu, Presvetleishemu Vladetel'nomu Gertsogu Golstinskomu, Vysokomu Nasledniku Norvezhskomu i protchaya, i protchaya, i protchaya, Vsemilostiveishemu Gosudaryu, kotoruyu Ego Imperatorskomu Velichestvu na vseradostnoe voshchestvie na Vserossiiskii Naslednyi Imperatorskii Prestol i kupno na novyi 1762 god v iz'yavlenie istinnyya radosti, userdiya i blagogoveniya vsenizhaishe prinosit vsepoddanneishii rab Mikhailo Lomonosov // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenii. M.; L.: Izd. AN SSSR. 1950–1983. T. 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732–1764. 1959 (in Russian).
9. Lomonosov M.V. Oda Eya Imperatorskomu Velichestvu Vsepresvetleishei Derzhavneishei Velikoi Gosudaryne Imperatritse Elisavete Petrovne, Samoderzhitse Vserossiiskoi, na torzhestvennyi prazdnik tezoimenitstva Eya Velichestva Sentyabrya 5 dnya 1759 goda i na preslavnyya Eya pobedy, oderzhannyya nad korolyom prusskim nyneshnyago 1759 goda, kotoroyu prinositsya vsenizhaishee i vseuserdneishee pozdravlenie ot vsepoddanneishago raba Mikhaila Lomonosova. Tam zhe (in Russian).
10. Derzhavin G.R. Oda na podnesenie ego imperatorskomu velichestvu velikogo magisterstva ordena svyatogo Ioanna Ierusalimskogo, i na pobedu nad frantsuzami, rossiiskim flotom oderzhannuyu, 1798 goda. SPb.: Tipografiya G.M. Kollegii, 1798 (in Russian).
11. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii: V 10 t. M.: GIKHL, 1959–1962. T. 3: Poemy, Skazki. S. 379 (in Russian).
12. Zhitie svyatogo ottsa nashego Ioanna, arkhiepiskopa Novgorodskogo // Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svt. Dimitriya Rostovskogo. 12 kn. Kn. 2 dop. M.: Mosk. Sinod. tip., 1903–1916. T. I. S. 169 (in Russian).

13. Lermontov M.Yu. Polnoe sobranie stikhotvorenii: V 2 t. L.: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1989. T. 2: Stikhotvoreniya i poemy. 1837–1841. S. 14 (in Russian).
14. Aleksandrova-Osokina O.N. Stikhotvorenie P.A. Vyazemskogo «Ierusalim» v kontekste «palomnicheskoi temy» russkoi literatury: opyt interpretatsii dukhovnoi liriki // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 12 (408). Filologicheskie nauki. Vyp. 110. 2017. S. 8 (in Russian).
15. Bunin I.A. Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. M.: Voskresen'e, 2006. T. 1: Stikhotvoreniya (1888–1911). Rasskazy (1892–1901). S. 197–198 (in Russian).
16. Blok A. Dvenadtsat'. Peterburg: Alkonost, 1918. S. 18 (in Russian).
17. Osip Mandel'shtam. Sochineniya: V 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya, perevody / Sost. S. Averintsev i P. Nerler. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. S. 114 (in Russian).
18. Akhmatova A.A. Stikhotvoreniya i poemy. Biblioteka poeta. L.: Sovetskii pisatel', 1976. S. 325 (in Russian).
19. Tsvetaeva M.A. Sobranie sochinenii: V 7 t. M.: Ellis Lak, 1994. T. 1: Stikhotvoreniya (1906–1920). S. 388 (in Russian).
20. Gumilyov N.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. M.: Voskresenie, 2001. T. 4: Stikhotvoreniya. Poemy 1918–1921. S. 98 (in Russian).
21. Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenii: V 11 t. M.: SLOVO/SLOVO, 2004. T. IV. S. 547 (in Russian).
22. Geizer M.M. Marshak. ZHZL. Zhizn' zamechatel'nykh lyudei. M.: Molodaya Gvardiya, 2022. S. 80 (in Russian).
23. Marshak S.Ya. Stikhotvoreniya i poemy. M.: Biblioteka poeta, 1973. S. 167–168 (in Russian).
24. Marshak S.Ya. Palestina. Evreiskie motivy v russkoi poezii». Ierusalim: Biblioteka «Aliya», 1974. S. 29 (in Russian).
25. Kratkaya evreiskaya entsiklopediya. Ierusalim: Keter, 1990. T. 5. S. 140 (in Russian).
26. Galevi Ieguda. Serdtse moyo na Vostoke. Ierusalim: Biblioteka «Aliya», 1990. S. 35 (in Russian).
27. Evreiskie motivy v russkoi poezii. M.; Ierusalim: Menora, 1993. S. 111–112 (in Russian).
28. Dement'ev A.D. Virazhi vremeni. M.: Eksmo, 2004. S. 135 (in Russian).
29. Pis'ma N.V. Gogolya / Pod red. V.I. Shenroka. SPb., 1902. T. IV. S. 301 (in Russian).
30. Puteshestvie na Vostok knyazy P.A. Vyazemskogo. SPb., 1883. S. 83 (in Russian).
31. Chaadaev P.Ya. Pervoe filosoficheskoe pis'mo // Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma. M., 1991. T. 1. S. 41 (in Russian).
32. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. M.; Kiev: Izd-vo Moskovskoi patriarkhii. T. 15. S. 303 (in Russian).
33. Gogol' N.V. Sobranie sochinenii: V 8 t. T. 1. M.: Pravda. 1984. S. 37 (in Russian).
34. Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. L.: Nauka, 1976. T. 6. S. 224 (in Russian).
35. Tolstoy L.N. Sobranie sochinenii: V 22 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978–1985. T. 7: Voina i mir. Tom chetyortyi. S. 10 (in Russian).
36. Sm.: Zhitenyov S.Yu. Russkie khudozhniki XIX veka u svyatyn' Vselenskogo Pravoslaviya // Russkii mir – 2011: Sbornik statei. M. Magistr: INFRA-M, 2011. S. 65–86 (in Russian).
37. Pis'ma I.E. Repina A.V. Zhirkevichu. 1888–1906 // Tret'yakovskaya galereya. Prilozhenie k vypusku № 1 (62), 2019. S. 145 (in Russian).

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2024, № 3 (118)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 23.09.2024. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 345550

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3